

Начало века

2025

№ 1

Литературный и краеведческий журнал

НАЧАЛО ВЕКА 2025/1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий ИВАНОВ
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Софья РУБАКОВА
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: kryukov-49@mail.ru

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>
<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке: Серафима СТРИЖОВА.
«Утренний натюрморт». Холст, масло.

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

Галина и Сергей БОГОСЛОВСКИЕ Счастливое страшное время	2
Виктор КЛИМЕНКО Кисть рябины	33

ПОЭЗИЯ

Геннадий СКАРЛЫГИН	42
Ольга КОРТУСОВА	52

ПРОЗА

Павел СУХАЧЁВ Прорва	58
Александр МУЛЕНКО В опасном кулуаре	63
Александр ТАРАЗАНОВ Курица	70
Степан КЛИМОВ Пивной опус.....	73

ПОЭЗИЯ

Никита ЗОНОВ	76
---------------------------	----

ПРОЗА

Евгений МИРМОВИЧ Рассказы	86
Татьяна НАРАЕВА Я тебя люблю	101

ПОЭЗИЯ

Николай ПОПОВ	104
Николай КОНИНИН	108

ПРОЗА

Сергей КУКЛИН Спектакль на барже	111
Сергей ЯКОВЛЕВ Молоко с пенкой	124
Александр КАШТАНОВ «Разоблачение»	127
Ефим ГАММЕР Рассказы	131

ЗАМЕТКИ О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

Владимир КРЮКОВ	137
------------------------------	-----

БЫЛОЕ

Виктор СВИНИН «Вей, вей, ветерок...»	148
Ариадна ЦИМБАЛИСТ Минувшее проходит предо мною	151
АВТОРЫ НОМЕРА	157

Галина Богословская, Сергей Богословский

СЧАСТЛИВОЕ СТРАШНОЕ ВРЕМЯ

повесть

Предисловие

Эта повесть появилась на свет благодаря рассказам о своей жизни моей бабушки, Валентины Николаевны, урождённой Арсентьевой. В детстве я не ходила в ясли и детский сад, а была «индивидуалисткой», которую воспитывала бабушка. Она учила меня декламировать наизусть большие отрывки стихов уже с трёх лет, показывала движения необычных для советских детей танцев – краковяка, мазурки... учила языкам. Но больше всего на свете мне запомнились её рассказы. В раннем детстве это были почти сказки с волшебными героями, самым любимым из которых был пёсик Бобка. В юности она рассказывала эпизоды из своей жизни времён революции, Гражданской войны и первых лет советской власти. Сначала я не задумывалась о величине событий тех лет. Но когда умерла бабушка, а потом и тётя Лида, мамина младшая сестра, я стала подумывать о том, чтобы положить бабушкины рассказы на бумагу. Передо мной лежала коллекция фотографий Арсентьевых и Богословских, снятых в первой четверти XX века, я вглядывалась в их лица и записывала по памяти то, что мне рассказывала о них Валентина Николаевна.

Меня захватило. Пока писала, несколько раз пережила вместе с бабушкой, её братьями и сёстрами события их детства и юности, происходившие больше ста лет назад. Так родилась эта маленькая повесть о жизни семьи Арсентьевых в то далёкое жестокое время.

Арсентьевы

– Как прекрасно на новом месте! Миша! Смотри, здесь тоже река, как у нас в Нижнем! – теребила за руку старшего брата десятилетняя Валя.

Дети стояли у окна. Мише было двенадцать, и он считал восторги сестры детскими. Он уже поступил в третий класс реального училища, а Валька – так, мелюзга, только окончила церковноприходскую школу. Правда, она много читала, и даже запрещённые книжки – стихи про любовь Надсона. Для этого Валька выпрашивала свечку у няни Аннушки, залезала под одеяло и читала, читала. Он, Миша, конечно, не фискал и не ябедничал, а вот Женька... Это самая младшая сестра, ей всего-то восемь лет, и она любимица маман, Ольги Михайловны.

– Миша! Ты чего? Я тебя про реку спрашиваю, а ты уставился в угол и молчишь. Как река называется, ты знаешь? Ведь это не Волга? Волга в Нижнем, – трясла руку брата Валя.

– Река называется Томь. Ведь наш новый город – Томск, значит, и река – Томь. Неужели непонятно? – пытался высвободить свою руку Миша.

На самом деле река называлась Ушайка, только дети узнали об этом позже.

– Конечно, непонятно, ведь раньше мы жили в Нижнем Новгороде, и он стоял на Волге. И он вовсе не Волгск.

Миша не нашёлся, что на это ответить, и вышел из гостиной, сказав, что его ждут новые друзья из реального училища – Игорь Богословский и Николай Лисицын. Валя обиделась, ведь она ещё не завела подруг, и привыкла всё время проводить с братом и сестрой.

Раньше она ухаживала за больной сестрой Шурой, которая недавно умерла от какой-то непонятной болезни – костного туберкулёза. Валя очень любила сестру, ведь только с ней можно было обсуждать интересные книги и стихи. Шура была прикована к инвалидной коляске и все её занятия сводились к чтению.

Никто из семьи Арсентьевых так не любил читать, как Валя. Она это делала ночью со свечой под одеялом, на переменах в школе, дома вместе с Шурой и вообще, где придётся, даже в чулане или погребе, куда их с Мишей и Женей посылала маман, когда занималась стряпнёй. Случалось это не часто, так как в доме у Арсентьевых была кухарка Глаша и горничная Параша. Няню Аннушку пришлось оставить в Нижнем, и теперь Валя не представляла, где она будет добывать свечи для ночного чтения.

Вот и сейчас у Вали под матрасом покоился томик Апухтина, и она раздумывала, куда бы спрятаться, чтобы почитать. Но тут она увидела в окно Мишу и двоих его товарищей.

«Это, наверное, и есть Игорь и Николай, – подумала Валя. – Интересно, кто из них кто? Тот, чёрненький – это Игорь, наверное, а светлый – Николай, или наоборот? Чёрненький симпатичный, но – фу, у него кривые ноги».

Размышления были прерваны истошным криком Ольги Михайловны, которая сегодня занималась приготовлением обеда для новых гостей:

– Мишка, Валька, Женька, кто-нибудь! Принесите из погреба молоко!

Валя стремглав помчалась на кухню, зная, что Миша ушёл с друзьями, а Женя учила урок со старшей сестрой Марусей, которой было уже двадцать лет и которая поступила на женские курсы после гимназии. «Какая же она взрослая и красивая!» – думала о ней Валя.

Ольга Михайловна стояла посреди кухни с пустым бидоном, в огромном фартуке, и размахивала руками.

– Ну! Наконец-то! Где вас носит?

Почему-то в минуты кухонного действия она объединяла трёх младших детей в единое целое, которое всегда должно было быть у неё под рукой.

– Маман! Мы уже семь раз бегали в погреб. Не могли бы вы сразу сказать всё, что надо принести? – вежливо спросила Валя.

– Нет, не могла. Я только сейчас решила, что необходимо приготовить моё фирменное мороженое с клубничным джемом. Кстати, принеси и джем!

На это Вале возразить было нечего. Маман делала самое вкусное на свете мороженое, а уж клубничное – тем более. У Вали даже засосало под ложечкой. У Арсентьевых было несколько видов специальных морожениц, в которых колдовала маман, а потом всё мужское население дома, включая дворника, относили это волшебство на ледник в погреб. На следующий день вся семья, прислуга, а в Нижнем ещё и половина улицы, за полчаса съеда-

ла приготовленное мороженое. Валя вкуснее ещё ничего не ела, хотя маман была известной кулинаркой и готовила много восхитительных блюд: телячьи котлеты со шкварками, расстегаи и рыбные кулебяки, запечённую осетрину и сладкие пироги. Но всё это было только по праздникам и когда в дом приходили гости, а в будние дни кухарка варила кашу, щи, уху и прочую полезную ерунду, которую надо было обязательно съесть, иначе в праздники не будет вкусного.

Детей в семье Арсентьевых держали в строгости. Они сами заправляли свои кровати, не имели гувернёров, а учились у старших сестёр и братьев, помогали маман по кухне и не шалили.

Глава семьи Николай Иосифович Арсентьев закончил три курса Казанского университета, страстно влюбился в свою дальнюю родственницу Оленьку Андрееву, женился и начал работать ревизором на железной дороге. В Томск он был переведён с повышением в должности. Вместе с семьёй Арсентьев снял дом из пяти комнат, кухни и подсобных помещений на берегу реки. В семье родилось всего шестеро детей, а со смертью Шуры, на лечение которой и поездки в Москву к врачам уходило почти всё жалованье Николая Иосифовича, оставалось пятеро. Кроме известных уже Мишки, Вальки, Женьки и Маруси семейным любимцем был сын Константин, которому на день переезда семьи в Томск исполнилось восемнадцать лет. Шёл 1913 год.

Нижний

Валя принесла маман молоко, джем, и почти уже направилась в спальню за книгой, но её внимание привлёк непривычный ещё вид из окна. Не меньше, чем читать, Валя любила мечтать и вспоминать. Плавно текущая река напоминала ей о Нижнем Новгороде.

Там река была далеко от дома, и маленькую Валю не отпускали одну. Но ведь у неё был любимый брат Костя. Валя его боготворила. Брат был красивый, весёлый и дерзкий. Он всегда находил повод взять сестрёнку с собой на реку. Кроме Кости в семье был ещё один любимец – Бобка.

Бобка был дворнягой, а ещё Бобка был артистом. В этом они были похожи с Костей. Поэтому Бобка обожал Костю, и Костя этим пользовался. Он часто дразнил собачонку лакомствами, заставляя валяться в пыли дворика и завывать: «Уууу! Уууу! Уууу!». После этого Костя говорил:

– Э, нет, брат, ты притворялся – ничего не получишь.

Но умный Бобка знал, что своё он всё равно возьмёт, потому что маленькая Валя потихонечку всегда давала ему кусок сахара. Бобка не выдавал девочку, и их дружба крепла.

Валя была основной защитницей Бобки и перед отцом. Николай Иосифович имел крутой нрав, иногда приходил с работы злым и пинал собачонку, когда та с радостным лаем встречала его у порога. Тогда из комнат выбегала Валя, кидалась отцу на шею со словами:

– Папочка, папочка! Ты самый хороший, самый любимый! Пойдём на реку!

Больше всего на свете отец любил реку и Валечку. После ужина компания

отправлялась на Волгу. Впереди с заливистым лаем бежал реабилитированный Бобка, за ним шёл Костя с полотенцами и припасами, замыкали процессию Николай Иосифович в обнимку с Валею и Мишей. Марусю и Женю не брали – одна была взрослой, другая – слишком маленькой для прогулок на реку.

Младшие дети выбирали удобные зрительские места на берегу, к ним присоединялись другие посетители пляжа, и представление начиналось. Отец и сын одновременно бросались в воду и плыли на другой берег Волги наперегонки. Зрелище захватывало дух. Болельщики кричали, подбадривая своих любимцев: старшее поколение – Николая Иосифовича, младшее – Костю. Раньше отец всегда побеждал сына, но вот уже почти два года Костя оставлял отца с носом. Он плавал мощно, свободно и уверенно.

И на этот раз Костя победил. Его первенство было ознаменовано восторженными женскими визгами на берегу. Костя нравился девушкам. Он был стройным, атлетически сложенным юношей очень высокого роста, зеленоглазым и светловолосым. Настоящий русский красавец-богатырь, хотя и с еврейской хитринкой. Именно они с Валею были очень похожи на отца, остальные дети походили на маман, Ольгу Михайловну – полячку по происхождению.

Николай Иосифович с детской обидой и отцовской гордостью похлопал сына по плечу и не торопясь поплыл обратно. Костя остался на том берегу. Его великолепная фигура вырисовывалась в свете заходящего солнца. Барышни вздыхали. Но спектакль ещё не закончился, а его главный артист грелся на солнышке на берегу, почёсывая задней лапой за ухом.

Костя вошёл в воду и мощно поплыл в обратном направлении. Когда до берега оставалось метров двадцать, он неожиданно ушёл под воду, затем вынырнул и закричал:

– Бобка, Бобочка, спаси!

Пёс заметался, залаял и, бросившись в воду, поплыл спасать хозяина, который бултыхался, изображая утопающего. Когда «спасатель» и «утопающий» встретились, Бобка поплыл назад, оглядываясь на Костю и лая на него с упрёком.

Выход приятелей из воды сопровождался победным лаем пёсика и ликующим рёвом восхищённой публики. Вот тут-то и начиналось раздолье. Зрители ласкали и кормили героя. А тот с гордостью оглядывался на Николая Иосифовича, намекая: «Вот ты меня давеча обидел, а я смотри какой!».

Для Вали эти минуты были самыми счастливыми в её жизни в Нижнем. Ведь там случалось не одно только хорошее. Было одно очень неприятное происшествие. И хотя Вале тогда было всего пять лет, но стыдно вспоминать и сейчас. В то время у них ещё не было Бобки. Если бы он был с ней, то непременно бы спас, а так...

Они жили на съёмной половине, а не в отдельном доме, как сейчас, и у хозяев были свиньи и куры. Девочку подвело любопытство. Кур она видела часто, они мирно клевали зерно во дворе, и петух был почти не злой. Ходил важно, по утрам кукарекал, к маленьким детям не приставал, только глядел из-под гребешка злым глазом, когда они гонялись за курами. Но что там куры, Вале они скоро надоели. А вот поросёнка она хотела бы посмотреть. Все гово-

рили, что он забавный. Валя только слышала хрюканье в сарае, но не видела, какой он, поросёнок, а очень хотелось.

И вот однажды Валя оказалась одна во дворе. Из сарая раздавалось тихое фырканье, дверь была заперта. С трудом девочка отодвинула тяжёлый засов – теперь таинственные звуки раздавались совсем рядом и становились всё громче.

Вот наконец дверь поддалась, но Валя не успела ничего увидеть – нечто большое и тяжёлое бросилось ей под ноги. Она упала на мокрое, скользкое и шершавое, схватилась за какую-то верёвочку и понеслась верхом на чём-то задом наперёд.

Валя была страшно напугана, поросёнок – ещё больше. Он с визгом уносил любопытную гусыню на своей спине и страшно визжал оттого, что Валя держалась за его хвостик. Как на грех, ворота на улицу в этот момент отворили для проезда телеги с сеном, и «конь с седоком» пулей вылетел со двора. Валя тоже визжала, но за визгом поросёнка её тоненький голосок не был слышен.

Вслед за поросёнком на улицу с криком «Ах ты батюшки!» выскочила няня Аннушка, за ней Ольга Михайловна, но куда там! Поросёнок нёсся по грязной улице, визжал, Валя уже только хрипела. Прохожие вместо того, чтобы ловить беглеца, останавливались. Женщины плакали от хохота, мужики басили, размахивая руками, а бедная Валя от страха уже ничего не соображала.

В это время отец возвращался с работы, и поросёнок кинулся прямо ему под ноги, Валя отпустила хвост и приземлилась в лужу, поросёнок – в другую. Отец подхватил грязную Валию на руки, и она заревела навзрыд. Поросёнка поймала няня Аннушка и стала лупить ладошкой. Валя заплакала ещё громче:

– Папочка, свинка не виновата – это я хотела посмотреть, чем она хрюкает!

Все засмеялись ещё больше, и отец вместе с ними.

– Ну что, посмотрела?

– Не-ет! – ответила Валя и снова заревела.

В тот день её не наказали, но на следующий лишили сладкого, и на месяц запретили гулять одной во дворе.

Хоть Вале сейчас уже десять лет и она сдала экзамены в гимназию, и даже сразу во второй класс, ей немного тоскливо в новом городе, и с нежностью вспоминается Нижний, даже злополучный поросёнок.

Новые друзья

Наступил вечер. В дом съезжались гости – господа Свиридовы, Долинские и Нечай, новые сослуживцы Николая Иосифовича.

Дети были нарядно одеты, сидели в своих комнатах и ждали, когда их позвут. На Мише был новый сюртучок, на Вале и Жене – кисейные платья с оборками. На голове у Вали красовался огромный голубой бант. Женька запризничала и сорвала свой бант с головы, за что маман её отшлёпала.

Валя очень гордилась своим нарядом, особенно бантом, ведь в Нижнем у неё такого не было. Там их вообще не пускали к гостям. А теперь им позволят поздороваться со взрослыми и отведут в малую гостиную, где они будут уго-

щаться сладостями и играть с детьми приглашённых. В большой гостиной на равных со взрослыми разрешалось быть только Марусе и Косте.

Но вот отворилась дверь, и нарядная Параша жестом пригласила детей к гостям.

– Пожалуйста, младшие господа, за мной! – торжественно объявила она.

Дети вошли в гостиную. Обилие звуков, красок и запахов ошеломило их так, что они поначалу просто растерялись. Наконец Валя, поймав одобряющий взгляд отца, первая шагнула вперёд и сделала книксен. За ней шагнул Миша, резко наклонив голову в приветствии, а Женя осталась стоять на месте, крутя головой по сторонам. Маман в это время называла их по именам.

Валя сначала не заметила посторонних детей – она была увлечена созерцанием нарядов на дамах. Особенно ей понравилась жена папиного начальника Анастасия Георгиевна Долинская. Её платье было сшито по последней парижской моде – из тёмно-синего панбархата с рюшами из серебряной парчи по вырезу и рукавам. Откровенно глубокий вырез открывал не только грудь, но и плечи, а в ушах и на шее сверкали бриллианты. Валя таких нарядов никогда не видела, даже на картинках в книгах о прекрасных принцессах.

«Когда я вырасту, тоже буду такой! И меня полюбит прекрасный кавалер», – мечтала Валя, переводя взгляд с Анастасии Георгиевны на диван. И – ох! Вот он – прекрасный кавалер.

С дивана встал высокий гибкий мальчик и, по-взрослому пожав Мише руку, представился:

– Жорж Нечай.

Волосы у Жоржика были чёрными, как смоль, глаза тоже очень тёмные, ресницы длинные, как у девочки, а взгляд какой-то необыкновенный. Просто нельзя было оторвать от него глаз. На вид мальчику было лет тринадцать, и на Мишу он смотрел немного свысока. Вале и Жене был предназначен лёгкий кивок головой.

Рядом с Жоржем вертелось кисейно-белое создание лет семи. Девочка с интересом смотрела на Женю – она была с ней одного возраста и роста.

– Вея! – представилась она Жене, предварительно дёрнув её за косу.

– Моя сестра Вера, – снисходительно пояснил Жоржик. – Она ужасно картавит – не обращайтесь на это внимания.

«Как не обращать внимания, – подумала Валя, – когда непонятно, что она говорит!»

Но тут её мысли прервали взрослые. Дама в зелёном атласном платье с глазами, изумительно похожими на глаза Жорочки (так Валя про себя уже окрестила мальчика), похлопала в ладоши и объявила:

– Внимание, господа! Сейчас моя дочь Вера прочтёт стихотворение!

Вера, ничуть не стесняясь, влезла на стул и начала:

У звеей бый сумный бай.
Войк с коёвой танцевай,
Пявда, очень неукюзе,
Но видаи мы и хузе!

И дальше в том же духе. В зале стоял тихий хохот, хотя взрослые пытались сделать серьёзные лица, чтобы не обидеть девочку.

Валя ничего не понимала из её картавой речи и была растерянна и немного обижена. Ведь стихи – это таинство звуков и рифм, которые всегда вызывали в ней чувство романтического восторга, предчувствие счастья, любви, будущей взрослой, такой загадочной, необыкновенной и прекрасной жизни, да просто чуда. А здесь!.. Она оглянулась на Жору, который тоже сидел с недовольным видом.

Заметив её взгляд, Жорж обратился к ней:

– Опять маман устраивает этот цирк! Не понимаю, – и пожал точёным плечиком.

Валя кивнула, ведь сказать она ничего не могла оттого, что ОН к ней обратился. ОН – её кумир.

Представление закончилось. Детей отвели в малую гостиную, а взрослые направились в каминный зал играть в карты, пить коньяк и кофе.

В малой гостиной был накрыт круглый стол, на котором стояли бутылки ситро, вазы с фруктами, сладкие пироги, а в центре красовался огромный торт. Это было настоящее произведение кондитерского искусства. В центре кулинарного чуда помещался удивительный фонтан из разноцветных леденцовых струй, переходящих в крупные шоколадные, мармеладные и марципановые капли, орошающие кремовые цветы, «произрастающие» по краям бисквита. У детей разбежались глаза. Параша пригласила их к столу, разлила по бокалам ситро, разложила по тарелочкам пироги и, сказав, что торт будет к чаю, ушла. Пироги были съедены и ситро выпито очень быстро.

Дети с восторгом смотрели на торт, и только непоседливая Вера лизнула краешек кулинарного шедевра языком. Жора оттащил её за край платья, показав кулак. Только Вера собралась заплакать, как вошла горничная с лопаткой для пирожных и начала резать торт. Всем достались кусочки, которые они сами выбрали. Торт оказался очень вкусным, но нарезанный он уже не представлял того волшебного зрелища. Оставшуюся часть отнесли взрослым, а дети стали играть.

Они, как и раньше, выдумывали ребусы, танцевали под патефон и загадывали желания фантам. Желания были смешными: прокукарекать три раза – это досталось Мише, пролезть под столом – Женька с удовольствием туда залезла, проскакать вдоль комнаты на одной ножке – это досталось Жоре. Он не стал воображать и легко и свободно проскакал, приговаривая «Ух ты, дывься!». Валя сначала не поняла, что он говорит, а потом ей объяснили, что это по-украински – «смотри», ведь семья Нечай приехала с Украины.

Вале достались её любимые стихи. Она с выражением прочла «Весну» Тютчева, но это ни на кого не произвело впечатления. Всем больше нравилось, как кукарекали или лазили под стол.

Потом Жора предложил поиграть в мнения. Арсентьевы не знали такой игры. Тогда Жора объяснил правила. Один из играющих выходит в коридор, а остальные по очереди говорят, что они о нём думают. Например, кто-то считает, что он хитрый, другой – что он по утрам уши не моет, и так далее. Когда

игрок возвращается в комнату, ведущий объявляет: «Я был на балу и слышал про вас такую молву! Один говорит, что вы хитрый, другой – что вы уши не моете!». Задача выходявшего в коридор – отгадать, кто и что про него сказал. Тот, чьё мнение угадано, выходит из комнаты, и всё повторяется, только про него.

Дети согласились попробовать поиграть, посчитались – Вале выпало выходить в коридор.

В комнате в это время слышался весёлый смех. Затем Валю позвали. Миша оказался ведущим и рассказал, что остальные о ней думают. Говорили, что она книгочей, пловчиха, сладкоежка. Это для Вали не было тайной и не было обидным. Но последнее мнение больно задело её. Кто-то сказал: «Чем хуже рожа, тем больше бант!». Валя подумала на Мишу и сказала это, но все засмеялись и указали на Жору. Тогда Валя заплакала и убежала к себе в спальню.

Она проплакала всю ночь. Это был самый несчастливый день в её маленькой жизни, даже хуже, чем день скачек на поросёнке в Нижнем. Потом Жора извинялся перед ней несколько раз, но всё было напрасно. Прекрасный принц превратился в обыкновенного жестокого и грубого мальчика. Вот до чего доводят романтические мечты! Валя этот урок усвоила на всю жизнь.

Костя

Быстро летело время. Валя освоилась в своём классе женской гимназии, училась на отлично. Правда, подруг не завела. Одноклассницы не любили читать, а только болтали о нарядах и мальчиках. Как ни странно, подружилась она с младшими девочками – ровесницами Женьки. Это были Вера Смольникова и Аля Ананьева. Вера была весёлой хохотушкой-коротышкой. Аля поражала недетской красотой и задумчивостью. Так они и дружили вчетвером: Женька с Веркой баловались, а Валентина с Алей мечтали. Но они были ещё детьми, так что серьёзности хватало ненадолго, особенно когда в компании появлялась Вера Нечай со своими картавыми штучками. Тут уж смеялись до упаду. В шумных играх к ним присоединялись мальчики – Миша, Коля, Игорь и злополучный Жорка. Ух! Как Валя его ненавидела!

Часто перед ним она хвасталась своим старшим братом Костей. А тот иногда приходил домой какой-то взвинченный.

– Валёк! А давай с тобой прогуляемся по проспекту, – предлагал он. – Ты будешь моей дамой, а я твоим кавалером!

В такие минуты Валя трепетала от счастья. Она надевала своё самое красивое платье, совсем взрослое, и шляпку. Бантов она теперь не носила – не могла забыть Жорину выходку. В таком наряде под ручку с красавцем Костей она направлялась на прогулку. Гуляли долго, обходя богатых красивых домов.

– Всё! Быстро пробегаем мимо этого вертепа! – внезапно говорил Костя. – Здесь меня хотели женить!

Валя не понимала, что такое вертеп и почему от женитьбы надо бегать. Ведь в её любимых романах этим заканчивались самые счастливые истории.

А Костя был любимцем барышень. Он быстро знакомился с какой-нибудь

красоткой на балу или у знакомых, начинал пылко ухаживать. Он умел говорить комплименты, дарил цветы, танцевал и смотрел особенным взглядом. Через неделю пассия таяла, крепость сдавалась. Ещё пару недель Константин выслушивал её сплетни и глупые рассказы про наряды и прислугу. Потом мочи уже не было терпеть эту болтовню, и Костя начинал прятаться. Он притворялся больным, хромым, говорил всем, что уехал в деревню, а сам сидел в чулане со свечой и читал спортивные новости в местной газете. Укрытие ему предоставляла, конечно, сестра Валентина.

Брошенная девушка, поплакав два-три дня, изображала ненависть и безразличие. Пару раз Костю дубасили её братья и отчитывали отцы. Но его романы никогда не заходили слишком далеко. Невинности он девиц не лишал, хотя каждая из них добивалась именно этого.

Валентина была довольно высокой, и в своём новом платье и шляпке издали в темноте прекрасно сходила за взрослую барышню. Костя приглашал её на прогулку, которая всегда совершалась в сумерках. Он прогуливал свою якобы новую пассию перед окнами прежней, нежно поддерживая под локоток, но когда видел свет и девичью тень в знакомом окне, быстро уводил ничего не подозревавшую сестру в другую сторону.

Прежняя любовь была оскорблена до глубины души, рыдала в подушку, но дня через три как ни в чём не бывало появлялась на очередном балу и подхватывала нового кавалера.

В этом году май выдался не по-сибирски жарким. В городском саду на открытом воздухе играл духовой оркестр, и вся томская элита собиралась там по вечерам на танцы. Исполняли мазурку, вальс, кадрили, падеспань, польку и другие красивые и весёлые танцы. Костя был первым кавалером на этих летних импровизированных балах. Он мог выбрать любую партнёршу, потому что танцевал прекрасно. Даже бывшие подруги прощали ему предательство за тур вальса или кадрили. Ему не было равной пары. Все барышни имели какой-нибудь изъян. Одни сбивались с такта, другие не удерживали бешеного темпа, в котором танцевал Костя.

В один из тёплых майских вечеров Константин немного опоздал к началу. Как обычно, играл духовой оркестр, благоухали первые нарциссы и крокусы, цвели сирень и яблони. Он подошёл, запыхавшись, к краю площадки и встал за кустом жимолости. Пары грациозно танцевали вальс, но среди наблюдающей публики было необычное оживление. Все перешёптывались, бросая восторженные взгляды в центр площадки.

А там вальсировала необыкновенная пара. Папин начальник, господин Долинский, кружил в танце живую Терпсихору. Девушка была молода, черно-волоса и хороша собой. Она не танцевала, но величественно парила над всем этим обыденным миром. Изгибы её талии, плеч – всё было подвластно танцу. Гордая головка в такт музыке откидывалась то влево, то вправо. Костя был зачарован и не мог оторвать взгляда от юной красавицы. Кстати, как и все остальные.

Танец закончился. Необычная пара подошла к скамье, на которой сидела и с гордостью улыбалась Анастасия Георгиевна Долинская. Вот тогда Костя и понял, что окончательно пропал. Сердце билось, как пойманная птица, руки

дрожали, взгляд пылал. Самый бойкий кавалер Томска, он не мог отважиться подойти к девушке. Его выручили родители. Они в кои-то веки собрались в городской сад и вальсировали почти рядом с Долинскими. Но Костя ничего и никого уже не видел.

– Ах, вот ты где! – воскликнула незаметно подошедшая к нему маман. – Анастасия Георгиевна о тебе справлялась. Пойдём! Я тебя представлю их дочери. Аврора недавно приехала на каникулы из Петербурга.

«Аврора!» – пронеслось в Костиной голове.

Арсентьевы подошли к Долинским. Костя был представлен девушке, но не смог вымолвить ни одного слова, не то что комплимента. Его было не узнать.

– Костя! Твоя любимая мазурка, – подсказал сыну Николай Иосифович. – Пригласи Аврору!

Костя тотчас воспользовался случаем и повёл новую знакомую в танце. Музыка придала юноше смелости, и они в паре прошли по площадке с гордо поднятыми головами. Танцевали оба под стать друг другу. Сначала Аврора снисходительно поглядывала на провинциального кавалера, но с ускорением темпа музыки Костя вошёл в раж, глаза его загорелись, тело исполняло знакомые па с небывалым изяществом. Аврора приняла этот вызов, и они остались танцевать в кругу. Лучшую пару провожали восхищённые и завистливые взгляды.

За мазуркой был падекатр, затем полька, а потом снова вальс, когда Костя смог обнять девушку за талию и заглянуть в её глаза, полные грусти.

Костя и Аврора стали встречаться в городском саду каждый день. После танцев он провожал девушку домой.

Костя хохмил, рассказывая про Бобку, младших сестёр и брата, изображая потешные сцены в лицах. Особенно ему удавалось изображать поросёнка после скачек с Валей. Аврора хохотала. Она рассказывала ему про Смольный институт, подруг – сестёр Бортнянских, которые были близняшками и постоянно обманывали учителей.

– Представляешь, – рассказывала девушка, – учитель словесности вызвал к доске Ольгу, которая была замечательной физкультурницей, но ненавидела литературу и музыку. Вышла Светлана. Бойко ответила отрывок из Гамлета, получила «отлично». И вдруг учитель вызывает Светлану. Пришлось идти Ольге, которая схватила единицу! Вот Светлана потом выговаривала сестре!

Аврора смешно изобразила ссору. Костя, не перебивая и затаив дыхание, взял её за руку. До этого дня он прикасался к ней только в танце. Аврора своей руки не отдернула, но замолчала. Костя горячо и нежно посмотрел девушке в глаза, и она ответила ему таким же взглядом. В это время они уже подходили к дому Долинских. Из окна выглянула Анастасия Георгиевна и позвала:

– Костенька! Идите к нам чаёвничать!

Но Костя отказался, придумав, что его ждут дома. На самом деле он боялся, что мать Авроры все поймёт по его глазам. «Ну и что! Пусть видит, что я её люблю. Что здесь такого!» – тут же спорил он сам с собой.

Что-то мешало ему признаться в своих чувствах Авроре, а тем более показать их в семье Долинских. Слишком коротким было их знакомство. Кроме

того, словно шестым чувством юноша угадывал недосказанность в поведении и взглядах Авроры. Была в их семье какая-то тайна.

Костя сделал вид, что ушёл, а сам пробрался в сад и встал под окнами любимой. Он уже знал эти два окна на втором этаже. Они находились сразу за углом дома, и сейчас засветились тёплым и нежным светом, как будто приветствуя юношу.

Костя уже несколько раз стоял так под окнами Долинских. Его переполняли неведомые доселе чувства, и было достаточно только знать, что вот за этой шёлковой голубой портьерой скрывается самое прекрасное создание на свете. Он вдыхал запах сирени в саду и мечтал о том, как снова увидит свою изумительную партнёршу, закружит её в танце, посмотрит в глаза. Смешно! Ловелас и повеса, известный всему Томску своими похождениями, был смущён и не решался на дерзкие ухаживания по отношению к Авроре. Да и она отличалась от его прежних пассий. Она не говорила о нарядах, не сплетничала, не важничала, была простой, естественной и милой. С виду их отношения походили просто на дружбу. Но какие страсти бушевали в груди у молодого человека! А у неё? Костя этого не знал и в первый раз в жизни мучился.

Так Костя и стоял под окном Авроры, чуть дыша. Вечерний ветер, играя кроной низкой сибирской вишни, растрепал Костину шевелюру, так что в темноте его светлые волосы сливались с листвой дерева. Вдруг приоткрылось окно первого этажа – эта комната была кабинетом Виктора Аркадьевича Долинского, и раздался женский голос:

– С этим что-то надо делать!

Анастасия Георгиевна подошла к самому окну и закурила длинную модную пахитоску. Костя почувствовал мятный аромат дыма.

Долинский тоже подошёл к окну.

– А что с этим сделаешь? – вздохнув, сказал он.

– Она совсем из-за этого молокососа голову потеряла. Не отвечает на письма Леонида. Через две недели помолвка. Надо срочно отправлять её в Петербург.

– Ты не спешишь, дорогая? – обнял жену Долинский.

– Как не спешить?! Могут рухнуть все планы! Партия с графом Боршнянским – упустить такое...

Костя даже услышал, как она притопнула каблучком. Он чувствовал себя полным негодяем, подслушивая разговор, который не предназначался для посторонних ушей. Но уйти он тоже не мог.

«Как? – думал он. – Аврора будет помолвлена с графом Боршнянским?!»

Костя мельком слышал о нём от девушки. Это был старший брат сестёр-близняшек Ольги и Светланы. Но ведь ему двадцать девять лет, а Авроре всего восемнадцать.

У Кости всё смешалось в голове. Он был словно раздираем двумя силами и не знал, что делать. Один Костя хотел срочно бежать от этого дома навсегда, запереться в чулане, заткнуть уши и... И даже умереть. Другой же порывался тотчас влезть в окно любимой и объясниться. Аврора потеряла голову из-за какого-то молокососа! Молокосос – это он, Костя! Нет! Может быть, кто-то другой? Ведь имя не было названо.

– Асенька! – прерванный разговор продолжился. – А может, ну его, Бортнянского? Ведь сразу было ясно, что она не захочет связывать с ним свою жизнь, – это говорил Виктор Аркадьевич.

Но его супруга настаивала на своём – надо ехать в Петербург и устраивать помолвку.

Костя пошевелился под своей вишней. Анастасия Георгиевна с подозрением выглянула в сад и закрыла окно.

Больше Костя ничего не слышал, он плакал. Сам не замечая, куда идёт, он направился на реку и там просидел до утра. Было 28 июня 1914 года.

На следующий день объявили о смерти эрцгерцога Фердинанда, а через день, никого не принимая, Долинские уехали в Петербург. Костя так и не успел проститься с Авророй.

Через месяц началась Первая мировая война. Константин Арсентьев записался вольноопределяющимся на германский фронт.

Ольга Михайловна, Маруся, Валя, Женька и даже Мишка горько плакали, провожая Костю на войну. Николай Иосифович угрюмо молчал. После отъезда Авроры Долинской их весёлого и беззаботного сына и брата словно подменили. Он был грустен, вял и уныл. Лишь изредка, когда Константин смотрел на Валечку, в его глазах ненадолго вспыхивал прежний огонёк. Валя была поверенной его тайн. За этот месяц она повзрослела и вытянулась.

С собой в поезд Костя почти ничего не взял. А ведь маман и кухарка к его отъезду настряпали самые любимые блюда. Но всё было напрасно. Костя, взрослый и худой, помахал рукой семье и скрылся в глубине вагона. Николай Иосифович подумал, что навсегда.

Юго-Западный фронт

– Твою мать! Костин Николаич! Куда вы прёте?! – кричал унтер Ерохин Арсентьеву, который с зажигательной смесью полз к вражеским окопам.

Ерохин плюнул, тоже схватил бутылку и пополз следом за поручиком. За ним потянулся остальной взвод.

– Ура! – закричал хриплым голосом Костя, поднялся во весь рост и бросил свою бутылку в окоп к одуревшим австрийцам.

За ним так же сделал и Ерохин, а потом все оставшиеся пятнадцать солдат. Раздались взрывы. С австрийской стороны застрочил пулемёт, но русские в своём большинстве уже успели отбежать или отползти на свои позиции. В траве остался лежать только молодой солдат Семён Смолин, сибиряк, который с Костей прошёл всю кампанию.

– Вот, Силыч! А ты говорил, что не сможем, – потирал руки Костя. – Два гнезда закидали. Остался один пулемёт, – Костя вернулся в окоп весёлым.

– Везунчик ты, Николаич, – только и развёл руками Силыч, он же Ерохин.

– А где Сеня? – оглядывался Арсентьев. – Смолина никто не видел?

– Неужто убило? – воскликнул пожилой казак Степан Талый.

Костя выглянул из окопа. Дым уже развеялся, и в полусотне метров он увидел лежащего в траве солдата. Это был Семён. Жив он или мёртв? Все

устали, и ползти снова под пули никому не хотелось. Костя выполз из окопа. Силыч уже не стал ничего кричать, потому что знал, что бесполезно, только перекрестил молодого офицера и, затаив дыхание, стал ждать. С той стороны раздались выстрелы.

– Товсь! – скомандовал Ерохин.

Раздался дружный ружейный залп – солдаты прикрывали своего командира, который на плечах нёс Смолина. Вылазка совершилась удачно. Семён был ранен, но жив, и раны были не опасные.

Война продолжалась мучительно долго... Сразу после мобилизации Костю направили в Ригу, где он прошёл ускоренные курсы обучения. Новобранцев распределили по полкам. Арсентьева отправили на Юго-Западный фронт, в девятый армейский корпус. Главкомандующим фронтом был генерал-адъютант от артиллерии Николай Иудович Иванов.

В августе 1914 года корпус, в котором служил Костя, бросили в бой в Восточной Галиции. Бойцы были необстрелянные, младшие офицеры в том числе. Молодой студент, поручик Гаев, погиб в первом же бою, и Арсентьев взял на себя командование взводом. Там оказалось много сибирских казаков: Ерохин, Талый, Смолин и другие. Дружба с ними у Кости завязалась ещё в эшелоне. После боёв ему в срочном порядке присвоили звание прапорщика, а затем и поручика, перескочив подпоручика. Время было трудное, офицеров не хватало.

Так он и воевал, забыв про всё на свете, кроме одного – любви к Авроре.

В марте 1916 года командование Юго-Западным фронтом принял генерал Алексей Алексеевич Брусилов, а в конце мая началась крупнейшая войсковая операция Первой мировой войны, в результате которой русская армия взяла под контроль территорию Буковины и Южной Галиции.

Но Северный фронт всё не выступал. Время шло. На передовую перестали подвозить продукты, медикаменты и патроны. Солдаты завшивели и оголодали. Злоба витала в воздухе. В окопах стали появляться агитаторы. Они говорили, что царь бросил своих воинов на произвол судьбы, что нужно делать революцию, с оружием свергать царя и буржуев.

В 1917 году армия возвратилась на прежние позиции, потеряв больше половины бойцов.

Костя умылся у ручья и возвратился в окоп. Подошёл к Семёну, потрогал его лоб. Смолин был в сознании, но молчал, у него был жар. Надо было отправлять его в госпиталь.

– Завтра раздобуду телегу, вот те крест! – уверял Ерохин.

Арсентьев только мотнул головой, взвалил на плечи Смолина и пошёл по разбитой дороге, ведущей в тыл.

– Тьфу ты, поперечный! – плюнул вслед Косте солдат, но на всякий случай перекрестил.

На дороге Арсентьев остановил телегу, на которой в госпиталь везли раненых соседней части. К ночи добрались до места. Семён немного пришёл в себя и, опираясь на поручика, смог дойти до госпитальной палатки.

Любовь и смерть

Сдав раненых докторам, Костя почувствовал смертельную усталость, присел к дереву и мгновенно заснул.

Его разбудили прохладный ветер и женский смех. Костя замёрз. Было темно. Рядом за кустами виднелись два белых пятна. Костя понял, что это сёстры милосердия шепчутся в орешнике.

Он кашлянул. Шёпот затих. Девушки, смущаясь, вышли из укрытия. Они подошли поближе и, увидев офицерские погоны, смутились ещё больше. Костя попросил воды – попить и умыться. В этот момент из палатки вышла третья санитарка. Даже в сумерках она отличалась от своих подруг. Была в ней какая-то неуловимо знакомая грация. Девушка подошла ближе, и Костя обомлел. Это была Аврора!

Она тоже что-то почувствовала и остановилась. Костя сразу осознал, насколько неухоженный и грязный сейчас. Он не мог или не решался первым что-то сказать, ведь прошло столько лет. Наверняка она его не узнает, а если и узнает, то не подаст виду. В конце концов, кто он такой? Младший офицер, бедный дворянин, а она... Наверное, уже графиня Бортнянская.

Так думал Костя, затаив дыхание.

Но вдруг девушка словно очнулась.

– Костенька! – закричала Аврора. И бросилась обнимать и целовать растерянного юношу.

А потом всё было как во сне. Молодые люди взялись за руки и одновременно принялись рассказывать о себе, смеясь и целуя друг друга.

Оказывается, Аврора пошла против воли родителей и не вышла замуж за Леонида Бортнянского. Записалась на ускоренные курсы сестёр милосердия, стала работать в госпитале, и вот уже год на фронте. Она – операционная сестра, помогает хирургам оперировать раненых. Работа жуткая. Кругом кровь, смерть, но Аврора жила только мыслью найти Костю, справлялась о нём везде, но безуспешно. Кто-то его видел, кто-то о нём слышал, следы его быстро терялись, и Аврора уже отчаялась. И вдруг!..

Костя был безумно счастлив. Он сжимал руку любимой, смотрел в её глаза, целовал её губы.

– Любимый! Ты что, меня не слышишь? – шептала Аврора, теребя Костю за плечо.

– Слышу. Я всё слышу, но мне кажется – это сон. Неужели это ты?

– Да, это я! Я! Вот, потрогай! – Аврора прижала Костины ладони к своим щекам.

Костя пальцами, чёрными от въевшейся ружейной смазки и окопной земли, нежно касался лица девушки, гладил её волосы. Но она не отпрянула, а страстно прижалась к юноше.

– Пойдём на реку, – предложила Аврора. – Здесь недалеко!

И они, взявшись за руки, побежали в сторону реки.

Река была быстрая и чистая. Луна еле светила. Молодые люди быстро сбросили с себя одежды. Костя подхватил Аврору на руки.

– Какая ты красивая! – любясь, сказал он. – Только исхудала вся.

Аврора тоже рассматривала Костю, гладила по плечам и спине. Рукой она нащупала шрам.

– Ты был ранен? – вздрогнула она.

– А, ерунда, царапина, я везунчик! – засмеялся Костя.

Они вошли в воду. Костя, сопротивляясь потоку, бережно, как ребёнка, держал Аврору на руках. Так они стояли несколько минут.

– Подожди немного! – Костя отпустил девушку, а сам поплыл, мощно рассекая грудь набегавшие волны.

По мышцам пробежала дрожь – его тело ничего не забыло, пловец победил солдата и влюблённого. Давно он так не плавал – свободно, сильно и счастливо. Он быстро доплыл до противоположного берега, вернулся обратно и повалился на мель вблизи Авроры, которая смотрела на него с восхищением.

– Господи! Костя! Как ты плаваешь! Я и не знала, – проговорила девушка на ухо любимому, когда он начал её обнимать.

Костя засмутился, но тут Аврора потянулась к нему, и они забыли всё на свете.

– Ненаглядный мой!

– Люблю, на всю жизнь!

Дыхание их слилось. Тёплый лунный свет озарял счастливых влюблённых. Деревья качались в такт их стремительным поцелуям. Ветер уносил куда-то самые главные слова:

– Костенька! Я тебя искала по всем фронтам. Как я счастлива с тобой!

– Милая, родная, как я жил без тебя?

Костя повинился Авроре, что подслушал разговор её родителей о помолвке с Бортнянским, как пребывал после этого в тупом отчаянии и как не задумываясь пошёл на фронт, чтобы умереть без любимой.

Аврора рассказала, что в тот памятный вечер у них в доме был скандал, и наутро её отправили в Петербург.

Рассвело. Костя должен был возвращаться в окопы, а Аврора – в полевой госпиталь к раненым.

– Скоро я приду снова! – Костя крепко обнял девушку.

– Теперь ты от меня никуда не денешься! – Аврора счастливо смотрела в зелёные глаза поручика.

Костя помахал на прощанье рукой и побежал, нет – полетел, не оглядываясь. Они были непростительно молоды и безмерно счастливы. Они забыли, что шла война.

Через полчаса начался артобстрел. Бомбы и снаряды разрывались позади Кости. Он в ужасе понял – стреляют по госпиталю, и побежал обратно.

Когда Константин добрался до места, кругом были только воронки, в одной из них он нашёл обгоревшее тело Авроры. Лицо девушки не пострадало, на нём застыла счастливая улыбка. Костя завыл.

В живых остались несколько раненых и врач. Поручик помогал им – перевязывал, носил пожитки. Всё это время перед глазами стояло любимое, но мёртвое лицо. По щекам поручика текли слёзы, губы были искусаны в кровь.

Константин на руках отнёс тело любимой на берег реки, где несколько часов назад был так безрассудно счастлив. Он вырыл могилу. Уже не плакал. По-

ложил в неё Аврору, поцеловал мёртвые губы, положил на грудь букет цветов.

У холмика с крестом из веток орешника Костя просидел несколько часов. Когда очнулся, взял пистолет, взвёл курок и приставил дуло к виску.

– Это что ещё за номер? – услышал он за спиной голос Смолина.

«Братцы, сдавайте буржуев»

После смерти Авроры Арсентьев лез в самое пекло, под артиллерийские обстрелы, дрался врукопашную, но ничто его не брало – ни пуля, ни снаряд, ни штык. Он был словно заговорённый – искал смерти, но не находил её.

«Наверное, она меня оберегает с неба. Не хочет, чтобы я шёл за ней. Ах, Аврора, Аврора!» – горестно думал он в минуты затишья и просветления. Костя глядел в небо, лёжа на земле, раскинув руки.

Сначала он почти ничего не ел. Силыч два дня насильно кормил командира. На третий день поручик сказал Ерохину: «Отстань!», сам взял ложку и съел котелок каши. Ах как радовались сибиряки. Они всей душой привязались к своему молоденькому командиру. А тот не замечал вокруг ничего. А замечать-то стоило. Фронт разваливался на глазах. В частях стали появляться подозрительные типы с красными бантами в петлицах.

– Долой офицерё! – на блиндаже стоял рядовой Вяткин и громко орал. – Они буржуи, жрут пироженья, а мы голодуем! Срывай с их погоны.

Офицеров в толпе не было. На блиндаж взобрался Смолин.

– Товарищи! – начал он. – Конечно, в России есть помещики, буржуи, которые жируют за наш счёт, но не здесь их надо искать. Наши офицеры – честные люди. Посмотрите на Константина Николаевича! Ведь он с нами из одного котла ест, делится последним, а скольких из нас он спас. Меня вот на себе с поля боя вытащил и ещё волок до госпиталя. А вы говорите – буржуи. Нельзя вот так, всех под одну гребёнку!

Большинство солдат одобрительно загудело.

К собравшимся подошёл Арсентьев, все затихли.

– Унтеры, ко мне! – коротко скомандовал он. – Австрияки готовят вылазку!

Солдаты сразу пришли в движение, сказалась многолетняя воинская дисциплина. И только Вяткин и его компания остались стоять в стороне.

Скоро стало ясно, что свои теперешние позиции Юго-Западному фронту не отстоять. Началось всеобщее отступление. Армию перестали снабжать продуктами, закончились патроны и снаряды, в рядах солдат начался разброд. На стороне противника тоже творилось что-то непонятное: немцы и австрийцы надевали красные банты и орали пьяные песни. В русской армии появились бандиты и мародёры. Солдаты самовольно оставляли свои части. Дезертиры сбивались в ватаги, грабили и убивали мирное население.

Однажды Костя случайно стал свидетелем жуткой сцены. Пьяные дезертиры избивали молоденького офицера. Тому было лет семнадцать. Его привязали к дереву. Один из солдат сорвал с юноши погоны, остальные по очереди избивали. Кто ремнём, кто кулаком, кто прикладом. Мальчик кричал: «Мама! Пощадите! Что я вам сделал?».

Но в ответ он слышал только матюки да крики: «Долой буржуев!». Вскоре юноша потерял сознание.

За расправой Костя наблюдал со связанными руками и ногами и кляпом во рту. Когда он поспешил было на помощь молодому офицеру, услышав его крики, Смолин дал барину в рожу, а Ерохин всунул кляп и связал.

– Простите, ваш скабродь, тоже ведь забьют до смерти, а мы ещё хотим погулять на свадьбе вашей, – приговаривал Силыч, стягивая ноги своему командиру.

Вот уже третий день Костя, Семён и Силыч пробивались в тыл. Армии больше не существовало. В Питере произошёл переворот, и новая власть заключила позорный мир с немцами.

После инцидента с дезертирами солдаты развязали Арсентьева только через час, предварительно облив студёной водой.

Костя сначала ругался, потом затих, и молча отправился копать могилу. Солдаты присоединились к командиру. Вечером у костра между ними состоялся разговор.

– Константин Николаевич! Я тебе в отцы гожусь, – говорил Ерохин. – Ведь у тебя мать есть. Подумай о ней. Каково ей будет, если ты умрёшь от кулаков пьяных дезертиров.

За много месяцев Костя впервые подумал о семье: маман, отце, брате и сёстрах. Как же они будут жить в эту трудную годину революций и войн? Ведь Костя – мужчина. Он должен помогать.

– Да. Вы правы, – согласился поручик. – Что предлагаете?

– Вот это добре! – повеселел Силыч. – Константин Николаич! Вам в офицерской одежде не пройти. Одевайтесь солдатом.

– Не обижайтесь. Моя форма вам подойдёт, а у меня запасная есть, – подхватил Смолин.

Уже на следующий день они вышли на станцию и сели в солдатский эшелон. Сутки проехали без происшествий, но на второй день в полдень услышали шум в дверях вагона.

– Проверочка! Братцы, сдавайте буржуев! – послышался до боли знакомый голос Вяткина.

«Всё, пропали! – подумал Силыч, посмотрев на спящего Костю. – Этот гад его не пропустит!»

– Поручик, на крышу! – растолкал Смолин Арсентьева.

Костя вскочил, подтянулся и влез на крышу вагона. И очень вовремя – вошёл Вяткин, хмуро посмотрел на Ерохина и Смолина, кивнул и пошёл дальше. Так и проехал Константин Арсентьев пол-России на крыше вагона. Проехал за два года.

Власть меняется

В декабре 1917 года в Томске была установлена власть Советов. В начале лета следующего года она была свергнута – в город вошёл чехословацкий корпус, сформировано Временное Сибирское правительство. Для Арсентьевых ничего не изменилось. Жили экономно. Отец по-прежнему работал на желез-

ной дороге, Маруся учительствовала, прислугу пришлось отпустить. Все жили слухами о вступлении во власть Верховного Правителя в Омске. Говорили разное – будто Колчак уже в Москве. В Томске разместились многотысячные части белой армии.

Молодой красивый баритон разливался над Томью. Был вечер, но звучало «Утро туманное». Валентина, Женя и Аля сидели в ближайших от певца кустах, затаив дыхание.

Юный офицер был один. Звали его Виктор Выров. Его часть расквартировали в домах купцов и служащих. Молодого поручика поселили у Арсентьевых.

Он сразу понравился Вале, но молодой человек не обращал на неё внимания. И вот девушки слушали в кустах его пение. Валентина всё больше влюблялась в поручика и томно вздыхала.

Женька вертела головой, вдруг оступилась и ойкнула. Пение прервалось.

– Кто здесь? – спросил юноша.

Из кустов вышла Аля.

– Пойте, пожалуйста, ещё! Вы так прекрасно поёте!

Виктор засмутился. Аля в свои пятнадцать лет выглядела на восемнадцать и была настоящей красавицей. Выров разглядел девушку, улыбнулся и запел: «Пара гнедых, запряжённых с зарёю...». Аля стала ему вторить.

Женя с Валей тихо отползли из кустов. Как же Валентина была зла на свою подругу! А Выров с того вечера стал за ней ухаживать. Они гуляли и пели, когда Виктор не нёс службу.

Для подготовки военных специалистов в Томске были организованы ускоренные пехотные военно-инструкторские курсы, рассчитанные на три месяца, с производством в подпоручики.

В августе 1919-го Миша Арсентьев попал во второй набор юнкеров. Курсы расположились в здании епархиального женского училища. Ежедневно были три часа лекций и пять часов стрелковых и тактических занятий. История России, военное искусство, стрельбы, конные вылазки – Миша был в восторге. Одеты юнкера были в новенькое английское обмундирование. К каждой роте был прикомандирован английский офицер для обучения стрелковому делу и проведения спортивных занятий.

Над зданием училища развевался британский флаг. В одном его крыле размещалась Британская военная миссия, приглашённая руководством с умыслом отвадить притязания чехословацкого корпуса на просторное здание.

В ноябре второй поток юнкеров готовился к выпуску, но события на фронте стали меняться. Красная армия вела стремительное наступление.

Белые оставили свою столицу, Омск. Началось бегство и эвакуация из Томска. Главнокомандующий войсками Восточного фронта генерал-лейтенант Сахаров распорядился эвакуировать по железной дороге только раненых, семьи военнослужащих и банковские ценности. Появилось «Воззвание Верховного правителя», в котором Колчак объявил Родину и всё русское национальное дело в опасности. Из Томска запретили выезд мужчинам, способным держать оружие.

Юнкеров по выходным домой редко отпускали, но в один из декабрьских

дней Ольга Михайловна отпросила Мишу на сутки под предлогом именин. Михаил просил, чтобы с ним отпустили его лучшего друга Александра Незнова из Новониколаевска, но командир не разрешил.

– Давай фуражками поменяемся, – предложил Миша другу.

Саша согласился. На обратной стороне они вышили свои инициалы: Миша – «АМ», Саша – «НА».

– Михаил! Ты только сёстрам передавай привет. В следующий раз, когда меня отпустят к тебе в гости, я обязательно начну ухаживать за одной из них. Вот только ещё не решил, за которой – за Валею или за Женей. Ведь ты о них столько рассказывал!

– Ладно! В следующий раз сам выберешь, – засмеялся Миша и помахал другу его же фуражкой.

Давно таких именин не справляли у Арсентьевых. Было весело. Маман где-то достала сахар и какао, сделала самодельные трюфели, испекла пирог с рыбой – отец сам наловил сомов.

Играли в фанты, в мнения, теперь уже без обид, танцевали. Пришло время, когда дети по праву находились в гостиной вместе со взрослыми. Особенно горд был Миша. Он щеголял своей новой фуражкой, хотя она была ему слегка велика – Сашина голова была больше Мишиной.

«Ну да ничего! Главное – красиво и как у настоящего офицера!» – так думал Миша.

Вечером все так устали, что заснули в два часа ночи и ничего не слышали. С утра всё тоже было тихо, и никто из Арсентьевых не понял, что в городе произошло восстание, и власть перешла к большевикам.

В шесть часов утра Миша пошёл в училище. На улицах было пустынно. У входа в здание часовых не было, двери оказались распахнутыми.

Миша зашёл в корпус – нигде ни души, разгром, бумаги и одежда разбросаны по полу. Он услышал громкие голоса и мат, понял – красные. Юноша быстро выбежал через чёрный ход на другую улицу и огородами пробрался домой.

Мысли путались в голове.

– Я – предатель! Наши вступили в бой, а я танцевал! – укорял себя Миша.

Домой он пришёл одновременно с отцом. Одежда Николая Иосифовича была грязной, в его глазах стояли слёзы, в руке он держал юнкерскую фуражку. Миша заглянул на внутреннюю сторону. Там были вышиты инициалы «АМ».

– Папа... Откуда? – шёпотом спросил Миша.

– Со станции. Красные согнали юнкеров в вагон и пустили его под откос. Никто не выжил. Один мальчишка выбросил из вагона фуражку, я подобрал.

– Папа! Это моя фуражка! Мы с другом поменялись! – заплакал Миша навзрыд.

Во время восстания командиры юнкерских рот действовали вразнобой. Капитан Морозов уговорил своих сдать – красные обещали, что никого не тронут. Две роты юнкеров ушли вместе с отступающими белогвардейцами. Выров тоже ушёл со своей частью. Томский гарнизон, больше 10 тысяч штыков, в полном составе перешёл на сторону красных.

Красные

– Валька! Смотри, какие дураки! Ходят вокруг огорода с ружьями! – показывала на караульных пятнадцатилетняя Женя.

Сёстры лежали на сеновале. Томск заняли красные. Они выбрали дом Арсентьевых под штаб, вся семья с детьми переселилась в подвал. Там было сыро и неуютно, а на сеновале – тепло, и вкусно пахло сеном.

– Сама ты дурочка! – отвечала Валя. – Красные боятся наших. Потому и с ружьями. Вот наши придут, мы опять в дом переедем. Я книги снова буду читать! – Валя мечтательно закатила глаза к небу.

– Ага, размечталась! Они все книги в печке сожгли. Сама видела.

– Ты врешь! Это назло всё так говоришь, – Валя едва сдерживала слёзы.

К сеновалу подошла Ольга Михайловна, закашлялась.

– Девочки, обедать, – шёпотом позвала она.

Маман была очень худой, в её ввалившихся глазах застыло выражение печали. От Кости два года не было никаких вестей. Дети, живя в подвале, болели. Хорошо ещё, что труд железнодорожника был востребован. Николай Иосифович работал за паёк. Давали муку, крупу, иногда подсолнечное масло. Остальное выращивали в огороде. Правда, почти всё забирали штабные, но немного овощей оставалось.

Ольга Михайловна насолила капусты, грибов и огурцов. В лесу, за железнодорожным полотном, Арсентьевы и Нечай посадили картошку – подальше от посторонних глаз. О прежних временах с тортами, мороженым и расстегаями пришлось забыть окончательно.

– Мамочка! А что на обед? – обнимала маман Женя.

– Женечка! Ты ведь знаешь, кроме картошки с квашеной капустой у нас ничего нет, – виновато развела руками Ольга Михайловна.

– Мама! А правда, что все наши книги сожгли? – со слезами в голосе спросила Валя.

– Да, доченька! Но ты не плачь. Я кое-что спрятала. Пушкина, Лермонтова и Апухтина.

– Мамочка, мамочка! И Апухтина! – запрыгала на месте Валя и кинулась целовать мать.

Часовой подозрительно взглянул на них.

– Тише, Валюша! Услышат – отберут!

Вале исполнилось семнадцать лет. Она стала красивой зеленоглазой девушкой, на которую заглядывались красноармейцы. Маман старалась, чтобы дочь не попадалась им на глаза. Но в подвале было сыро, поэтому Ольга Михайловна иногда разрешала девочкам полежать на сеновале или сходить в лес за ягодами и грибами. Только в лесные походы ходили обязательно с «кавалерами», которыми были по-прежнему брат Михаил, его друзья Игорь Богословский, Николай Лисицын и Жора Нечай. За Мишу все сначала очень боялись, форму и фуражки закопали в лесу. Но всё обошлось – никто не выдал новым властям его юнкерское прошлое.

Валя опять заболела, и её не взяли в лес. Она обиделась, сама не зная на кого, но главными виновниками своих несчастий считала тех, кто ходил с винтовками по их двору и огороду. Валентина задумала месть.

Ой ты красный командир!
Ты в уборную ходил!
Ты – исчадьё сатаны,
Подтяни свои штаны!

Два молодых девичьих голоса горланили на сеновале в полночь, когда стемнело. Валя и Женя. Караульный, пожилой солдат, подбежал к сараю и громко шикнул на барышень:

– Вот я вас!

Девчонки, галдя, попадали с сеновала и скрылись в подвале.

Утром солдат подошёл к Ольге Михайловне.

– Хозяйка! Ты уйми девчонок-то. Мы, старики, понимаем, что не со зла они, а по глупости. Но не дай бог, услышат комиссары или большаки. До смерти ведь забьют малолеток, да ещё снахальничают. – И он с усмешкой повторил частушки.

Ольга Михайловна просто обмерла от ужаса. В этот день она впервые наказала детей ремнём. Но это ничему не научило Валентину.

В городе отмечали какой-то революционный праздник. Маман, конечно, не разрешила девочкам выходить из дома, но разве ж их удержишь. Они сбежали.

На набережной гарцевали всадники. Играл оркестр. Развевались красные флаги. Недалеко от дома Арсентьевых была сооружена трибуна, и на ней ораторствовал агитатор с красным бантом.

Валю оттеснили прямо к трибуне. Она оказалась рядом с двумя красноармейцами. Они были пьяными, громко смеялись и ели шоколад. Нет, Валя не ошиблась, это был именно шоколад, который она не видела два года. У девушки даже слюнки потекли. Одета она была бедно: материны старые юбка да кофта не по размеру, платок.

Пьяные мужики заметили жадный взгляд девушки и, усмехаясь, переглянулись. Один схватил Валью за руку, обдав перегаром.

– Хочешь? – он повертел перед её носом обкусанной шоколадкой. – Идём с нами! Мы тебе дадим! – и задрал девушке юбку.

– Отпустите! Брат за меня отомстит! Ненавижу, пьяное быдло! – закричала Валя.

Красноармейцы взъярились. Один заломил Валентине руки, другой ударил по лицу:

– Сука!

Началась свалка. Мужики намеревались отволочь девчонку в кусты и «попользовать», но их остановил красный патруль. Они оттащили Валентину от солдат.

– За что? – спросили они красноармейцев.

– Ругала Советскую власть!

Патруль схватил девушку и запер в ближайшем подвале. Так Валя оказалась в ЧК.

Там она переночевала стоя вместе с другими арестованными – сесть и тем более лечь не было возможности.

Утром начальство сменилось. Валю вызвали на допрос. Она – грязная, напуганная девчонка – редела. Красноармеец, который допрашивал, опять спросил:

– За что?

Лицо при этом у него было усталое и ничуть не злое. А сам он, пожилой и хмурый, походил на соседа-пекаря из Нижнего. Валя заплакала ещё сильнее и вдруг выпалила:

– Семечками торговала!

Красноармеец выругался и позвал караульного.

– Гнать в шею! – и прибавил: – Вот ведь, прости господи, детей хватают!

Так Валя очутилась на свободе. Она бегом помчалась домой, где близкие уже и не чаяли увидеть её живой.

Поздно ночью в конце июля 1920 года кто-то осторожно постучал в окно спальни старших Арсентьевых. Красные к этому времени перенесли свой штаб в Иркутск, и Арсентьевым отдали половину их собственного дома, в другой половине находился склад.

Николай Иосифович услышал стук не сразу, но вскочил и стал вглядываться в тень за окном.

– Кто здесь? – тревожно спросил он.

– Папа! Это я, Костя, – голос за окном срывался.

Ольга Михайловна проснулась и посмотрела на мужа. У того по щекам текли слёзы.

– Лёля! Костя вернулся.

Спасатель Костя и спаситель Артур

В честь возвращения Константина Арсентьевы собрали друзей. Молодёжь несмотря на голод и разруху балагурила, как в лучшие времена. Игорь Богословский играл на гитаре весёлые куплеты.

Папка мамке обещал
На пальто материал.
Он обманет, мать твою.
Баю-баюшки-баю!

Девушки смущались, но всё равно прыскали в кулак.

– Игорь! Перестаньте петь этот красный моветон, – жеманно говорила Валя.

– Да брось, Валька. Сама сочиняла неприличные частушки и пела громче всех! – напомнила ей Женя.

Юноши попросили спеть, Валя грозно глядела на Женю, но той было хоть бы хны, и она спела всей компании про штаны. Хохот был гомерический.

Костя и Маруся не сидели с молодёжью. Константин с неохотой рассказывал о своих странствиях, как застрял в Самаре, работал грузчиком в порту. Через фронт пробраться было невозможно.

С огромным теплом он говорил о своих товарищах Смолине и Ерохине. Все мытарства они переносили вместе. Лишь благодаря им Костя остался в живых.

Про Аврору юноша сказал только, что она погибла на фронте. Все были удивлены, не могли представить в этой утончённой аристократке героиню, способную оперировать раненых в самом пекле войны. О том, как они встретились, Костя пока не мог рассказать никому. И только позже во всё посвятил Валентину.

А молодёжь громко смеялась. Шла игра в фанты. Игорь должен был встать на колени и поцеловать Валентине руку. Весёлый юморист вдруг засмутился и покраснел. А дама его не щадила.

– Ну, что ты там мямлишь?! – встала она в позу, изящно протянув руку.

Игорь встал на колени и поцеловал Валентину руку. Все захлопали. А Костя, который наблюдал за игрой со стороны, подумал: «Выросла сестрёнка. Вот и настоящий кавалер появился. Видно, что влюблён!».

Надо было устраиваться на работу, помогать семье. А что он умел? Убивать и плавать. Убивать он уже устал, оставалось плавание. И Костя пошёл в спасатели.

«Спасение на водах» работало круглогодично. Летом вытаскивали из воды утопающих, зимой – рыбаков. Организация была полувоенной, и в ней работало много бывших офицеров-фронтовиков.

Спасатели поддерживали связь с ЧОНем – частью особого назначения, которая поначалу мало отличалась от ЧК, но потом всё больше стала выполнять функции милиции.

В ЧОНе также служило достаточно бывших офицеров, так как изначально это была боевая часть, и необходимы были знающие штабисты и просто грамотные люди.

Одним из друзей Кости в ЧОНе был Артур Луцава, адъютант начальника штаба. Артур слыл ловеласом и обожал театр. И только немногие знали, что Луцава – кавалер двух Георгиевских крестов, которые получил, служа под непосредственным началом генерала Брусилова.

А Валентина снова попала в переделку. Какой-то важный красный начальник покупал на базаре белый хлеб и самодельную колбасу.

– Теперь буржуи – это вы, а мы голодаем, – громко сказала ему Валентина.

Она два дня почти ничего не ела. У Арсентьевых отобрали картофельную деляну и запретили сажать огород. Перебивалась семья только пайками, а их на всех не хватало.

В этот раз Вале не повезло. Рядом с красным начальником была охрана. Они схватили девушку и определили не в общий подвал, а в женскую камеру, где находилось ещё пять человек. Номер с семечками здесь не прошёл. Красный начальник её хорошо запомнил.

Женщины в камере рассказывали ужасные вещи. После приговора многих отправляли на кожевенную фабрику, где они голыми руками замачивали кожи в чанах с кислотой, а потом вытаскивали оттуда и развешивали для просушки. В первый же день руки покрывались волдырями, на третий день от ядовитых испарений начинался кашель, а через месяц-два работницы умирали в страшных муках.

Валя после этих рассказов ревела всю ночь. Наутро она стала тихо молиться.

В обед пришёл конвойный и выпустил Валентину, сказав, что теперь она будет работать писарем в ЧОНе. Бесплатно. Вале помог Луцава по Костиной просьбе.

Театр части особого назначения

В ЧОНе был самодеятельный театр. Казалось – кругом разруха, голод, война, а кучка молодых людей каждый вечер остаётся в нетопленном помещении и репетирует Шекспира. Однажды Валентина засиделась за переписыванием бумаг допоздна и услышала пение под гитару. Её это очень удивило. Она пошла на звук инструмента и попала в актёрский зал.

На сцене молоденькие медсестра и курьерша, облачённые в шторы, изображали Офелию и королеву. Гамлет с ухмылкой перебирал струны гитары и пел цыганский романс.

– Э! Голубушки, не пойдёт, – резко бросил играть музыкант. – Не вытянуть нам так Гамлета.

Валя узнала Луцаву. Он тоже увидел её.

– Валюша! Проходите! – ласково пригласил он. – Видите, мы хотим ставить Шекспира, но пока ничего не выходит.

– Может, попробовать русскую классику, что-нибудь попроще, Островского, например? – предложила Валя.

– А что! Это идея! Надо подумать. Можно выбрать что-нибудь народное, например, «Правда – хорошо, а счастье – лучше».

Луцава пригласил Валентину присоединиться к ним.

С тех пор она дневала и ночевала в штабе, а для постановки выбрали драму Островского «На бойком месте». На роль Аннушки пробовались все, но получилась она только у Вали. Откуда у совсем молодой девушки взялся этот трагизм, никто не знал. Может, в годину революций и войн дети просто быстро взрослеют.

Валя играла беззаветно. Её партнёром, конечно, был Луцава. Репетировали два месяца. Артур смог обставить всё так, что в ЧОНе этот спектакль рассматривали как важную общественную работу с молодёжью. Начальство выделило средства на небольшой реквизит и материю на занавес.

Наступил день премьеры. Весь командный состав ЧОНа собрался в зале. Публика гудела. Многие красночоновоцы из рабочих и крестьян никогда не были в театре и не видели спектаклей. Для них это было новым, неизвестным и интересным. Прошли дни откровенной вражды, простые люди тянулись к мирной жизни.

Труппа волновалась, особенно молоденькая прима. Так в шутку её называл Артур. И вот занавес открылся, и действие началось.

Валя настолько полюбила свою героиню, что просто слилась с ней, и волнение исчезло после первой сказанной фразы. Она не заметила, как отыграла все три действия. И вот финал. Аннушка накладывает на себя руки. Зал рыдает. Занавес. Тишина, а за ней рёв оваций. Валя, Артур и

остальные актёры выходят на сцену, кланяются. У Валентины по щекам текут слёзы.

За кулисами артистов ждут родные и друзья – Костя, Миша, Игорь, Женька, Жора и вся их компания. После спектакля собрались отмечать успех у Арсентьевых. Игорь жмётся в углу, пряча руки за спиной. Он достаёт букет полевых цветов и, краснея, преподносит его Валентине. Та кивает ему и целует в щёку.

С последнего поклона вбегают возбуждённый Луцава, а с ним какой-то пожилой импозантный дядечка.

– Господа! Я счастлив представить вам художественного руководителя Иркутского драматического театра, господина Полянского Александра Викентьевича.

Молодёжь смолкла. Полянский выступил вперёд и, откашлявшись, произнёс:

– Друзья! Поздравляю вас с успехом! Давно я такого не видел. Молодцы! В такое время и так талантливо!

– Это всё Артур, Артур! Качать его! – кричали все. – Ура! Ура! Ура! – Луцаву подхватили на руки, стали подкидывать.

– Где вы учились? – Александр Викентьевич взял Валю под руку.

– Нигде, – опешила прима.

– Потрясающе! – только и смог вымолвить Полянский. – Валечка! Я вас приглашаю в свою труппу. Будем ставить Чехова, Лермонтова, Островского. Объездим всю Россию!

Валентина не могла вымолвить ни слова. Она безумно любила литературу, играть в театре было её мечтой. Но она не предполагала, что ей вот так предложат стать актрисой. Шёл 1922 год. Вале было девятнадцать лет.

– Можно я подумаю?

– Можно, но только недолго. Через три дня я возвращаюсь в Иркутск.

Домой Валя шла как во сне. Все хохотали, радовались, пели по дороге к Арсентьевым. Луцава на ходу играл на гитаре. Никто кроме Игоря не замечал Валиной растерянности. Он, тоже гитарист и весельчак, с любовью и тревогой смотрел на Валю, а она шла задумчивая и отстранённая.

Дома всех ждал царский ужин. Ольга Михайловна раздобыла бычьих хвостов и приготовила из них жаркое. Были копчёные сомы собственного арсентьевского улова и ягодные пироги.

Молодёжь села к столу и, перебивая друг друга, обсуждала успех. Все взгляды были устремлены на Валентину. А та уже и забыла о своих сомнениях и переживаниях – пела, шутила, танцевала. Сегодня был её день. Все кавалеры вставали в очередь для того, чтобы её ангажировать. Даже Косте не было оказано предпочтения.

Наконец Валя вспомнила про предложение Полянского и подошла к отцу.

– Что, доченька? Какая ты сегодня красивая! – с любовью глядел на неё отец. – Это твой день, Валюша!

– Папа, я должна тебе кое-что сказать.

И Валя рассказала отцу про приглашение Полянского.

– Дочь, мы с мамой обсудим это, – старший Арсентьев сразу стал очень серьёзным. – Завтра мы тебе ответим. Хорошо?

Валя согласилась. Молодость и страстные взгляды юношей сделали своё дело, она отвлеклась, переложив решение вопроса на родителей.

Ольга Михайловна и Николай Иосифович не спали всю ночь. Они отчаянно спорили. Маман была категорически против. Её аргументами были война, революция, молодость и наивность дочери. Отец был «за», но тоже не на сто процентов. Он вспоминал, как бросил университет, где учился на юриста. И вот он – железнодорожник. Работу свою он не любит, работает за паёк, и не хотел бы, чтобы дочь повторила его ошибки. Но доводы матери перевесили.

Утром, не выспавшиеся, они пригласили Валу в гостиную. Девушка ещё не отошла от вчерашнего успеха и на лице её сияла счастливая улыбка, но по лицам родителей она уже всё поняла.

– Доченька! Мы тебя очень любим и не хотели бы, чтобы ты была несчастлива, говорил отец. – Понимаем, что решать тебе, но мы против твоего отъезда в Иркутск. Там незнакомые, чужие люди, которые могут тебя обидеть. Кругом солдаты. Ты молодая, красивая девушка, там за тебя некому будет заступиться, а здесь мы, братья, сёстры, друзья. Кроме того, у тебя нет образования, и ты всегда будешь на вторых ролях. Подумай!

Николай Иосифович высказал всё это на одном дыхании, маман только кивала и тихо плакала. У Вали тоже стали навёртываться слёзы, но она сдержала их.

– Завтра я скажу ответ, а пока подумаю.

Валя не плакала. Она уже понимала, что послушает родителей и никуда не поедет. Горький опыт пребывания в ЧК кое-чему её научил. Но какое же это чудо – выходить на сцену, забывать всё на свете, сливаться со своими героинями – ведь она мечтала только о главных ролях.

Она уже всё решила, но, собираясь на встречу с Полянским, ещё колебалась. Последней каплей был взгляд худрука, масляный и наглый, и его рука, которая сразу же легла ей на плечо.

– Сцена – не моё призвание! – театрально произнесла Валентина, глядя прямо в глаза режиссёру. – Я подумала. Я решила.

Дома, конечно, была дана воля слезам.

Её решение поддержали Костя и Игорь. Костя понимал, что наивная Валуша будет растоптана вихрем грубости и варварства. Игорь был рад, что его любимая не уедет из Томска.

Иван

Валентина Игоря не замечала, она была увлечена Луцовой, своим театральным партнёром. Но Артур не воспринимал приму своего театра всерьёз, считая её маленькой наивной девочкой.

Валя очень переживала, но со временем... о, молодость, молодость... всё забыла и обратила свой взор на деревенского парня Ивана, младшего командира отряда.

Иван часто навещался в штаб. Для него чтение бумаг, а тем более их написание было каторгой. Образованная Валентина часто ему помогала, тот

засматривался на девушку, краснел, а однажды принёс ей шоколад из своего пайка красного командира. Валентина растаяла.

Они стали встречаться, вместе гулять. Ваня пел девушке народные песни. Голос у него был приятный, взгляд пылкий, рукопожатие страстное.

– Валюша! Ничего, что я из деревни и малограмотный? – спросил её как-то Иван.

– Ты это к чему?

– Нет, ты ответь!

– Ваня! Главное, чтобы человек был хороший, – вздохнула Валя. – А ты – хороший.

– Будь моей женой! – на одном дыхании выпалил парень.

Валя опешила, хоть уже и была влюблена в этого искреннего парня.

– Ванюша! Дай мне время подумать, – прижалась она к нему плечом.

– Я уезжаю на учения на три месяца. Будешь меня ждать?

– Да! – тихо ответила Валя.

Иван уехал на учения, а Валентина в очередной раз попала в переделку.

Случилось это в кабинете начальника ЧОНа, хромого и злого Елисея Голованова. Валя принесла документы на подпись.

– Буржуи! Икру жрёте! – со злобой смотрел на неё Голованов. – Стрелять вас всех надо!

В кабинет вошёл Луцава, неся на подносе стакан чая, сахар, лимон и белое печенье.

– Это вы буржуи! – не сдержалась Валя. – Печенье, лимончики у вас...

– Сука! – заорал Голованов, выхватил наган и выстрелил.

В последнее мгновенье Луцава ударил командира по руке, и пуля ушла в потолок. Артур схватил Валу и вытолкнул в приёмную. Голованова трясло, но Луцава смог уговорить его не писать в ЧК докладную.

Валентину тоже трясло. Она уже осознала, что натворила, и думала о неминуемой каре – работе на кожевенном заводе.

– В последний раз спасаю! – стукнул девчонку по шее Луцава, выйдя из кабинета.

Потом погладил по голове. Валя заплакала навзрыд.

Инцидент вроде бы был исчерпан. Но в скором времени сказались его последствия. Валя заболела. Температура поднялась до 39 градусов, и если бы не та выходка, то Голованов разрешил бы ей оставаться дома, но начальник ЧОНа пошёл на принцип: если не придёт на работу, он подаст рапорт в ЧК. Пришлось в жару и бреду сидеть за столом и переписывать бумаги. Валя не могла ходить, её несли на руках через весь город по очереди все мужчины семьи Арсентьевых и мужская половина компании друзей. У Валентины была малярия, и выжила она чудом. А помог ей доктор Сибирцев, закадычный партнёр по шахматам Николая Иосифовича Арсентьева.

Геннадий Евгеньевич Сибирцев до революции владел собственной заразной больницей, в которой сам лечил больных. При красных он отдал клинику властям, но сам остался там главным врачом.

После болезни у Вали окончился срок принудительной службы в ЧОНе, и она ушла санитаркой в клинику Сибирцева.

В скором времени с учений вернулся Иван. Валя встретила его случайно на улице. Парень растерялся, опешил, опустил глаза. Был он исхудавшим и бледным. Валя бросилась к нему, хотела обнять. Для себя Валя уже решила, что выйдет за него замуж. Но тот отстранился.

– Что случилось, Ваня? – Валентина была обескуражена. – Я тебя ждала, а ты, вижу, не рад?!

Парень не знал, что сказать. Он с тоской и нежностью смотрел на неё и наконец решился.

– Валя! Ты чистая и светлая, я тебя недостоин. У меня сифилис.

И он быстро пошёл прочь.

Валя стояла, будто оплёванная. Она знала, что такое сифилис, и не могла представить, как можно было так предать. А для простого крестьянина и солдата в то время это было обычным делом. Валя не плакала, она оцепенела на несколько недель. Никто не мог от неё ничего добиться, ей было больно и стыдно. Помог ей Игорь. Наконец она его заметила.

Игорь

Игорь Богословский родился в Великом Новгороде в семье смотрителя Новгородской больницы. Его отец Сергей Николаевич окончил кавалерийское юнкерское училище, два года отслужил унтер-офицером в драгунском полку, но быстро уволился в запас и следом сразу вышел в отставку, решив, что карьера военного – не его призвание.

Сергей Николаевич вернулся в Новгород, поработал недолго хранителем музея древностей, который когда-то основал его отец, больше десяти лет был смотрителем больницы, женился, в семье родились две дочери, затем сын. Назвали Игорем. Через полтора месяца он скончался. На следующий год снова родился мальчик, его тоже назвали Игорем.

Семья переехала в Петербург. Сергей Николаевич поступил на службу контролёром Северо-Западной железной дороги. Родился сын Борис. На контролёрское жалование стало затруднительно содержать большую семью в столице, и в 1908 году Богословские переехали в Томск. Глава семьи поступил на ту же должность в Контроле Сибирской железной дороги с окладом 900 рублей – на 100 рублей больше, чем в Петербурге.

Игорь Богословский поступил в Томске в реальное училище, познакомился с семьёй Арсентьевых, подружился с Мишей и влюбился в Валю.

Наступил 1924 год. Валентина работала в заразной больнице. Геннадий Евгеньевич Сибирцев научил её многому.

– Ну те-с, барышня, попробуйте определить, что тут у нас! – поговаривал он, потирая руки.

На кушетке, скрючившись, лежал пожилой крестьянин.

– Больно барин, ой, то есть товарищ дохтур! – хватаясь за живот, стонал он.

Валя несмело подходила к старику.

– Откройте рот! Что болит?

Крестьянин краснел. Открывал рот. Валя, конечно, тоже краснела и от страха ничего там не видела.

– Всё болит, – стонал старик.

Валя умоляюще смотрела на врача, а тот, посмеиваясь, подходил к кушетке и запускал свои ручищи в живот больного. Больной орал, но Сибирцев не обращал на это никакого внимания.

– Ох, ох, ох, так, так, так, – приговаривал доктор. – Ели давно?

– Да токмо что.

– А что ели?

– Ну, селёдочку с чёрным хлебушком да квас.

– Так, так, так, – опять заводил своё врач. – А до этого когда ели?

– Да третьего дни. Ведь нечего было.

– Заворот кишок! Клизму, барышня!

И Валя несла клизму, а ещё раствор марганцовки. Других лекарств не было, а эти два средства использовали почти всегда.

Валя научилась определять дизентерию, дифтерию, холеру и многие другие инфекции того страшного времени. Валентина выписывала рецепты на латыни, ведь языки она знала отменно. Любила французский, снисходила до немецкого, зачитывалась старославянским и терпеть не могла латынь, но именно она и пригодилась в жизни.

Роман Валентины с Игорем развивался неспешно. Девушка капризничала, юноша робел. Игорь стал студентом технологического института. Студенты-горняки носили форму и, главное, фуражки. Игорь гордился своей, выставя напоказ кокарду со скрещёнными молотками. Китель и брюки шились из недорогой и непрочной материи.

Как только новая форма была готова, Игорь решил покрасоваться перед Валентиной. Гордый и счастливый, он в новеньком горняцком костюме продефилировал к дому Арсентьевых. Спohватившись, он решил поразить свою возлюбленную ещё и букетом цветов.

«Где бы их взять? – рассуждал по дороге юноша. – Нарву у Арсентьевых в огороде!»

Игорь задним двором пробрался к дому, подошёл к заветной клумбе и начал собирать букет. Тут-то и лопнули его новые брюки на самом интересном месте. В этот момент в огород вышла Валя.

– Что это ты тут делаешь? – подозрительно поглядывала она на своего кавалера.

Игорь вставил букет в дыру порванных сзади брюк и поклонился даме, сняв фуражку. Валя подошла ближе и обнаружила непристойно торчащий сзади цветочный хвост.

– Ах так! Испортил клумбу, да ещё издеваешься! – она схватила фуражку и забросила её в кусты.

Новая форма была испорчена – штаны порваны, фуражка испачкана, но самое главное – любимая не оценила ни его внешности, ни его порыва.

Игорю было грустно, зато всей остальной компании арсентьевской молодёжи – весело. Они от начала до конца из окна наблюдали сцену и чуть не падали на пол со смеху. Эту историю ещё долго на разные лады рассказывали в компаниях томской молодёжи.

Игорь Богословский с Николаем Лисицыным учились вместе. На втором курсе их призвали в армию. Служили в Новониколаевске. Сначала рядовыми, потом каптенармусами. Выдавали обмундирование, вели учёт продуктов и амуниции. На склад их назначили за грамотность.

Однажды в часть приехал проверяющий. Увидел порядок на складе, побеседовал с юношами.

– Откуда такие грамотеи?

– Студенты технологического института, горняки, – ответил Игорь.

– А что не учитесь?

Игорь и Николай пожали плечами. Офицер всё понял.

– Нашей молодой стране нужна руда, горняки, геологи. В солдатах служить найдётся кому, – сказал он. – Слушайте меня, езжайте в Кузнецк, к военному – он вас демобилизует. Учитесь лучше! – похлопал он по плечу Игоря с Николаем.

Через два месяца они вернулись в Томск и готовились к переэкзаменовке с поступлением на второй курс горного факультета. Там преподавал сам Обручев.

Отсутствие Игоря в Томске всё расставило на свои места – Валентина поняла, что любит Богословского. Причём любит очень сильно. Это доказал ей один очень необычный случай.

В июне 1925 года Игорь служил в армии. Шли учения. За лесной колкой, в сотне метров, проходили стрельбы. Игорь с Николаем в окопе ожидали распоряжения командира.

– Игорь! Тебе с ружьём управляться удобнее, ведь у тебя ноги кривые, – посмеивался Лисицын. – Раз – между ног ружьё поставил, и перезаряжай! А мне надо на корточки садиться...

Игорь не обращал внимания на шутки, он стоял, осматривая из окопа местность, и отчаянно хотел спать.

На стрельбище за колкой раздались выстрелы. На какое-то мгновение нервы Игоря вдруг натянулись. Он дёрнул головой. Пуля задела ухо. Полилась кровь.

– Валя! – крикнул он непроизвольно.

У Валентины в этот момент заныло сердце. Она резко проснулась, и заплакала: «Игорь в опасности!». Было ровно пять часов утра.

Когда при встрече они рассказали об этом друг другу, сверили время. Всё точно: минута в минуту, секунда в секунду... В тот день они решили стать мужем и женой.

Ольга Михайловна сшила Валентине платье из марли, которую невесте выделил в качестве подарка доктор Сибирцев. Жених был в горняцкой студенческой форме. Молодые сначала записались в загсе, потом венчались в церкви. Причём в семье Арсентьевых в этот день было сразу две свадьбы: Игорь венчался с Валей, а Миша Арсентьев – с Шурой, закончившей врачебные курсы. Валю под венец вёл друг Игоря – Эдуард Фрейман. Эдик с Костей Лисицыным потом женятся на сёстрах Игоря.

Священник подошёл к идущим в паре Вале и Эдуарду и, собравшись уже венчать, всё же спросил:

– Кто жених?

Из дальних рядов раздался отчаянный крик:

– Это я! Это я жених!

Игорь пулей вылетел к иконостасу и крепко схватил Валентину за руку.

Всё было по-настоящему: белое платье, венцы, хождение вокруг аналая, а потом, как в прежние годы, шумное веселье в доме Арсентьевых. Молодые обменялись тоненькими золотыми кольцами. На внутренней стороне каждого была выбита надпись: «И.Б. 1925» – у невесты, «В.А. 1925» – у жениха. И.Б. означало Игорь Богословский, В.А. – Валентина Арсентьева.

Послесловие

Прошло сто лет. В своей руке я держу кольцо, на внутренней стороне которого надпись «И.Б.1925». Это кольцо моей бабушки Валентины Николаевны Богословской – Валечки Арсентьевой. Когда-то оно было моим. Бабушка подарила его мне на свадьбу. Теперь кольцо принадлежит жене моего сына.

Эту повесть я написала о том времени, когда наши бабушки и дедушки были молоды и счастливы. Всё, что здесь написано, – чистая правда... Ну, почти чистая...

Виктор Клименко

КИСТЬ РЯБИНЫ

В тесной чёрной кошеве, запряжённой рослым буланым меринком, по глубокой и узкой, как траншея, дороге неторопливо едут двое: инспектор Косинов и запасной учитель Майя Павловна. Совсем ещё молодые люди.

Девятый час на дворе, а в радиусе тридцати-сорока метров видимый мир замыкается. Дальше тревожная безвестность. Серая мгла не рассеивается. Дорога дальняя, и надо бы поторапливаться, но Косинов не понукает коня, и тот трусит рысцей скорее для виду, чем для скорости. Будто домой ему неохота и будто никакой это не отъезд, а лишь попытка. Вот они опробуют дорогу, убедятся, что она замечена, и в тепло вернуться.

Но попытка затягивается. Через полчаса равнина, что простёрлась за посёлком лесорубов, свои дальние границы проявляет: впереди синевато-зелёной стеной таёжный массив обозначен. Даль делается притягательнее, путь устремлённее и необратимей, а отъезд реальнее и жёстче. Боковой ветер левую щеку режет, и её приходится прикрывать свободной рукой в толстой шерстяной рукавице. И запах согретой дыханием шерсти становится попутчиком.

Гужева дорога сложна и занята. Снежные обочины на уровне плеч, колеи от полозьев будто две сбившиеся тропинки. Они то в балочки ныряют, то на крутые горки взбегают. Ну и поворотов не счесть. Петляет дорога, будто резвый зверёк играет вблизи норы, далеко отлучаться не собираясь.

На подступах, на редколесье, светло и весело. Но совсем иное настроение накатывает, когда возок вас к настоящей глухомани подносит. А пределы её уже ясно вырисовываются. На бледно-коричневом фоне сливающихся сосновых стволов, как в стене, тёмная дыра зияет, будто вход в огромную нору. Зияет устрашающе, как бездна.

Но Косинов равнодушен и к самой дороге, и к поджидающим чащобам. Он их просто не замечает. Третий год он по здешним лесам мотается, и ему вечно некогда пейзажами любоваться: в голове планы на неделю грядущую да анализ только что увиденного в проверенной школе.

Да и всяких других вопросов много. Не каждый год, к примеру, успевает он во всех школах побывать. В самых отдалённых работников району по три, четыре года не видят. Вот и в этой он побывал впервые. Ну, конечно же, без открытий не обошлось. Заглянул в шестой класс, а там не ту историю преподают-изучают: программу изменили, а учитель-охотник в тайге безвылазно трудится.

За подобными удивлениями Косинову некогда лесные просторы оглядывать. Даже если он и один на лошадке или пешком тащится из одной школы в другую. Всегда он без оружия и без опаски свой переход совершает, словно по собственному двору от крыльца до колодца.

А вот Майя Павловна в таёжном краю только третий месяц, и в столь дальней дороге – в мёртвой тиши и безлюдье – первый раз. Уж очень ей непривычно, что рядом не режут моторы и не галдят люди. И что вообще окрест никакого

движения, никаких признаков жизни в столь длинном пути. Вот она и удивляется: «Роскошные заросли. Стылая тишина. Глушь первозданная». Нагромождения деревьев и привораживают, и пугают.

Она глядит, не наглядится на одетые в снежные шубы тёмные ели-великаны. Это же совсем не то, что голубые ёлочки в скверах родного города. Нет, это часть могучей природы, которая сама себе хозяйка, и потому её подданные – существа далеко не ручные. Не дай бог с ними нос к носу столкнуться. Тут всё окружение не домашних, не привычных размеров. И причудливо наряженные пни, и вывороченные огромные корни, напоминающие вздетые руки богатырей. И она побаивается таких дремучих декораций, воспринимая их как укрытия для кровожадных зверей.

И берёзы фантастические. И не столько из-за могучих стволов, но скорее из-за растворимости мягких крон. Эти рыжие кроны будто плавают в лесном царстве, в его перенаселённой вышине. А белокорые стволы сливаются с белизною заснеженных полей, со всем матовым пространством. Потому гибкие вершины порой кажутся лишёнными опоры.

Картинно замершие валежины стерегут входы в другой, удивительный, сказочный и страшный мир.

Майе Павловне кажется, что фантастические формы лесного царства сложились не случайно, не без участия доброго волшебника. Ведь где-то совсем рядом таятся хищные звери и птицы. Вот снега и копируют их контуры, чтобы предупредить слабого человека об опасности и так отвести от него беду.

При въезде в дремучий бор Майя Павловна запрокидывает милостивое с заиндеветыми длинными ресницами лицо с прибелёнными инеем краями вишнёвой шали и чёрного поднятого воротника, и высоко-высоко за вершинными ветвями сосен разглядывает матовое небо. И ей кажется, что она в глубоком-преглубоком колодце. И думается, что с тех вершин и она, и Косинов, и этот рослый конь – всего лишь мелкие букашки на дне гигантского моря сосен, елей, пихт и лиственниц. И она почти ощущает, как легко затеряться в такой бескрайности и глубине.

Но вот вершины смыкаются, и власть природы возрастает. Жутковато в лесном полумраке. На свет и простор хочется. Но для того полумрак пронзить надо. Пересилить и себя, и опасности.

И Майя Павловна, чтобы от угнетающих ощущений колдовского мира избавиться, как-то отвлечься, решает неприятное погружение в него за завлекающей беседой пережить.

– Mon ami* – заговаривает она с Косиновым шутливо, укоряя его за уступки текущим делам в ущерб занятиям иностранными языками. – Школу мы проверили основательно, а вот во французском не упражнялись. И про шкуру забыли...

– Про какую шкуру? – отзывается острый кончик носа, торчащий из-за поднятого рыжего, заледеневшего воротника.

– Про медвежью, mon ami... Вы, Виталий Владимирович, много раз грозилась привезти, но запомнить случалось. А теперь вот и вместе не вспомнили. Так ведь?..

* Mon ami – мой друг (французское).

– И верно, – Косинов оборачивается, и Майя Павловна видит его голубые глаза и выбившийся из-под голубоватой же опушки шапки-ушанки соломенный локон.

– А я так хочу подарить её маме. Большую, красивую, чтобы в далёком Краснодаре она явственно представила свирепую и косматую Сибирь и оценила мою стойкость.

– Вы убедить хотите, что здесь мы каждый день через медведей переступаем?

– Нет, только в том, что медведи здесь ещё водятся. Да они ж не только живут рядом, но и на фермы нападают. В районной газете как-то вычитала. Значит, край и на самом деле дремучий. Девственный...

– Так-то оно так. Но только мы с вами не о медведях печёмся. Вот вы, к примеру, трое суток с Верой Егоровной провозились. А теперь из районной столицы ей писать будете. И она вам...

– А что? Она прилежная. Из неё получится учительница французского.

– Вот-вот. Вам есть чем заняться. И в том главное, а не в шкуре.

– И в шкуре тоже! – капризно возражает Майя Павловна. – Шкура – фон. Кстати, я так и не уразумела, зачем вы неотступно Лидию Васильевну пытали...

– Затем, что опыт обобщать надо. А она талантлива. Прирождённая наставница. Ей только двадцать. В институт готовится.

– Конечно-конечно. При вашей охоте за юными талантами какие уж тут шкуры?! Непрактичный вы человек, топ амі. Таланты от вас в тридевятом царстве, а шкуру мы увезти могли бы...

– Не тужите. Медведей ещё много. И практичного человека вы встретите. И маму удивите, какого-нибудь Михаила Михайловича околдовав. И пока, пока благодушной оставайтесь, как большинство здешних бесхитростных людей.

– Да что вы меня успокаиваете? Я на вас злюсь! Вы помочь можете, но не хотите!

– Ну почему же? Стараюсь...

– Конечно. Проинструктировать перед проверкой... А вот о шкуре на память...

– Со справкой закружился. Согласовывал, подписывал... Винюсь!

– Не оправдывайтесь! Не проведёте! С Лидией Васильевной, этой северной королевой, попрощаться не забыли. А она, светленькая, как лучик, в глаза вроде и не бросается. Да и в учительской её не было. Она ведь во флигеле, обособленно, занимается...

– Надеюсь, у вас более серьёзных претензий нет? По этой командировке? А то я с Анной Григорьевной погорел недавно. Она шефу пожаловалась, что ночью её чуть клопы не заели. Будто я их натравил...

– А она сама не могла квартиру поменять?

– Конечно, нет. Ей не до того было. Она о других пеклась. Заговорила и забыла.

– Так вы-то тут при чём?..

– Так я её и в дороге чуть не заморозил!

– Ну, и к чему эти глупости? Не вы мороз заказывали!

– Всё равно. На мою нерасторопность намекала. Свою сообразительность демонстрировала...

– Глупости! Все взрослые. Каждый за себя в ответе. Замёрзла – могла бы за санями пробежаться.

– Ну, сама не догадалась, а я не доглядел, не надоумил... Хорошо, что у вас претензий нет.

– Кроме шкуры!

– Со шкурой я исправлюсь... Может, даже сейчас. Тпру-у...

– Что вы делаете?

– Коня на скаку остановил! А теперь прокричу приглашение обладателю самой красивой шкуры. Ну и дожждёмся, пока он на нашу узкую дорогу выйдет. Разденем...

– Ой! Что вы?! Не надо!

Но Косинов не слушается. Он декламирует ультиматум медведям. Оставляет паузу и снова к медвежьей совести взывает. Но в ответ только деревья редко потрескивают, а медведей не видать.

Майя Павловна озирается испуганно. Но скоро о розыгрыше догадывается: Косинов остановился мерина подкормить.

Подкормили и снова в путь. Попривыкнув к полумраку, Майя Павловна спокойно высокие обочины оглядывает: кустарник близко к саням подступает.

– Ой, какая рябина! – громко восклицает она.

– Нравится? Сейчас добуду! – и Косинов выбрасывается из кошевы.

– Да вы утонете! – отговаривает его, сравнивая небогатырскую статью Косинова с глубиной снега.

Но Косинов не намеревается торить дорогу и по твёрдой земле идти. Нет, он расстилает тулуп и по нему карабкается. Успешно завладевает предметом внимания – роскошной гроздьё – и... оступает, но уже в полуметре от кошевы. Переобувается: из валенок снег вытряхивает, чтоб в них он не растаял.

– А у меня ноги замёрзли, – признаётся Майя Павловна.

– Слезайте! – озорно приглашает Косинов. – Попрыгаем козликами, пробежимся серыми волками.

Сойдя с саней, Майя Павловна робко озирается, будто не вполне видимому благополучию доверяет, и жалуется: «Ваши шутки, Виталий Владимирович, мне не нравятся. Такие громкие скрипы, трески и стоны в мёртвой тишине. И чего скрипеть и трещать, когда никто ничего не ломает?.. Я ужасная трусиха. Я сразу бы умерла, окажись я здесь одна».

– Ой, не надо обманывать! Нехорошо! – шутливо опровергает Косинов. – Ну будь вы настоящей трусихой, вы бы в тайгу с таким комфортом не потащились. Ни за какие коврижки! А раз уж вы здесь, то все страхи за пояс заткнули. Так уж прыгайте козликом без оглядки: волки вас не уведут.

Тронув мерина, Косинов ременную петлю вожжей на правый колышек спинки кошевы бросил.

– Пока мы втроём, я не боюсь, – сообщает Майя Павловна доверительно. – Лошадь ведь умное животное?..

– Бывают и умные среди лошадей. Не стану спорить: однажды убедился. В детстве такую пасти и запрягать приходилось. Так стоило мне с уздечкой показаться – она сразу ко мне навстречу выходила. А наш Рыжик – дурак.

– С чего вы это взяли?

– Да с того хотя бы. Пришёл я его на эту поездку запрягать, а он на базу поймать не даёт. А почему? только от дурости и неблагодарности. Знаю ведь: в районной школе он в нахлебниках состоит и живёт впроголодь. Так ему бы обрадоваться, что в гости, на положение уважительное беру, а он брыкается. Вон в гостях как за неделю откормили. Не бежит, резвится. Сюда тащились – у него ноги заплетались... Нет, люди нам здесь рады. Что не каждый год навещаем. Вот и не обидели. А почему? Чтоб с полдороги не вернулись обессилен.

– А вы страсть как иронизировать любите. Всякую выстраданную стратегию, как орешек: хрясь – и пополам!... Ну, ленивы пожилые наставницы, ну, опустили немного. Зато пироги какие! Варенье! Да и мясо на столе на любой вкус. Угощают по-царски и от души! А вы на мозоль им... Нехорошо так... А вот кисть красивую сорвали. Не налюбуюсь.

– Не вы первая. Не налюбуетесь...

– Да, поэт тонко подметил: «В саду горит костёр рябины красной»... Вот только грустновато...

– А знаете почему?

– Наверное, нет.

– О замирании бурной жизни речь... «Покраснела рябина, посинела вода. Месяц, всадник унылый, уронил повод»...

Рыжик остановился. По своей надобности. Косинов и Майя Павловна на одной ноге прыгали, друг друга в плечо подталкивая, чтоб согреться лучше. Игровой азарт так захватил их, что простор потребовался, а Рыжик своей неторопливостью запирает дорогу. Он будто на месте маршировал. И тогда Косинов, не снимая вожжей, хлестнул Рыжика подвернувшейся хворостиной. И тот бодрой рысью рванул. Будто проснулся.

Молодые люди заигрались на просторе, а кошева уже метрах в семидесяти от них уносилась. Скоро они и на шаг перешли, а кошева всё с той же хорошей скоростью уплывала. Рыжик оглядывался. Ему это делать было удобно в связи с частыми мелкими поворотами дороги. Он догадаться мог, что не мешают, но на шаг не переходил.

И Косинов заторопился сблизиться с кошевой.

– Да он нас бросил! – крикнула вслед Майя Павловна.

Косинов тоже подозревал такой подвох и приноравливался петли дороги да прикрытия подлеска использовать, чтоб незаметно к заветной спинке кошевы подкрасться, чтоб вцепиться в перекрестие из чёрных железных прутьев и завладеть вожжами. Но Рыжик зорко следил за Косиновым и, притомившись, на шаг только на почтительном расстоянии переходил. Он будто дразнил спешившего повелителя.

– Удивительно! – отметил Косинов. – Бросать нас он не собирается. Он только везти нас не желает. Иначе давно бы умотал галопом.

Долго Косинов старался обхитрить мерина. Однажды сумел к кошеве метров на пятнадцать подобраться. Тулуп сбросил, отчаянный рывок сделал, но Рыжик вовремя скорости надал, перейдя в намёт, и в каком-то метре из-под протянутых рук Косинова спинку кошевы выхватил.

После этого Косинову пришлось долго переводить дух. Он за брошенным тулупом возвращался, другие способы спасения обдумывал. Впереди добрая

половина пути оставалась. Надо было на это силы рассчитывать. Была лишь надежда на встречный транспорт. Тот непременно остановил бы Рыжика, невольно заблокировав дорогу. Без помощи возниц на столь узкой, одноколейной дороге двум саням не разъехаться. И от скоростного попутчика можно было дожидаться помощи. Однако время шло, а ни того, ни другого варианта спасения не выпадало. А Майю Павловну Косинов давно потерял из виду.

«На середине пути избушка для отдыха, – припомнил Косинов. – Может, греется там кто-то и хулигана нашего задержит?!. Но если и там пусто, то в ней Майя Павловна может меня дождаться. Я не могу с нею остаться: кто нам Рыжика пригонит?»

И когда он с той избушкой поравнялся и безлюдье обнаружил, то поперёк дороги свой тулуп бросил, а на нём коробок со спичками – знак остаться и ждать в тепле.

Майя Павловна же, из виду Косинова потеряв, от санного следа глаз не отрывала (от свежего следа их кошевы). Этот след ей надёжного попутчика заменил. В душе, конечно, тревога плескалась, дурные предчувствия обступали. Она уверяла себя, что её одиночеством непременно медведи, рыси или волки воспользуются: набросятся и растерзают. Страшилась обнаружить соседство беды и не отрывала глаз от санного следа.

Когда Косинов за ускользящей кошевой бросился, Майя Павловна пребывала в уверенности, что погоня завершится успехом и продлится недолго, что попутчик через каких-нибудь полчаса с конём вернётся. Она даже на часы взглянула: половина двенадцатого оказалось. Они сразу после восьми в путь тронулись. Но Косинов быстро исчез и даже через час не вернулся. И тогда-то сомнения и страхи оседлали.

Глухой шелест вершин, словно приближаясь и наваливаясь, зазвучал внятнее и ощутимо стал угнетать своим соседством. Причудливые формы пней и буреломов тоже не развлекали, а невольно приковывали взгляд девушки к санному следу на узкой неровной дороге, будто прятали её от злоумышленников. Она старалась не глядеть по сторонам, чтоб не обнаружить выползающего из засады страшного зверя, изготавливающегося для прыжка.

И вот она оцепенела: на дне низинки тёмное и длинное существо дорогу перегородило. Не иначе, растянувшийся медведь.

Как быть? Посёлок – убежище, но он не в ста метрах. Она уже четыре часа в дороге. Да и убежать в соревновании со зверем невозможно. Решила обежать справа. Метнула взгляд по склону вправо – в сугробе избушку обнаружила. Это ободрило. Да и зверь не шевелился, а по мере приближения сделался безопасным и знакомым.

«Да это Виталий Владимирович ухряпался, коня догоняя! – воскликнула она. – Как он?»

Подлетела к тулупу, за рукав рванула – тулуп пустым оказался: «Уволокли, что ли? Да нет такого следа!» И тут она спичечный коробок заметила. «Он предлагает мне остаться и ждать в избушке для проезжающих», – сообразила она.

Тёмно-серую бревенчатую избушку оглядела придиричиво. В северной стене жёлтые куски свежих брёвен, при ремонте вложенных, выделила. Они клыки чудовища напоминали. И сама избушка – морду зверя.

«Да это ловушка!» – заключила она. Маленькое оконце в виде подсматривающего глаза представилось.

На подступах и у самой двери было пустынно. Но Майя Павловна не могла с уверенностью себе сказать, что здорово обрадовалась бы, если бы там какой-нибудь путник наскоро обедал.

«Нет!» – решительно объявила она себе и, подхватив тулуп Косинова, устремилась вперёд. Заторопилась так, будто её преследовали.

Ей досаждало ощущение, будто кто-то колючим взглядом сверлит спину.

И по истечении нескольких часов сознание опасности не гасло. Она оглядывалась и спешила скрыться. При таком её душевном состоянии попутная машина или возок могли скорее перепугать, чем обрадовать. К счастью, окрест было пусто.

А ещё Майя Павловна принялась сомневаться в другом.

«Этот лес пересекает одна дорога, – рассуждала она. – Но так ли это на самом деле?.. Не ошибиться бы, не сбиться. Да и успеть надо: скоро стемнеет»...

И вдруг дорога раздвоилась. Никакой не тупик для разъезда машин, а хорошо утопанный перекрёсток. Две дороги... И досаднее всего было то, что на обеих санный след свежий.

За спиной затрещало. Девушка вздрогнула, оглянулась – никого. И устремилась по левой. Косинов же удалялся по правой. По верной. Конь заблудиться не может.

Сам Косинов уже пребывал в уверенности, что на ближайших километрах никто ему остановить коня не поможет. Даже ближнее село не сулило спасения: дорога лишь касалась его окраины. На тех метрах вряд ли кто кошеву хорошенько рассмотрит, – прикидывал он. – Остановят только в Берёзовке, которую надо пробежать Рыжику всю. Из конца в конец...

Продукты в передке кошевы хранились. Косинов пока не страдал ни от голода, ни от холода. Не чувствовал он и усталости, но помнил: путь долог и все эти тормоза ещё включатся. Чтобы поддержать силы, он съел пирожок из сберегавшихся от мороза во внутреннем кармане полушубка.

Рыжик за бесчисленными виляниями дороги быстро затерялся, и Косинов не старался обеспечить себе возможность видеть его хотя бы издалека. Он сберегал силы. Но рассудительность и неторопливость как раз и подвели Косинова. Из тёмного коридора дорога вдруг в открытую широкую поляну нырнула. То была выгоревшая площадь. Довольно длинная и ровная. И вот на противоположном берегу этого снежного озера барахтался Рыжик, стараясь снова скрыться в густых чащобах, куда поднимались дорожные колеи.

«Вот где я смог бы его поймать!» – с досадой отметил Косинов.

На его глазах в неблизкой дали конь с натугой вырвал кошеву из снежного месива и нырнул в тёмную дыру. Теперь и другое стало понятным: почему не было ни встречных, ни поперечных. Снег мело сильным ветром. На открытом месте дорога терялась. И Косинов заспешил.

«Ой как долго Майе Павловне дожидаться. В избушке темнота застанет, – беспокоился он. – Не оправдаться мне. Да ещё хорошо, если ничего с ней не случится. А вдруг ей следом поплестись вздумалось?»

Журя себя за оплошность, Косинов бежал. И не напрасно. Лес неожиданно

оборвался, дорога к посёлку полем потянулась. Рыжик, изрядно уставший, по дымящейся позёмке тащился шагом, но, тем не менее, он уже к колодезному журавлю подбирался. Перекрёсток был безлюдным. Вот-вот он поравняется с колодцем и юркнет вправо от посёлка. Но на его пути вдруг показалась женщина с вёдрами и коромыслом. Косинов, хорошо видимый на фоне поля, отчаянно замахал ей. Крика она, естественно, не расслышала, но догадалась о просьбе отставшего возницы. Она остановила Рыжика, отвела к заплуту ближайшей усадьбы и привязала.

После такой удачи ещё четверть часа спешащий Косинов вымерял оставшуюся часть поля, а женщина всё носила воду. Так что и благодарность от Косинова потом приняла, и бутылкой с водой для Майи Павловны снабдила.

Ни разу не хлестнув за послушание, Косинов развернул Рыжика, и тот в обратный путь рванул.

«Соображает, что подвёл! – с облегчением вздохнул Косинов. – Теперь на добрых три часа лишней работы».

Не веря, что избиения не последует, конь неустанно на кучера косился и хорошую скорость держал.

Тем временем синие сумерки густели, лес мрачнел, и дорогу скоро угадывали уже не глаза Косинова, а ноги Рыжика. Тому стоило шагнуть мимо, и он бы увяз в глубоком снегу.

Итак, дорога раздвоилась, и Майя Павловна неверное ответвление выбрала. И хотя то и дело её неожиданные шорохи и трески отвлекали, она заботилась больше о главном. Она изучала дорогу, пыталась удостовериться, что на верном пути. И скоро насторожили её частые и крутые повороты в одну и ту же сторону. Тут она и заподозрила, что с пути всё-таки сбилась. А когда дорога из хвойной норы на край равнины вывела, сомнений не осталось: она ошиблась в выборе. Снежный покров был столь гладким потому, что лежал на льду озера. Потому-то дорога всё пристраивалась к закружениям берега.

От такого открытия мурашки по телу пробежали, будто она уже сорвалась в бездну. Она заблудилась, сил уже нету. «Да, такого места мы не проезжали. Мы пересекали поляну. И очень большую», – вспомнила она.

И Майя Павловна решительно повернула назад, принимая новую ещё более сложную задачу: «Это ж большая часть дороги впереди, а день, наоборот, позади!». От сознания сложности предстоящего броска отяжелевшее её тело взбодрилось. Даже тулупы показались легче. Она изо всех сил старалась избежать беды.

Теперь самым главным стало не прозевать развилку, не убежать от неё назад. И явиться к ней раньше, чем подъедет Косинов. «Только бы не разминуться!» – твердила она. Она крепко сомневалась, что последнее удастся, и уже кляла себя за то, что не осталась в избушке, как о том условился Косинов.

«Он меня там не найдёт, – стонала она, – решит, что вернулась в посёлок... А к чему это приведёт?... Да к тому, что мы всю ночь будем бродить по лесу, да ещё на поиски лесорубов поднимут. И всё из-за моей глупости... И предстанем мы перед людьми в роли жалких неумех. А отрекомендовались мудрыми наставниками. Какой позор!»

Когда Рыжик в снежное озеро гаревой поляны вскочил, странное существо

замаячило впереди: ярко-чёрное в светлой ночи и с хвостом предлинным. По стройности на медведя не похожее. Скорее, динозавра мелкого напоминало. Но Рыжик почему-то никакой опасности не почувствовал и смело на это чудище пёр. И только столкнувшись, Косинов в нём Майю Павловну опознал. Она с помощью двух тулупов со снегом воевала. Чтоб не нырять в снег по пояс, она попеременно себе дорогу ими выстилала. Действовала, как он показал ей, когда подбирался к рябине.

– Майя! – крикнул Косинов.

– Я... Это я, mon ami! – глуховато отозвалась девушка.

– Воды хотите?.. Замёрзли?

– Жарко! Спать хочу! Я заблудилась. К какому-то озеру сбегала. Назад तो-ропилась очень. Боялась, что потеряюсь. Устала зверски.

– А как же страхи? – принялся шутить счастливый Косинов.

– Они в избушке ночуют. На избушке контуры зла. Пасть изображают. Опасаться порекомендовали. И я сбежала.

– Ну а я к расстрелу приготовился. Случай спас. Вроде исправился... Как с претензиями?

– А вы забыли?.. За вами шкура. В остальном же я просто счастлива. И от беды удрать успела, и вы не кипятитесь, за слушание не выговариваете.

– Да я вами страшно доволен! Искренняя вы душа!

– Всё великолепно, mon ami! *G'est fort bien!* Насколько я помню, дальше наша дорога по обжитым местам пролегает, и мы благополучно за ночь дока-тим.

– Да. После остановки у колодца. Рыжика подкормим.

В петлице её светлого пальто темнела чудом уцелевшая кисть рябины.

– А трофей непременно маме отошлите. Как знак вашей смелости и доброты. Пусть она показывает гостям в Краснодаре, а те о вас легенды слагают. Небось, сегодня в их представлении вы такая серенькая мышка, у тёплой печи обитающая. Вы же на самом деле в настоящей экспедиции, слава богу!

– Вы страсть как иронизировать любите, mon ami! Но я вас накажу!

– Как? За что?

– Если захотите...

– У вас же нет претензий?!

– Есть!.. Я вас свожу к маме летом, и она вас хорошенько отчитает!.. А потом простит...

– С превеликим удовольствием приму такое наказание... Вы мне сразу понравились. Но я ошибиться боялся. *G'est fort bien*, что всё так счастливо на первом впечатлении сошлось.

Отужинав у спасительницы, они отогрелись и отдохнули, и снова в путь пустились. А к исходу ночи въехали в райцентр, домой. Очередной день рабочий на отдых взяли, а потом к очередным делам обратились.

О своём приключении в тайге поведать коллегам не решились. Так и осталось оно их семейной тайной.

* *G'est fort bien* – Превосходно (французское).

Геннадий СКАРЛЫГИН

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

В часы душевного покоя
Я представляю сосен шум,
И ливень серого покроя,
И холодок от тяжких дум.

И ветерок в осеннем поле,
И зов простуженных дорог,
Где есть для нас родной до боли,
Родной до боли уголок.

* * *

Всё полустанки, полустанки
Сквозь дым связующих времён.
Летим – небесные подранки
С белёсой прядью, словно лён.

Летим сквозь рваные равнины,
И станционный шум, базар.
Талдычит ряд торговок длинный.
Скрипят и рвутся тормоза.

Сойти бы в этом промежутке,
Варёной бы картошки съесть.
И кажется, в летящих сутках
И вечность, и безумство есть.

А вот и церковь, здесь когда-то
Крестила бабушка меня,
И дом, бревенчатый, горбатый,
И школа сельская моя.

И всё как будто бы в тумане.
Из гипса девушка с веслом.
Да – время. Время не обманет,
Кому-то жить, а что – на слом.

Уже осыпались фигуры.
Из гипса виден их каркас.
Но сохранилась арматура,
Ещё связующая нас.

* * *

Альпийские розы – жарки.
Таверна, парящая в скалах.
Как наши шаги легки,
А счастье – в песчинке малой.

А счастье – оно вдалеке.
В дымке, за поворотом.
Только дрожит в руке
Нежный цветок желторотый.

* * *

Слёзы текут по стеклу.
Слёзы, метель и слякоть.
Ветры меня секут,
Режут сердечную мякоть.

Вот они, лоскуты,
По лесу поразвешены,
Чтобы сорвала ты
Их лепестками вешними.

Чтобы лесной букет
Ранил тебя сердечностью.
Столько безумных лет
Я колдовал над вечностью.

Я колдовал с тобой,
Чтобы простые истины
Стали моей судьбой,
Деревом или листьями.

* * *

«Вот, дурочка! – злословили в деревне, –
Босая в зиму, смотря вверх глаза».
Но иногда с какой-то мукой древней
Бросала взгляд, как в доме – образа.

И словно Богородица, страдая,
Она смотрела ясно в этот мир.
И лишь потом – как листья, облетая,
Глаза уйдут в невидимый эфир.

И вот опять (оборвана, как ветошь)
Она идёт деревнею моей.
А ты, пацан, куда-то дерзость денешь,
Застынешь, не подходишь больше к ней.

Как будто проверяла нас Святая.
Что здесь мы – не издёргались душой.
И как живём, прорехи вновь латая,
И как скорбим о Родине большой.

А где ж ей быть, как не в глубинке, с нами,
Где тяжкий труд за крохи, за гроши.
Где поднесут святыми именами
Кусок последний, чёрствый – от души.

* * *

Решетчатое небо сентября,
Размывами блистает побережье.
Я становлюсь и тише, и прилежней.
Но так же всё смотрю я на тебя.

И в череде обыденных забот
Прокрутим эту жизнь наоборот.
Опять зазеленеют наши всходы,
И мы светлеем от любой работы.

А я смотрю всё так же на тебя.
А ведь прошло уже тысячелетье...
И прорастает в наше долголетье
Решетчатое небо сентября.

* * *

Калёное, низкое утро
Мелькнёт отраженьем свинца.
И тяжесть нахлынет, как будто
Мы жили здесь тихо и трудно,
Чтоб счастье постичь до конца.

Мы верили в святость работы,
В суровость тепла и добра.
Ложились простые заботы
На мизерные щедроты.
А радость знобила с утра.

И здесь, в убелённом пространстве,
Рождалось сознание того,
Что мудрость – в родном постоянстве,
И в продолженье его.

* * *

Бабушкин взгляд и руки:
Мелькнут по судьбе-избе.
Словно и нет разлуки,
Словно в святой излучке
Я снова иду к себе.

Бабушкин взгляд и руки:
Снов колыбель моих.
Лекари и подруги –
Эти простые руки
Ладили за двоих.

Да за троих работали,
Небо, их вознеси.
И под своими сводами
Их освети заботами,
Да сохрани, спаси.

* * *

Водка. Холодно. Подворотня.
Нет аптеки, нет фонаря...
Замерзает бездомный-тихоня
На исходе зимнего дня.

И сосновые доски – что койка.
Мыслей проблески, и метель.
Ему домик привиделся только,
Домик, полный весёлых детей.

И душа, словно выжженный купол,
Припорошенная снежком,

Вдруг затихла с улыбкою глупой
И пошла вдоль забора пешком.

Дай нам, боже, терпенья и силы.
И великую скорбь. И печаль.
Чтобы чёрствы́е души России
Вновь смогли бы беду замечать.

* * *

Лосось помчится к берегам,
Где он родился в мелкой речке.
Стремленье это нужно нам,
Чтоб путь на родину был вечен.

Чтоб не рассыпаться по миру,
Не помереть в чужом раю.
Я всё на свете враз покину,
Лососем море раскрою.

И, раздирая в кровь бока,
Призывную почуя влагу,
Вот здесь, на этих берегах,
С родной землёй в обнимку лягу.

* * *

Тонкий запах левкоев,
Лёгкий абрис запястья.
Мы расстанемся вскоре,
Нам хватило короткого счастья.

Будет дымкой вуаль
Развеваться в погоне беспечной.
Где-то звякнет трамвай
И погаснет огнями, заречный.

Мелью порвана гладь –
А когда-то здесь гравий добыли...
И я вспомню опять,
Как мы мало друг друга любили.

* * *

Давно я не был в Вертикосе,
На величавом берегу.

Там Обь несётся. Кто-то бросил
Её у неба на виду.

Я был здесь юным и красивым,
А может, и любимым был.
Меня дороги уносили,
Но я тебя не позабыл.

Не позабыл я цокот дробный
Твоих весёлых каблуков.
О Вертикос! О шёпот робкий!
О кедров шум! О шум веков!

* * *

Плыл туман сквозь стога.
И ложилась усталая морось.
Видел я – по осенним логам
Уходила и пряталась молодость...

* * *

Я ворую солому с колхозных полей.
Мне, мальцу, ещё только двенадцать.
Брал верёвку покрепче, одевался теплей,
Чтобы ночью к соломе добраться.

Нам без топлива зиму никак не прожить,
Воровал я и уголь с вагонов, с откосов.
И тепло от печурки, где уголь горит,
Помогало ответить на много вопросов.

То, что в школе учитель домой задавал,
Я в ворованном свете усваивал строго.
Но не мог всё понять оттого, что был мал,
Почему меня дядька-охранник не трогал.

Как увидит, что я на вагоны полез,
Отвернётся в тулупе с берданкой.
Долго смотрит он в сторону, прямо на лес,
Самокрутку свою прикрывая ушанкой.

И потом мне по жизни на дядек везло,
Да, я рад, что их было по миру не мало.

И они, может быть, всему миру назло
Меня твёрдой рукой прикрывали устало.

* * *

Не нашёл слова я золотые,
Не сберёг серебряный мотив.
Ковыли под ветрами седые
Будут жечь, и плакать, и манить.

А колечки в золоте, в оправе
Лягут в снег, монетками звеня.
Облетят – и в горечи, и в славе –
На исходе завтрашнего дня.

Обнесут с деревьев лёгкий иней
В лопнувших стаканах октября.
И калинной горечью отныне
Стынет воля, память серебра.

* * *

Мир дому твоему,
Осенний листопад.
Уже в твоём плену
Который день подряд.

Который день – исход
И листьев, и травы.
И времени приход –
Сквозной лесной молвы.

Сквозная пустота
Пронзила нас насквозь.
Святая простота –
Когда всё в мире врозь.

Отдельны ветвь и лист,
Отдельны мы с тобой.
Лишь только Ференц Лист
С музыкой золотой.

Её родил скрипач
От счастья, от тоски.
Мелодий лёгкий плач,
И дождик бьёт в виски.

* * *

Зима к нам нынче припозднилась.
Уже к исходу ноября
Берёзам всё позёмка снилась,
А ивам – тёплые моря.

Но, переполненный страстями,
Темнел и плакал небосвод.
Ты в роще с жёлтыми кистями,
Шутя, сказала мне: «Милорд,

Как осень нынче припозднилась,
Как припозднились холода.
Сегодня мне позёмка снилась,
И тополь в полночи страдал.

Он нагадал мне серой скуки,
И сеял праздные листы.
Но нет на свете горше муки,
Когда, как холод, входишь ты».

* * *

Люблю я русские дороги.
По большаку – полынный ряд
И васильки летят под ноги,
И подорожники летят.

И разнотравье, и раздолье.
Две пыльных выются колеи.
И хор кузнечиков, и поле,
Как море, плещется вдали.

Как заклинанье, как прощенье,
Летят по небу облака.
И веют светлым утешеньем
Колосья хлеба. И слегка

Колышет марево тумана
Под утро лёгкий ветерок.
И вечно манит, вечно манит
Какой-то дальний хуторок.

* * *

Тихая моя родина...

Н. Рубцов

Светлая моя родина
С первым снегом своим,
Сколько с тобою пройдено,
Сколько прожито зим.

Всё, что отсюда вынес,
В сердце своём храню.
На этой земле я вырос,
В звонком лесном краю.

Здесь, на реке и в поле,
В рощах березняка,
Я напился вволю
Светом родным. Легка

Стала мне ноша жизни.
Вот и иду с тех пор.
С хитрою укоризной
Меня провожает бор.

Что-то шепнёт малинник,
Прощально махнёт дымок.
Пусть будет дорога длинной,
Пусть будет мой путь далёк.

* * *

Синие, синие ночи.
Белые, белые дни.
Что моя милая хочет,
Вот и остались одни.

Что моя милая знает,
Ласки твои не сберёт.
У деревенских окраин
Стынет забытый стог.

Всё ему одиноко
Там, где примята трава.
Речка была так глубока.
Так высока синева.

УТРО. ДЕТСТВО

Только с рассветом встаём.

Кажется, птицы летают.

– Бабушка, что за окном?

– Всюду земляца святая.

– Бабушка, что же метель

Так заметает земляцу?

– Чтоб белоснежна постель

Светом могла возродиться.

– Бабушка, что так скрипят

Нынче опять половицы?

– Это для малых ребят

Музыка – им ведь не спится.

Это для малых ребят

Скрыпками петь половицам,

Чтоб им приснились опять

Светлые, светлые лица.

*Томская писательская организация поздравляет
Геннадия Скарлыгина с 75-летием.
Желает крепкого здоровья и творческих успехов.*

Ольга КОРТУСОВА

У БУДУЩЕГО ОСТРЫЙ ВКУС

* * *

Памяти Николая Игнатенко

Все собрались. Как около печи
согрелись возле памяти горячей.
Не слышно смеха и не слышно плача,
мы грустно об ушедшем помолчим.
Огромный зал, за окнами зима,
а даль заснежена и дымна. На рояле
играет женщина. В душе покой и тьма,
у всех, мы горевать уже устали.
Нет сил рыдать, нет смысла говорить,
и невозможно наконец забыться,
и некого бранить или корить,
раз сбывшемуся нынче – время сбыться.
Играет женщина, она на полпути,
как ясно ощутимо возрожденье:
капель звенит, пора траве расти,
и синими из чёрных стали тени.
И полоснула яркая струя
звонящих звуков, вырвавшись из плена.
И, кажется, вновь море по колено,
а плыть за солнцем – очередь моя.

* * *

Как рассказать, что дождь бывает мокрым,
а капель хор забрызгивает окна?
Как рассказать всем инопланетянам,
что дождь, шатаясь, бродит по бурьянам,
разматывает душу по ночам,
и почему горящая свеча
даёт такой необходимый свет?

Для инопланетян всё это – бред.
Но не для Вас. Вы сможете понять.
Вы знаете, что тень нельзя поднять,
что за весной не идёт зима,
и что бывало горе – от ума.

Что дождь – он только дождь,
он волен литься,
он ничего на свете не боится,
он говорит лишь о самом себе
и просто покоряется судьбе.
Что ищет он, неведомо ему.
Но только не суму и не тюрьму.
Он искренно не знает, что принёс
в подоле мокрым. Как он в душу врос!

И как всё это можно рассказать
не видевшим осенний дождь в слезах?

* * *

Начало. Солнце, ёлка, Рождество.
Подарком тишина. В душевной чаще
такой обворожительный покой,
что кажется ненастоящим.

На цыпочках легко крадётся мысль
о нереальности подобных ощущений,
а надо мной – нетронутая высь
синее всё и чище, и священной.

А праздничность волшебная звучит
в сиянье снега нотой изначальной.
И мир былой новорождённо чист,
и радостно, по-детски беспечален.

* * *

Что за ветер метельный!?
То ли близкий потерян,
навсегда – ни следа, ни письма.
То ли внук мой расстрелян...
Спутник, крестик нательный,
и метель меня сводит с ума.
Великаном проходит,
крыши зданий – срывает,
тополя, напрягаясь, кряхтят,
то в железо ударит, то заборы бодает,
для неё наши жизни – пустяк.
Супротив её воли, поперёк её силы
кто осмелится выйти? Невмочь
пережить этот вечер. Вокзалы, могилы –
память старая хлынула в ночь.

Но у церкви высокие старые ели
неподвижны, спокойны. Укром
этот многие годы обходят метели.
Но и здесь сердце плачет.
По ком?

* * *

Он прыгнул сверху зверем, с ног сбивая,
пронёсся мимо – дик, испуган, слеп –
то падал, то взлетал, на клочья рвались
лоскутья облачков; а снега хлеб
стал сдобным. Вот, слетая с низкой крыши,
расправил крылья, овладев вполне
полётной силою, поднялся сосен выше
и рухнул прямо под ноги ко мне.

Но не унялся, взвился, распрявился
и в битву ринулся – громить, крушить, ломать...
Как каторжник – в неволе истомился
и от свободы вдруг сошёл с ума.

Опять летит, парит, смежает крылья –
упасть, пропасть, но силы вознесли;
лицо осыпал снеговой пылью,
меня желая, видимо, позлить.

Он туго тупиков набил карманы
тяжёлым влажным снегом – это впрок.
И, напустив волшебного тумана,
исчез в метельной мгле. Таков итог.

* * *

У будущего острый вкус,
приправ к нему не надо.
И аромат нежданно густ,
вдруг горек он, вдруг – сладок.
Я понесусь на всех парах
к неведомому Завтра.
Оно появится с утра,
приглашено на завтрак.
Мне не сойти товарным с рельс,
прибуду точно к сроку.
Отправлена судьбою в рейс.

Судьба равна здесь Року.
Машу прошедшему вослед.
Ненужное прощанье.
– Билетик ваш?
– Вот мой билет.
– Я помогу с вещами...

* * *

На реке белоснежность лебяжья,
над рекой облака крутые,
свет от солнца то близко ляжет,
то на том берегу застынет.
Ветер зверем рванул на волю,
точно скован был сто веков,
и помчал по белому полю
к сонной пристани облаков.
Зазвучало нотой высокой,
запалилось огнём золотым
обнажённого солнца око
и зажгло на церквях кресты.
Что нам будет?.. Лютеет стужа,
прогорает заката печь.
Вести свежие вихрем кружат –
то ли пан, то ли голову с плеч.

* * *

Синий снег на крышах дышит,
сумрак, точно кот,
подобрался, тише мыши,
улицей идёт.
Оглянуться не успеешь –
темень за окном,
было сине, было бело –
всё черным-черно.
Точно отзвук или привкус,
синь во мне жива,
как любви нежданной искус,
спрятанный в слова.
Тьма... Квадрат зазеленеет
льдистого окна,
и душа похолодеет –
в мире ты одна...

* * *

В зеркальных окнах дым и облака,
и ситец неба в беленьких барашках,
и длинная древесная рука,
которая тревожно далям машет,
ветвей движенье, промельки теней
и птицы, проносящиеся мимо,
слепящий выплеск света – этих дней
иллюзия, что с жизнью совместима.
Но ясно, что зеркальное окно
оберегает зазеркалья тайну,
показывая яркое кино,
какой-то странный фильм документальный.
А там, за створками закрытого окна –
таинственное в ожиданье томном:
когда же наконец придёт весна,
и окна отворят в глубины комнат.

* * *

Покой и красота. Веретеном
вовлечены в круженье искры, вьются;
слова неявные снежинками поются,
мелькают... И открылось мне одно.
Но – тает, исчезает на глазах,
не сохранить, не донести до дома.
Как хорошо оно, как незнакомо!
Оно на поднебесных парусах
написано. Весёлый снег летит,
и выгнулся котом сугроб, ласкаясь.
Растаял слова тоненький хрусталик,
Мне нечего тебе сказать. Прости.

* * *

Весна проклюнулась, как птенчик из яйца,
и захрустели зимние скорлупки
под каблуками – это у крыльца
большая лужа затянулась хрупким
ледком прозрачным. Он, как гром, гремит,
как будто бьют в литавры, барабаны,
колокола; смири шаги на миг –
услышишь птиц, запевших утром ранним
так ясно, так невинно, высоко
и удивительно обыкновенно.

В часах небесных золотым песком
стекает время медленно и верно.
Синь влажная, как в озере вода,
как взгляд спросонья малыша грудного.
И мысль мелькнёт – да были ль холода?
Не может быть, чтобы вернулись снова...

* * *

В ладони марта солнце расцвело,
и с осторожностью благоговейной,
в немом почтении, как тонкое стекло,
оно опущено на снег реки. Наверно,
река откликнулась – чуть шире полыньи,
и мягче линии береговых сугробов,
заголублили колеи лыжни,
подтаял лёд торосов твердолобых.
И, наполняясь солнечным теплом,
напитываясь светлостью и силой,
ты сможешь побеждать в борьбе со злом
и чувствовать себя вполне красивой.
И, может быть, не знающий тебя
вдруг позовёт по имени... Что скажешь?..
Ритмично капли тишину дробят,
срываясь с плоских крыш многоэтажек.

* * *

Мой осторожный кот на мягких лапах,
не торопясь, преодолел карниз.
Трепещущие тени или запах,
порхание синиц –
что привлекло? Глаза его вбирают
калейдоскоп весеннего бытья.
Он изучает, примостившись с краю,
движение спящего ручья.
Он жмурится от теплоты и света,
урчит от удовольствия нутром.
Он сам весна. Он после будет летом.
А поздней осенью – опять моим котом.

Павел Сухачёв

ПРОРВА

Прорва – новое русло, промытое, прорытое рекой.

Толковый словарь Ушакова

Случай был невероятный. Неслыханный. И абсолютно никаким объяснениям не поддающийся. Плотовод обогнал плотовода в то время как оба шли с большегрузными «возами». По несколько тысяч кубов леса каждый. И это на извилистом Чулыме, где местами и с паузками разойтись еле можно. К тому же надо учесть и скорости. Ведь они у плотоводов прямо-таки черепашины – чуть больше речного течения.

Не менее загадочным было и то обстоятельство, что оба капитана убеждённо отрицали встречу друг с другом. Однако один плот всё же обогнал другой.

– Чепуха! – уверял молодой и оттого самолюбивый капитан обогнанного буксира Сергей Пивоваров. – Никто ни с каким плотом меня не обгонял.

– И не мог обогнать! – решительно поддержал его один из опытнейших капитанов мотоплота Причудымского перевалкомбината Илья Рябиков.

– Хорошо, – парировал их аргументы начальник приплавного рейда Беликов, – допустим, но ведь ты, Серёга, сам говоришь, что раньше Афанасьича забуксировал плот в Линёво. Так или не так?

– Ну так...

– А как же получилось, что на рейд ты пришёл позже Афанасьича?

– Вот не приложу ума...

– То-то и оно! Ума он не приложит.

– Да я голову на отсечение даю, что никто меня не обгонял! – продолжал стоять на своём Пивоваров.

Ну а ты, Афанасьич, что скажешь?

– А что я могу сказать, – развёл руками тот, – когда я сам в полных непонятках.

– Не обгонял, значит?

– Само собой.

Поиски истины уткнулись вроде в тупик. Но вместо истины, если её потеряли, как правило, в больших количествах находятся версии и предположения, толки и кривотолки. Некие осведомлённые граждане уже туманно намекали на пришельцев, посланцев иных цивилизаций. Они, дескать, в научных целях хотели у нас один плот похитить, для чего провели такелажные работы, да не сдюжил ихний космолёт, хлипковат оказался. Поднять плот поднял, даже протащил несколько километров, но двигатель начал греться, отказались зло-

деи, в общем, от своей затеи. И умчались восвояси, побросав брёвна обратно в реку.

Все же знают, чего эти марсиане на реке Тунгуске вытворили. Сколь дров в тайге наломали. Так что посланцы других цивилизаций у нас давно промышляют. А про Чулымский болид слышали, небось? То-то же! Свой лес у них, поди, давно кончился, вот они к нам повадились шастать.

Другие версии намекали на воровство, но истины тоже не содержали.

Рейс случился нелёгким. Плот оказался едва по силам «Костромичу» («Костромич» – буксирный катер). К тому же и погода выдалась хуже некуда. Самая что ни на есть майская для Причудымья – ветер, холод, дождь, да ещё пополам со снегом. Разгулявшийся не в меру Чулым кипел зловещими водоворотами и глухо шумел, норовя выйти из берегов.

«Костромич» ощутимо побалтывало на мутной беспорядочной волне, он мелко дрожал от напряжения, с трудом удерживая на поводу свой громоздкий и неповоротливый «воз», который на крутых извилинах фарватера прижимало то к одному яру, то к другому.

Афанасьич почти не покидал рулевую рубку, разрешая себе отдохнуть часок-другой только днём, когда они проходили более или менее спокойными местами. Он осунулся и похудел, но выдавая виды мичманка с потускневшим «крабом» сидела на его сивой голове чуть набекрень, придавая ему слегка молодцеватый и даже задиристый вид.

Только Мишку не могла обмануть внешняя подтянутость их двужильного капитана. Он по себе мог судить, каково тому достаётся, ибо тоже стоял почти бессменную вахту в машинном отделении, бдительно следя за самочувствием дизеля. Он был втрое моложе Афанасьича, но и ему тяжело давался этот рейс, то и дело клевал носом.

На катере лишь их третий, самый молодой член экипажа, матрос Васька не страдал переутомлением. Он числился рулевым-мотористом, но Афанасьич редко доверял ему управление теплоходом при буксировке плотов. Ну, а к дизелю уже Мишка также редко его подпускал.

Так что Васька имел кучу свободного времени и тратил его с превеликой для себя пользой. Давил ухо в уютном кубрике. В период же бодрствования крутил магнитофон – предмет его особой гордости и обожания. Приобщал прибрежные населённые пункты к современной эстраде. Иногда и сам брался разухабисто присвистывать да приплясывать в такт понравившемуся шлягеру.

Не менее весело драил палубу, благо на эту его ипостась, как и на обязанности кока никто другой из команды не покушался.

В общем, рейс проходил вполне нормально. Они миновали несколько каверзных мест, теперь оставалось пройти ещё одну излучину и, считай, они дома, на Асиновском рейде. Где их ждёт заслуженный отдых.

Только отдых был там, за излучиной, а это каверзное место многие называют Чёртовым колесом (название позаимствовали у правого притока реки Чулым – Чёртово Колесо в Первомайском районе). Здесь русло Чулыма круто виляет в сторону и, дав солидного крюка в виде почти правильной окружно-

сти, продолжает свой путь прямо против изначального направления на не-большом расстоянии от него.

В одно из вешних половодий Чулым устремился напрямик через этот перешеек и промыл довольно широкую прорву. Ожидалось, что именно здесь пройдёт новое русло. Но река передумала, закидала новое русло корягами, топляками и прочим хламом. А сама потекла, как ни в чём не бывало, по привычной старой окружности.

Чуть зевнёт плотовод, как эта самая прорва начинает засасывать его в себя вместе с плотом. А уж если засосёт, то добра не жди, насадит судно, словно на вертел, на корягу или топляк. Так что плохи шутки с этим Чёртовым колесом.

И очень кстати здесь постоянно дежурил катер сопровождения.

Но когда «Костромич» подошёл сюда, катер уже отбыл восвояси.

Смеркалось. Окружающие пейзажи выглядели неприветливо. По обоим берегам тянулось мрачное чертолесье. Иллюстрация к песне Высоцкого «Страшно, аж жуть», того и гляди кикиморы, колдуны и лешие всех мастей повазляются и заграбастают катер вместе с командой в свои чертоги.

Надвигалась ночь. Впереди тускло маячили огни бакенов и створных знаков, или попросту створов.

Мишка, высунувшись из люка машинного отделения, просто смотрел на окружающее волшебство, но вдруг обнаружил нечто такое, что его сначала озадачило, а потом бросило в холодный пот. Огни створных знаков, которые установлены по берегам реки попарно в местах её поворотов, чтобы прямая, проведённая между ними, находилась по касательной к закруглению фарватера. Это и есть путеводная нить для рулевых и капитанов. Когда знаки или их огни совместятся, надо править прямо на них. И в то же время следить за следующими.

А когда те, в свою очередь, окажутся на одной линии, нужно править уже в том направлении. И так дальше. Это у речников называется идти по створам.

Так вот, Мишка, наблюдая за этими створными огнями, увидел, что они уже совместились, а «Костромич» продолжает следовать прежним курсом.

Может, он перепутал огни? Однако быстро удостоверился, что он ничего не путает. Но почему тогда медлит Афанасьич? Ведь он же сам поучал, что с плотом на буксире надо выворачивать на створы чуть раньше, учитывая инерцию «воза».

Что-то тут было не так.

Мишка выскочил из люка и бросился к рулевой рубке.

А там корчился Афанасьич, всем телом навалившись на штурвал. И, словно пьяный, раскачивался из стороны в сторону.

Мишка никогда не видел, чтобы их капитан выпивал, да ещё тем более в рейсе. А тут вдруг такая картина.

– Афанасьич! – испуганно завопил он, хватая его за плечи.

– Там, в шкафчике... таблетки... – вместо ответа попросил тот слабым, прерывающимся голосом.

Шкафчик находился совсем рядом, у задней стенки рубки. Стоило только протянуть руку. Да, совсем плохи, видимо, были дела Афанасьича. Аукнулись бессменные вахты.

Распахнув дверцу шкафчика, Мишка сразу увидел пробирку с таблетками, высыпал их в ладонь и дал Афанасьичу. Потом напоил водой из чайника, бережно усадил на сиденье у задней стенки рубки, в общем, справился не хуже фельдшера.

Тем временем «Костромич», предоставленный самому себе, пёр вперёд, в ту самую прорву. Мишка закрутил было штурвал, пытаясь выйти снова в фарватер, но понял, что опоздал. «Костромич», допустим, он ещё успеет вернуть, а вот плот – точно нет. Он лишь развернёт его поперёк течения, течением же плот затем прибьёт к берегу. Нет, надо искать другое решение.

Может, отцепить плот и шпарить дальше налегке. В конце концов, он же не капитан, какие могут быть к нему вопросы и претензии? К тому же, и катер сопровождения отсутствует.

Да, передряга. Мишка взглянул на Афанасьича, может, он чего дельного присоветует, но тот спал. Будить его не стоило, чего доброго, второй приступ шандарахнет.

Мишка закрутил штурвал и направил катер на самую середину прорвы (где наша не пропадала!).

Русло прорвы оказалось довольно узким, но зато прямым, и в него свободно вписался габаритный плот. Проектор, установленный на рулевой рубке «Костромича», мог поворачиваться с помощью специальной рукоятки в любых направлениях.

Прорва производила удручающее впечатление. Глухой, пугающий гул, в котором чудились и звериные рыки, и разбойничий свист, и чей-то жалобный плач. Жуть.

Мишка отослал Ваську в машинное отделение, а сам до рези в глазах всматривался вперёд, опасаясь просмотреть топляк, корягу или отмель. Отмель ещё ладно, а вот если сядешь на корягу или кучку из нескольких топляков, уже не сползёшь без посторонней помощи. Если повезёт.

А пропорешь корпус катера баланом (очищенный от сучьев ствол дерева)? Плот всей массой надавит на судёнышко, дальше финал, достойный кисти Айвазовского, с девятым и последующими валами, только валами из здоровенных лесин. Мишка поёжился, бросил взгляд на Афанасьича, тот по-прежнему находился в забытии.

В это время катер довольно сильно задёргал. Мишка перевёл луч прожектора назад, в сторону плота – толстенный трос то натягиваясь, то провисая, хлопал по воде.

– Черти, что ли, в пляс пустились, или кикиморы шуткуют? Мистика, прям. – Других объяснений у Мишки не нашлось. Но в них, в других объяснениях, необходимость тут же и отпала.

Непонятное дёрганье катера вдруг прекратилось, и он ходко устремился вперёд. Сначала Мишка решил, что порвался трос, но, посветив на него, убедился, что трос в целостности и сохранности. Тогда, выходит, не выдержала ошлаговка плота (обвязка секций плота тросами для их крепления)? Но в таком случае брёвна раскидало бы веером по всей прорве. И за прорву. Однако с габаритами плота тоже было всё в порядке.

Странное и загадочное плавание по прорве так же неожиданно подошло

к концу. Сначала далеко впереди показался слабый огонёк бакена, следом свет прожектора перестал выхватывать берега. Катер вошёл в Чулым.

У Мишки словно гора свалилась с плеч, он прошёл через самую грозную прорву на Чулыме, где ещё никто и никогда с плотом не проходил. Есть для гордости повод. Немного удивляла непонятная резвость «Костромича». Впрочем, чего тут гадать? Главные трудности позади. До места назначения остаётся рукой подать.

Начинало светать. На востоке, прямо по курсу, занималась румяная майская заря, обещающая ясное, солнечное утро. Бакены сияли, перемигиваясь с далёкими звёздами.

Тут очнулся Афанасьич.

– Где мы идём?

Мишка вздрогнул от неожиданности, но ответил чётко:

– Подходим к Вознесенке.

– К Вознесенке? – удивился Афанасьич, посмотрев на часы. – По времени вроде рановато...

Афанасьич осмотрелся по сторонам, задержал взгляд на плоту, потом спросил:

– Ты ничего, Михаил, не заметил?

– А что?

– Так ведь мы, похоже, грузовую цепь потеряли!

Вместо ответа Мишка только присвистнул. Так вот, оказывается, в чём причина такой резвости их «Костромича»! И почему он дёргался. Как это он сам не додумался до такой простой вещи? Уверовал было в нечистую силу. Грузовая цепь-то по дну тащится. Вот и зацеплялась за что-то. Ещё ладно, ошлаговка плота выдержала.

К рейду «Костромич» подходил весь кругом помытый и надраенный до зеркального блеска. Как новый гривенник. Из трубы над камбузом густыми живописными клубами валил белесый дым. Из магнитофона далеко окрест разносились бравурные мелодии.

Нелёгкий рейс подошёл к завершению.

Почему Афанасьич не сказал правды об обстоятельствах обгона буксира Пивоварова начальнику приплавного рейда, надеюсь, всем тоже понятно. Если бы руководству стало известно про сердечный приступ у капитана буксира прямо во время рейса, Афанасьичу пришлось бы срочно ложиться на обследование, по результатам которого с вероятностью в сто процентов оформляться на пенсию.

Александр Муленко

В ОПАСНОМ КУЛУАРЕ

Рассказ первый. «Сова»

– Ты сходи, поучись. Это не горы, конечно, но всё же... Дополнительные знания, навыки... Побольше узнаешь о страховке...

Вовка, мой собеседник, в прошлом покоривший не одну большую вершину, имел спортивный разряд по альпинизму и с пренебрежением относился к пологим холмам, окружающим город. Отроги Уральских гор невысоки, но при желании можно найти стены для навешивания верёвок. Мы поочерёдно вертели в руках газету с объявлением о наборе в школу спасателей. В программе обучения говорилось о промышленном альпинизме. Я уже выполнял работы с верёвок, но систематических знаний не имел. Мне было тридцать восемь лет.

Контора, где обучали этому ремеслу, называлась «Сова». Бдела она и днём, и ночью, помогая людям открывать случайно захлопнутые двери. Кроме этого, её дежурные выезжали по вызову к больным. В служебном наряде были врачи. Первое время «Сова» не платила налоги, но её учредители поменяли афишу, едва их льготы закончились. Сегодня они выполняют несложные водолазные работы. Отмывают какие-то копейки, выделяемые из бюджета на защиту экологии; рисуют карты дна и величают себя «Выдрой», а тогда вечерами мы крепили верёвки на крыши многоэтажек и поднимались по ним, изучали способы оказания первой помощи пострадавшим. Пересчитывали рёбра под кожей друг у друга в поиске сердца, делали массажи, уколы, накладывали бинты в местах возможных кровотечений. Эти занятия проходили в классе гражданской обороны. Вёл их патологоанатом. Я задавал ему каверзные вопросы, мешая достойно излагать материал. Он тушевался, поскольку был моложе меня.

– Вот сходим в морг и посмотрим на деле, что такое анатомия человека, – пугал учитель в такие минуты. Но на эту замечательную экскурсию я не попал. В цехе случилась авария, и две недели мы работали без выходных.

– Ну, как вы там? – ехидно расспрашивал я потом товарищей по учёбе. – Резали трупы? Держали скальпель? Нашли второе сужение трахеи?

Они морщились.

– Надышались, нагляделись... Ты лучше не спрашивай.

Врач лукаво посмеивался, прислушиваясь к беседе.

– У меня к вам предложение, – сказал он как-то на перемене. – Дома, я знаю, у многих есть животные, – и попросил принести в класс для опыта какую-нибудь «зверюшку» прежде чем её зарезать.

– Зачем? – удивился кто-то.

– Я помещу её сердце в физиологический раствор, и вы увидите, как оно ещё долго будет биться.

В завершение он поведал историю о том, как однажды во время его учёбы в институте на глазах у группы студентов профессора вернули к жизни мужчину, попавшего под машину.

– Не живут с такой травмой ни минуты! Тяжёлыми шинами поперёк человека... Десять тонн, – захлёбывался рассказчик. – И чудо произошло!.. Врачи собрали этого человека. «Он всё равно умрёт, – заметил самый главный профессор. – Но мы показали вам силу медицинской науки». «Труп» на столе не согласился с великим учёным, очухался и сказал: «Я буду жить», но тут же скоропостижно скончался. Это была безнадёжная, учебная операция.

– Я люблю свою кошку, – вздохнула Эльвира, – я не отдам её в злые руки на растерзание вампирам.

Городские люди, мы никогда не выращивали животных на мясо и неправильно поняли предложение врача. Наш учитель спохватился:

– Ну, конечно, не кошку... Может быть, курицу, утку, кролика?

– Крысу, – предложила Эльвира.

– Да-а, крысу!.. Крысу не жалко, – загалдели вокруг. – Конечно же, крысу. Есть ли у кого мышеловка?

Я вспомнил недавний разговор с сестрой. Она похвасталась: «Мне один осужденный крысу подарил. Чёрно-белую, страшную». «Где же она живёт?» «В училище, в клетке, ест всё подряд», – и во всеуслышание торжественно объявил собранию: «Будет вам крыса».

На следующий день она перебирала лапками у меня на груди – доброе, остроносое животное, большая мышь.

– Я их боюсь, – призналась сестра, отдавая подарок, – а ээки носят за пазухой. Во время урока, случается, вылезет такая безобразная тварь на плечо уголовнику, и хочется кричать.

Моя сестра работает в колонии строгого режима. Серьёзные у неё ученики. Показывать им свою слабость для смеха ни к чему. Она держится молодцом. Крысу ей подарили в знак особого уважения.

– Правильный зверь, Наталья Ивановна, – в назидание сказал её бывший владелец. – Вы её не бойтесь, не подведёт, не укусит... Воровское животное – честное.

– Как же её зовут?

– Лариска.

Я принёс эту подопытную крысу домой и поставил клетку с ней на подоконник. Была ли дверца открыта (я человек рассеянный) или крыса нашла защёлку самостоятельно – мне неизвестно. Только ночью я проснулся оттого, что кто-то робко щекотал по лицу. Неужели Лариска?.. Первая мысль была сбросить её на пол. Но я подавил рефлекс и погладил животное. Она мне ответила лобызанием, а на следующий день я уже сам доставал крысу из клетки и играл с нею, как с котёнком. Однажды моя подопечная испортила кусок кабельной оплётки от телевизора. Торгующие вещанием деляги поломали мою антенну, и матовый ящик молчал более года, стоя без дела на полу.

– Хорошо, что меня отключили от их нечестных новостей и реклам, а то бы шарашнуло тебя, Лариска, током, – заметил я крысе.

– Я не плачу за фальшивую пропаганду...

- Мы беседовали на равных. Добрая тварь.
– Где же обещанная крыса? – поторопил меня учитель.
– Пускай кто-нибудь курицу принесёт.

Рассказ второй. Пик «Солнечный»

Прошло полгода. По итогам учёбы в школе спасателей меня зачислили в резервисты. Но знания были ничтожны, и я отправился в настоящие горы. Почти на краю земли, где начинаются реки, находился альплагерь «Солнечный». В нём было несколько бревенчатых избушек и палатки. Едва начинался сезон восхождений, альпинисты спешили сюда учиться и работать. Они поклонялись горам и покоряли вершины.

– Я твой инструктор, – представилась мне девица лет двадцати пяти. – Я – Лена.

Рядом лежала пушистая лайка и грызла большую кость.

– Ты зачем пришёл в наши горы? Кто ты? Я по образованию – юрист, а начальник лагеря – гляциолог. Он изучает ледники и пишет научную работу о запасах пресной воды в природе. Самая чистая вода в мире находится здесь.

Я в свою очередь рассказал о промышленных трубах, ремонтом которых занимался много лет, о горячих печах, где приходилось работать, не снимая суконки, сделал акцент на том, что они никогда не остывают ни на минуту. Показал на пожухшие уши, обожжённые сквозняками, гуляющими внутри этих труб, и пояснил, что устал от жары и ищу прохлады на воле.

– Прохлаждаться ты здесь не будешь, – отрезала Лена. – Это не пансионат.

В это время рюкзак у меня за спиной зашевелился. Лайка насторожилась. Моя умная крыса освободилась из плена и нашла дорогу на волю. Шевеля усами, она осторожно выглянула на свет. Лена пронзительно закричала. Её собака вскочила на все четыре лапы и залаяла, истекая слюной. Крыса стремительно нырнула назад в убежище, в рюкзак, оцарапав меня когтями.

– Что это было? – спросила Лена.

– Крыса, – ответил я, вытирая на шее кровь.

– Такая страшная... Откуда она взялась?..

– Из тюрьмы, – и я поспешно рассказал о том, как учился на спасателя.

– Чтобы я её не видела никогда, – распорядилась девица.

– Она же ручная, добрая...

– Я кому говорю?

Отдыха я действительно не знал. Начались тренировки. Изучение особенностей горного рельефа, увязка страховочной системы, верёвочные узлы и учебные транспортировки больных проходили на новом уровне – на действительном полигоне. Хороший у меня был прежний наставник, патологоанатом. В лагере я многое вспомнил и закрепил трудом. Новая учёба и акклиматизация прошли успешно. Было совершено два несложных групповых восхождения, и на завтра меня ожидал ледовый маршрут с настоящей страховкой.

– Я не пойду с ним, – заявила Лена начальнику лагеря, и пояснила:

– Он очень слабый, быстро задыхается и долго восстанавливает силы.

– Ты с ним пойдёшь, ты инструктор. Это твоя работа, – наказал ей начальник лагеря.

– Он тяжёлый... Если что-нибудь с ним случится, я не дотяну его до лагеря.

– Ты дашь сигнал из ракетницы, мы поможем.

– У него старые кошки. Они не держатся на ботинках.

Брезентовые ремешки креплений у моих кошек подгнили и лопнули. Я их взял у Вовки, который не поднимался в горы десять лет. Лена говорила правду.

– Вы возьмёте у меня новые буржуйские кошки и подгоните их.

Начальник лагеря выложил перед нами всё недостающее снаряжение.

– И затем эта ужасная крыса из тюрьмы, – безнадежно вздохнула Лена, поняв, что меня всё-таки придётся тянуть к вершине. – Да и сам он – чёрный, небритый, злой.

– Как я, – улыбнулся начспас, почёсывая пальцами свою косматую бороду, и, повернувшись ко мне, сердито закончил:

– Крысу не брать!

Вечером я долго подгонял новые кошки под ботинки. Тряс их, ударяя зубьями об стену – держались. Почти всю ночь не спал, мешая соседям, а утром был разбужен пинками: вставай, и – на сбор! Выход в четыре ноль-ноль. Про крысу я забыл. Она прижилась у меня в палатке под боком и по ночам очень часто гуляла по лагерю, осваивая мир высокогорья. Каши ей было мало, как-то она обнаружила в соседнем доме подспорье – прошлогодние кедровые шишки. Проживающие там работники оказались покладистыми и добрыми людьми. Они терпимо относились к шороху на полках.

Подойдя к языку ледника, мы с Леной синхронно вздохнули и заглянули друг другу в души. Проверили снаряжение: страховочную систему, «железо», кошки.

– Готов? – спросила она.

– Готов...

Я не спеша развешивал на обвязке ледовые причиндалы, карабины, оттяжки.

– Вяжемся, когда ледник будет круче... Это самая ответственная часть маршрута. Смотри, не зевай, не суетись.

– Хорошо. Я спокоен.

Лена критически оглядела меня, вернуться в лагерь было ещё не поздно.

– Вперёд!.. И опусти очки – ослепнешь. Старайся всеми зубьями кошек одновременно касаться поверхности льда.

У меня был хороший инструктор. Ледовые крючья я заворачивал по самые «уши». Мокрые руки мёрзли. Я менял перчатки. Однажды споткнулся и упал. Моя наставница подстраховала меня верёвкой.

– Я прошу тебя, – задыхалась она от крика, – сгибай колени во время падения кошками вверх, а то зацепишься ими об лёд и разобьёшься ещё сильнее...

Вдруг я догадался, что крыса находится в рюкзаке. Во время очередного падения послышался скрежет её когтей и писк.

«Как ей должно быть плохо на этой ухабистой дороге», – подумал я.

Солнце уже стояло высоко, когда мы ушли с ледника и оказались на каменном склоне.

– Теперь ещё немного, – успокоила Лена. – Основная часть маршрута уже позади.

Кошки я аккуратно снял и обмотал их рогожей, чтобы они нечаянно не поранили в рюкзаке мою любимицу – крысу. Немного отдышавшись, передохнув, мы продолжили восхождение. Стоя на промежуточном гребне, я увидел пройденный ледник от языка до вершины. Он показался мне крутым и горбатым.

– Ты видишь, какой ужасный подъём мы прошли? Это ты его сделал, – с уважением отметила Лена.

– Я очень устал на этом подъёме.

– Потерпи немного – впереди кулуар, а где-то здесь на северном склоне есть репер. Вот там и перекусим. Геодезические знаки в горах надёжны и крепки. Их устанавливают в местах, где не бывает лавин и камнепадов.

Но она не находила его.

– Странно... Может быть, он дальше?

Мы внимательно осматривали лежавшие перед нами вершины. Снег сверкал и слепил. Я щурился, бегло перебирая глазами склоны, и тоже не видел ничего похожего на геодезический знак. Только чёрная, сырая с виду, скала впереди словно мыс вгрызалась кинжалом в заснеженное пространство.

– Не такая она крутая, – подумал я и предложил:

– Лена, а может быть, вот по этому камню, по его расщелине, мы поднимемся наверх? Я когда-то успешно втискивался в такие места в Крыму.

– Нет, Саша, это не Крым. Это рыхлые горы, разбитые грозами. Мы рискуем попасть в беду... Но где же геодезический знак?

Медленно огибали мы по белому полю этот суровый мыс. За ним кулуар поворачивал вправо, и уже до конца просматривался маршрут – до самой вершины.

– Нет ничего...

– Мы не туда попали, – сказала Лена.

Тяжёлые снежные карнизы висели над нами, как тучи, отбрасывая далёкие тени на нижестоящие камни.

– А я-то думаю, почему нет ветра? Он гуляет за гребнем. А тишина-то какая!..

– Как в морге, – добавил я.

– Ты не шути, – рассердилась Лена.

В это время крыса у меня за спиной запищала. Я снял рюкзак и освободил её из клетки. Лена вздрогнула.

– Ты же обещал мне не брать крысу!

– Она сбесилась!..

Лариска стремительно выскочила из плена и, вытягиваясь, как ленточка, по снегу помчалась обратно за скалы, откуда мы только что вышли.

– Значит, у животных тоже съезжает крыша от недостатка кислорода? – печально отметил я в надежде на снисхождение инструктора.

Вы видели, как спасаются восходители в горах от приближающейся опасности? Как они несутся по скользкому фирну или по шаткой морене в поисках надёжного убежища от стремительно летящих с неба камней?.. Или от ла-

вины снега. Как они спотыкаются на ходу, падают грудью на острые склоны, поднимаются в спешке, и, раненые, опять убегают прочь от смерти, надрывая при этом лёгкие и сердце? Как оно бешено колотится – воздуха мало, из носа кровь...

– Саша!.. Бежим!.. Лавина!

Крыса и нашла среди рыхлых скал ту нишу, тот грот, куда мы с Леной успели спрятаться, задыхаясь от боли. Спустя мгновение с неба рухнули первые камни, и целый водопад горной пыли засвистел около нашего убежища, далеко разбрызгивая липкую грязь. Толкаемая лавиной ударная волна потревожила сонные скалы. Нарастающий её шум превратился в грохот, когда неуправляемая снежная масса ухнула по месту, где остался лежать мой рюкзак.

Вскоре всё смолкло. Осторожно разгребая завалы горного мусора, я выкарабкался из нашего убежища наружу, выпрямился; колени тряслись. И когда мне показалось, что самое страшное осталось уже позади, один таки камень сорвался невзвесь откуда и ударил меня по каске.

Я так и не стал замечательным альпинистом. Но мне повезло. Со мною в горы ходил настоящий инструктор. Она хлопала меня по щекам, искала пульс на сонной артерии, рвала на мне одежду, освобождая для дыхания живот.

– Ты цела? – спросил я, очнувшись.

Мои липкие губы еле растягивались в розовой пене.

– Цела, – с облегчением всхлипнула Лена.

– Тошнит...

– Твоя крыса умница!.. Она нашлась.

Лариска отыскала у меня в кармане кожаный футляр для очков и грызла его.

– Отдай! – потянулся я к ней.

Крыса жалобно запищала.

– А тебе его жалко? – вступилась Лена. – Я думала, что ты умрёшь... Мне стало страшно!.. Ты хватал губами воздух, наслаждался, захлёбываясь от счастья, и вдруг метаморфоза. Упал лицом на камни и не дышишь. Еле-еле тебя я на спину перевернула – тяжёлый, как слон.

– Надо сделать пик Солнечный, – промямлил я, отключаясь вторично.

– Хорошо тебя камнем ударило... Ты – контуженный, – баюкала Лена.

В лагере увидели нашу сигнальную ракету, и спасательный отряд немедленно выступил навстречу. Из палатки меня в ту ночь перевели в домик, где жили инструкторы. Там было тепло и уютно. Я слышал, как Лена уговаривала начальника лагеря зачесть мне это восхождение, мотивируя тем, что основная часть маршрута была нами пройдена, что во всём виновата она одна: не нашла дорогу наверх, просмотрела геодезический знак и поздно сообразила, что мы далеко зашли...

– Если бы не его крыса – мы бы погибли.

Я лежал на спине, голова гудела от боли, бредил.

– Всё-таки крепко меня зацепило камнем. Пик Солнечный... А ты, Лариска, умница, ты понравилась всем. Мы ещё с тобой поднимемся в горы...

Рассказ третий. Где ваша крыса?

– Удивительную историю вы мне рассказали, мой друг!

Врач-патологоанатом медленно ощупывал больное животное.

– Я полагаю, что у неё рак, и она скоро подохнет.

Так принято говорить о животных.

– Поездка в горы не прошла для неё бесследно. Она безнадёжно простыла, штурмуя ледники вслед за хозяином, но более точный диагноз ей может поставить только врач-ветеринар, и то если ему приходилось иметь дело с крысами. А кто с ними хочет иметь дело?.. Крысы – они...

В этот момент в комнату зашёл другой человек, не слышавший этой невероятной истории.

– Бегут с тонущего корабля! – торжественно закончил он мысль врача и рассмеялся. – Они предатели!

– Неправда! – ответил я, скрывая обиду. – Крысы указывают нам путь к спасению. Вы же не знаете эту историю?..

Он достал из кармана бутылку водки и согласился:

– Может быть, вы и правы... Пить будете?

Только четыре года спустя я наконец нашёл время и силы опять подняться в горы и посетить альплагерь моих друзей.

– Она ждала тебя три сезона и рассказывала ученикам о странном восходе, который на одном дыхании прошёл самый крутой ледник. «И с ним, – восхищалась она, – была его верная спутница – крыса. Она учуяла неразличимый человеческим ухом треск карниза и бросилась искать спасения, а я догадалась вовремя поглядеть наверх и побежала за ней. Крысе удалось найти убежище от летящих камней и лавины снега. Он обязательно вернётся к нам – мой первый ученик Саша, и с ним его подруга – Лариска». Вы бы видели, как волновались слушатели...

– Но почему она не приехала сейчас?

– Лена вышла замуж... Она нашла своё счастье. У неё маленький ребёнок.

А вы?.. Как вы?.. Где ваша крыса?

Я молчал...

Александр Таразанов

КУРИЦА

рассказ соседа

Вечерело. Солнце клонилось к закату. Группа автоматчиков под командованием старшего лейтенанта Зайцева после освобождения румынского селения обосновалась в нём. Местом расположения командир выбрал огромный пустующий сарай, огороженный невысоким частоколом. Радист, рядовой Смирнов, по его команде передал координаты нахождения группы. Двое суток группа шла в наступление с другими частями Советской Армии. Уже пошли третьи сутки, полевая кухня до сих пор, где-то застрявшая, не подавала горячей пищи автоматчикам. Сухой паёк был почти на исходе. Кареглазого сибиряка, самого молодого из группы, рядового Колю Паршина, подозвал к себе пожилой старшина по фамилии Валеев.

– Сходи в село, отдай своё нижнее бельё в обмен на продукты питания.

Паршин отдал ему честь, взял вещмешок и с ним удалился.

Пройдя по всему селению, он заходил в каждый двор и пытался сменять тёплое нижнее бельё вдобавок с немецким складным ножичком на продукты питания, но каждый раз ему почему-то отказывали. Возвращаясь, возле ограды увидел одинокую, роющую землю курицу. Оглянулся по сторонам, и решил её поймать. Аккуратно снял с себя плащ-палатку и ловко накинул её на птицу. Курица даже не успела шмыгнуть в сторону.

– Попалась! – негромко воскликнул Паршин. – Народ у нас голодный, и ты его немного насытишь.

Паршин не заметил, что за его действиями через щель ограды напротив следил старик. Сунув под плащ-палатку курицу, спокойненько, как ни в чём не бывало направился в расположение группы. Увидел, что недалеко от сарая разожгли небольшой костёр. Рядом был выставлен часовой, увидев его приближение, окликнул:

– Стой! Кто идёт?

– Рядовой Паршин.

Появившийся ниоткуда старшина Валеев похвалил часового:

– Молодец! Дальше так носи службу. Паршина пропусти.

И мимоходом спросил Паршина:

– Чем порадуешь?

– Да ничем. Курицу бесхозную поймал.

– Ты, когда её ловил, никого поблизости не заметил?

– Никого.

– Ох, смотри, боец, чует моё сердце что-то недоброе...

– Я могу курицу отнести назад.

– Ладно, пойдём. Бойцы голодные.

Наконец к середине следующего дня завезли автоматчикам долгожданные припасы с полевой кухней. Но под самый вечер приехал толстячок с лукавым взглядом, майор безопасности Снегин. Построил всех бойцов, заговорил:

– Так кто из вас вчера мародёрничал?

В ответ тишина.

– Я ещё раз спрашиваю. Кто украл курицу? Иначе все у меня пойдёте под трибунал.

Он вытащил сложенную вчетверо бумагу и затряс ей:

– Имеется бумага от местного населения.

Вышел из строя Паршин.

– Значит, это ты, рядовой. Тогда живо садись в машину, поедем. Ну и вы, товарищ старший лейтенант, с нами за компанию.

– Товарищ майор, разрешите обратиться, – вышел из строя и встал перед ним старшина Валеев.

– Говори, старшина. Я слушаю.

– Нас не кормили горячей пищей почти двое суток. Мы были в наступлении, ну, в общем, рядовой Паршин не виноват. Он думал, что курица бесхозная, и решил её забрать, чтоб накормить двадцать бойцов.

– Ну вот что, тебя я тоже заберу.

Самодовольный Снегин дал приказ автоматчикам:

– Так, всем разойтись, кроме... – он глянул на Зайцева, Валеева и Паршина, и обратился к ним: – А вы за мной...

Всех троих привезли в какой-то старинный особняк, который находился в нескольких верстах от селения. Майор их завёл в огромный кабинет, где кроме большого резного круглого стола, обставленного старинными стульями, приткнулся ближе к окну письменный стол. На нём находилась лампа с зелёным абажуром, рядом стояло кожаное чёрное кресло.

Снегин подошёл к письменному столу и вытащил оттуда три листа бумаги с карандашами.

– Садитесь и пишите.

Когда они закончили, майор внимательно прочитал каждый рапорт:

– Вас двоих отпускаю, идите, – глянул он на Зайцева с Валеевым, – ну а ты, боец, останешься у меня, – и ехидная усмешка появилась на его лице, когда он окинул взглядом несчастного Паршина с ног до головы. – Старик селянин видел, как ты поймал курицу, и написал жалобу, так что изволь остаться.

Зайцев с Валеевым возвращались назад.

Заговорил Валеев:

– Ну как же так, жрать-то было нечего, а майор назначил Паршина мародёром. Несправедливо.

– Смотри-ка, справедливый нашёлся... – оборвал Валеева Зайцев. – Скажи спасибо, что отпустили. Могло быть хуже. Ты меня понял?

– Так точно! Понял, – тяжело вздохнул Валеев...

История кончилась тем, что назад в группу Коля Паршин больше не вернулся, его отправили через суд в зону на пять лет. Оттуда он вышел больным и не по годам постаревшим человеком. Майор Снегин в последний день войны погиб, на горной дороге подорвался на mine. Что касается Зайцева с Валевым, для них всё хорошо обошлось, они отделались строгими выговорами от комбата. Война для обоих закончилась осенью сорок пятого года, их часть расформировали, и они с другими сослуживцами отправились домой строить мирную жизнь.

Степан Климов

ПИВНОЙ ОПУС

малое происшествие из былых артельно-югинских вре́мен

1

Король Гамбринус считается изобретателем пива, и пиво с тех пор стало увлечением Западной Европы. Древние русичи продолжали варить крепкие меды, соответствующие их нраву, ими веселились князья со своими дружинами до увядшей Киевской славы. Потом междоусобицы и последующее иноплеменное иго привели к единому государству, при котором стали любопытствовать, как живут в соседях и что пьют и едят.

Чтобы лучше было видно, Пётр прорубил на Запад окошко, и это повлекло за собой кучу реформ. Шумным было возведение старика Зотова в ранг Всепьянейшего за его пристрастие к голландскому пиву (от простой водки он тоже не отказался). Но, конечно, не от этого одного известность пива стала шириться по всей Петровской Империи.

2

Даже богиня Клио не могла бы сразу ответить, по какой исторической необходимости меня переместили с Балтийских берегов в отдалённые земли Западной Сибири, в царящий там деревянный век болотного Васюганья, где Бог камней не создал. Но пили тут не одну воду, о пиве были наслышаны, чему последует рассказ.

Советская власть тех времён, заботясь о трезвости подданных, содержала их в постоянной строгой диете. Но раз в году, в великий праздник Октября, в память даты, открывшей человечеству дорогу в будущий рай на земле, советская власть угощала свой пролетариат казённым пиршеством, рассаживая его, без разбора должностей и чинов, словом, без местничества, за общие товарищеские столы советских организаций, в которых он работал, строя мировой коммунизм.

Меня поселили в посёлок Старо-Югино, приравняв к статусу ссыльных «новый контингент», и определили на работу в промысловую артель имени Менжинского (знаменитого неумоимого комиссара ЧК). Там я дожил до 7-го ноября, увидев, как готовились к угощению артельщиков и как смешались понятия о пиве и браге, породив конфликт местного значения.

Владыка этого населённого пункта (в отсутствие коменданта НКВД) был председатель артели Артамон Самсонович Букин, человек просвещённый, хотя и расписывающийся с некоторым затруднением, слышавший стороной о настоящем заводском бутылочном пиве, распиваемом в столице, но сам никогда такое не пробовавший.

Что недоступно – всегда желаемо.

Случилось так, что в числе присланного в Старо-Югино «нового контингента» в аккурат оказался директор государственного пивного заво-

да «АЛДАРИС». Узнав о том, Артамон Самсонович смекнул, что туманное представление о заводском пиве может воплотиться в явь близким государственным праздником. Ян Янович Спилве был вызван в артельную контору и допрошен Артамоном Самсоновичем, после чего рижский пивовар получил задание сварить к Октябрю настоящее, высококачественное рижское пиво, имеющее заслуженную репутацию в Европе.

3

С этого момента реноме Яна Яновича в деревне поднялось до небес, освободив его от артельного тягла. Пока остальной «новый контингент» трепал одёжку, заготавливая в лесу дрова, и колол клёпку для бочкотары, Ян Янович колдовал в помещении водогрейки молочной фермы, превращённой в пивоварню. Теперь даже Артамон Самсонович здоровался с ним за руку, заглядывая в пивоварню проводить тамошные дела. Что говорить о любопытстве, без доступа туда, остальных артельщиков, только чувствующих запах бродившего сула в чанах за запертой дверью.

Наконец, когда с большим чаением суло было разлито под наблюдением Яна Яновича по двум бочкам, сработанным в бондарне, ему пришлось переселиться в пивоварню и там недреманно ограждать дверь и краны бочек от норовящих испробовать недозрелый ещё продукт, открывать дверь только по условному стуку, остальное время держа её на постоянном крючке.

Одна лишь тётка Матрёна, уборщица и прежняя неизменная варщица браги артельных застолий, пренебрежительно поджимала губы, как только речь заходила о Яне Яновиче или о его пиве.

Наконец настал день, когда фабрикат был объявлен готовым. Артамон Самсонович, а за ним гуськом счетовод и Васька-бригадир вошли в пределы Яна Яновича, чтобы приступить к дегустации напитка.

4

И всё-таки председатель артели, возможный будущий кандидат в партию и потому бдительный, не начал первым. Кто знает, что там ссыльный латыш наварил. Он предоставил право быть подопытным кроликом Василию, который опасался пить лишь серную кислоту из пимокатни. Конечно, и на сей раз Васька раздумывать не стал, но единым духом опорожнил пышно-пенную кружку, которую Ян Янович с шипом нацедил из крана бочки. Крякнув, а потом отпрыгнув, Васька удовлетворённо изрёк:

– Скусно!

Однако после этого застыл в каком-то безмолвном ожидании, по продолжению которого на его лице всё более и более усиливалось выражение недоумения, заставившее наконец начальство спросить:

– Ты это что?

– А ничё!

– То есть как ничё!? Говори ясно! – потребовал Самсонович.

– Так что не забирает! – ответил Василий, разводя руками.

Такое, после все хлопот с заводским пивом, Артамон Самсоновичу пока-

залось совершенно невозможным, и он самолично решился определить качество получившейся продукции.

5

Взяв вновь налитую вспухающей пеной кружку и сделав губы трубочкой, он сперва ими недоверчиво втянул влагу, чтобы потом смелее, и уже с удовольствием смакуя, выпил вкусное пиво.

Потребовав вторую кружку, чем обидел счетовода, обойдённого чередой, председатель опорожнил и её, но через время его дуги бритых бровей грозно сдвинулись к переносице, там выпрямились образовав прямую линию.

– Ты что, понимаешь, задумал нас кваском вместо пива потчевать?! – навис он над Яном Яновичем. – Сколько, понимаешь, добра извёл! А крепости в твоём пиве кот наплакал! Это, понимаешь, настоящим саботажем пахнет и, можно сказать, есть диверсия против Октябрьской Революции!!!

Так бедный Ян Янович враз был уничтожен, а европейское пиво не признано...

К счастью Яна Яновича, он ни в тюрьму, ни в Сибулаг не угодил: подправить негодное пиво взялась Матрёна своими трудами. Ей это удалось отлично особым способом. Сварив в котелке сушёный багульник с мухомором, прибавив немного табака, всё это подлила в пивные бочки Яна Яновича, добавив дрожжей для добавочного брожения.

6

Спасибо ей за то, что праздник в клубе весело прошёл. Правда, самой Матрёне никто спасибо не сказал.

Пир был богатым, с пельменями и пирогами. Вступительное слово сказал избач Трунтов, при этом, приняв всего один стакан, стал изображать собаку: на четвереньках выбравшись на двор, начал грызть угловое бревно сруба клуба.

Бондарь Федька так и не смог по обычаю потрепать жену после застолья, но, погнавшись за ней, с первых же своих шагов свалился наземь и заснул.

Но праздник прошёл удачно – недовольных не было.

Никита ЗОНОВ

ЧЕСТНО ПРИЗНАТЬСЯ...

* * *

Без застенчивого блага
до сих пор не налегке.
У меня была собака
в недалёком далеке.
В нём я жил, меняя крылья,
аки кожицу змея.
Дорогим не дорожил я.
Каркнул ворон:
«Nevermore!»

Он вонзил в мои сугробы
воронёный свой узор,
выбирая сразу в оба
из двух бед, да из двух зол.
Та, что первая, не злая,
но прилипла, как смола.
А втора..
да что вторая? –
то отечества зола.

Так и дую на заре я,
воля вольная вокруг,
я иду до назаря,
одинок и близорук,
на восход пускаю слюни –
ни осла, ни ремесла..
С наступающим!..

июня
двадцать первого числа.

* * *

Курю у дома, где жил Володя Хромин,
и понимаю, как мир огромен;
мы все могли бы в нём поместиться:
собаки, люди, деревья, птицы..
Огромен так, что дышать не тесно.

А вот ему не хватило места.

* * *

Снег и солнце,
неудавшиеся люди –
утрясётся..
Только нас уже не будет.

Будут ливни.
Будет горечь, и прохлада.
Вот скажи мне:
нахрена всё это надо?

* * *

Стреляй же, богиня-лучница,
не быть – устал;
и знаю, что не получится
прожить до ста.

Считаем всё, что отвержено:
жену, между..
Меня не надо поддерживать, –
я сам хожу.

* * *

Я бы молчал, как Андрей Болконский
под синим небом Аустерлица.
Стреляй! Но жить всё равно придётся,
и перед Богом – не извиниться.
Стреляй. Умру. Коль пришёл на бойню,
такой красивый, хороший, бравый..
Но перед смертью ты лучше спой мне,
и левой-правой,
и левой-правой.

ЛЕТНЕЕ

Тут, куда ни плюнь, –
только верх да низ.
Голосит июнь
перекличкой птиц
и огнём лесов,
что зарёй горят..
Не с твоим лицом
да в калашный ряд:
за околицей
злая волчья сыть.
С твоего лица
только воду пить.

На траве дрова
разводить костёр.
Не твоя трава,
знать, сама растёт,
сквозь росу и гам,
меж трудов и дней;
росяно ногам,
что бредут по ней
в пустоте надежд,
в суете оков
по тропинке меж
одуванчиков.

* * *

Честно признаться,
никто никому не нужен
(экстраполирую) и ничего не должен.
Вспомни, читающий,
когда ты руки мыл в луже?
А я вот – сегодня,
вчера,
позавчера,

и позже..

* * *

Ай, болит душа не в горе, –
это море по колено.
Так случилось: жить в просторе,
да ещё одновременно.
Лодка к пристани пристала.
Наши руки, наши ноги,
несмотря на боль суставов,
совокупно одиноки.
Иней истины в стакане
тает,
и чадит суббота.
И чудит.

И тянет,
тянет
пустота водоворота.

* * *

Время не очень.
Прямо сейчас – умри.
Камни выходят
из почек, и из земли...
Дерзкого многоточия
быть не должно, но тут
листья, цветы, и прочие
тоже из них растут.

В нашем болоте,
мир
и себя любя,
камни всегда выходят
как не в себя.
С болью.
Из дёсен.
Как зубы.
И – рать на рать!

Время разбрасывать.
Некогда собирать.

РУМЫНОЧКА

А. З. Мирзаяну

Берегом по берегам.
Жизнь на коромысле.
Это было, но не там,
оттого и висли.

Ты – герой.
А за горой
бой войны за души.
Будешь первым?
Я второй,
да ты меня не слушай.

Ты не слушай дурака.
Быдло не обрыдло?
У меня в душе рука,
и я её не вырву.

Пой, гитара, пей, боец,
быт – в макулатуру.
Бог не сдаст,
свинья не съест, –
разве ж пуля-дура..

Этих, гм, десантных ян
развелось в избытке:
пей, цыган, пока не пьян, и
пой в своей кибитке.

Мне ль стыдиться пеленой
в битве с Мураками?

Так и ляжем в перегной,
не маша руками.

* * *

Николаю Игнатенко

Ты боли-гуди, голова.
Улица Рабочая 2,
настрое-строение 3...
Жалься..
только слёзы утри.

Не вхожу ни в джаз и ни в жуз,
в следующий раз пригожусь.
Нет двора, и дюже – кола..
Ты меня поймёшь, Никола-
й.

ИЮНЬ

Господь,
храни меня и влеки,
о, одноокый!
Я тот, которому не с руки.
Лишь строки.

Строгая месть,
на благую весть
любуюсь.
В какую несть бы меня занесть?
– неси в любую..

Листаю пальцами календарь
соитий, судеб
людей, которых через года
уже не будет,

и маю в горле уже июнь,
но держит кто-то.
Дожди,
засланец, покуда юн,

солнцеворота.

* * *

Не суди да по себе, не перечь,
в такт итак, напоперёк, супротив.
Перековывай орало на меч.
Нету лирики – беги в нарратив.
Жив? – люби, и предавайся судьбе,
не в последнем и не в первом ряду.

Ты – лишь повод написать о себе,
мне, которого ведут в поводу.

* * *

Сложен мир.
(простите, человечки!)
Тенью день,
и ночь наоборот.
Смотришь в сеть. И видишь:
там Овечкин
делает очередной рекорд.

Буднично.
Неспешно.
Без напряжения.
Несмотря на в/на
и кутерьму.
Добрая советская дворняга.
Делает.

Сочувствую ему.

..навсегда.

что-то мне сегодня не по себе
и суглинок не стучит в окоём
но летят из пункта «А» в пункты «Б»
опрометчивые фразы
вдвоём
нас Эол (да и Борей) не унёс
кто не понял – пейте воду с лица
я сегодня в нашем омуте грёз
тараторю как заправский пацан

извлекаю прописные слова
и заглавные глотаю сиречь
дважды два – оно почти
дважды два:
если можешь,
сохрани мою речь..

ЧИТАТЕЛЮ

сизу и ёжусь
а не выёживаюсь
как М. Горький
на Капри
вот ты помнишь
когда в последний раз
помидорки ел
и красные капли
на штаны
капали
когда внизался зубами
и прочими жвалами
в тело овоща
красные капли
на юбки падали
прося помощи

возможно
ты поклонник нарезанного
герой салата
снял с языка-ума
мне не местному
так и надо
мой Пушкин щурится
не поднимая глаз
слушает реквием
а я увы живу
уже в который раз

и помидорки ем

ЛЕТА 2021

Мы стареем, но не ропщем.
Жить легко, пока задаром...
Сам живу.
И воздух порчу
регулярным перегаром.

А, случись оно иначе,
(всё могу, не всё умею)
рос бы овощем на даче,
стал бы гоем.
Или геем.

Что бы вам ни обещали, –
жизнь игра иного рода:
вы
влетаете
мячами
в деревянные ворота...

Наигрались?
Ровно дети.
От Воронежа до Чили:
– Тятя, тятя, наши сети
отключили.

* * *

Полубосой
и полубосым
жил-был у матери дочь как сын.
Солнца ли сын или ночи дочь? –
нет чтобы ступу в воде толочь:

пёк колобок и пекла луну,
вечно искал своего одну,
канул пророкой на небеса
(Пушкин об этом давно писал).

Вместо неправды
скажу одно:
он и она – это я.

Давно.

* * *

И. И.

Пусть снег идёт. Пусть гудит страна,
и день вчерашний как будто прожит.
Не скажет слов о тебе она —
она двух снов-то связать не может.

Тот снег отечеств, как белый дым,
объял родимые пепелища.
Пришёл нагим, а уйду седым:
пребудет день и прибудет пища.

Давно пора, хоть года лихи,
отрыть колодец — и в неба толщу...
Листать грехи, отпускать стихи,
а после..
в явь выходить наощупь.

АВТОБУСНОЕ

Темнеет. Верно, к теплу.
И окна, словно глаза:
провёл рукой по стеклу
и покатила слеза.

Грязна автобуса дверь.
И осень.
Точно – к теплу...

Ну вот и как мне теперь
её искать на полу?

Евгений Мирмович

САМЫЙ ГОРЬКИЙ ДЕНЬ

Юрка приоткрыл тяжёлую покосившуюся деревянную дверь с резными узорами и выглянул на безлюдный проспект. Осмотревшись на свету, он по сложившейся за целый год войны привычке сразу же перебежал на другую сторону улицы, которая была безопаснее при артобстрелах. В утренней тишине медленно падали крупные снежинки. Юрка пошёл по узкой тропинке между сугробов, огибая вмёрзший в мостовую трамвай с выбитыми стёклами, покрытый льдом, как дрейфующее в Арктике погибшее судно. До первого урока оставалось пятнадцать минут. Нужно было спешить.

Ещё два квартала – и направо, через мост, мимо появившейся вчера возле моста огромной воронки, где в небо уродливо торчали искорёженные трамвайные рельсы, словно оглобли дьявольской колесницы, брошенной хозяином в припадке бешенства.

Вещмешок за плечами бил Юрку по худой спине, когда нужно было перепрыгнуть через груды битого кирпича или обломки оконных рам, которые не успели убрать после ночного налёта. Там, в заветном вещмешке, учебник по геометрии, томик Пушкина с оторванной обложкой и бережно завернутый мамой в тряпицу кусочек чёрного хлеба.

На ходу Юрка попытался повторить заданное на дом доказательство теоремы, но тут же запутался. Зато с лёгкостью повторил отрывок из «Руслана и Людмилы» и дальше всю дорогу с упоением думал о завернутом в платок куске слегка подсохшего, солоноватого, немного пахнущего подсолнечным жмыхом, ноздреватого чёрного хлеба. Юрка представлял себе его гляцевую, бурую, закруглённую корочку с одной стороны и шероховатые края с других сторон. Ему хотелось прижать этот вожделенный кусочек к своей щеке, держать в руках, прикасаться к нему губами, вдыхать еле заметный аромат, смотреть на него. А уж потом, медленно рассасывая во рту каждую крошку, с наслаждением съесть. От этих мыслей у Юрки сводило гортань, и он снова повторял отрывок из Пушкина.

Редкие прохожие старались не смотреть друг на друга. Одни шли быстро, не озираясь по сторонам, другие еле передвигали ноги, сосредоточенно глядя в снег перед собой, но те и другие берегли силы, не совершая лишних движений, не произнося бесполезных слов, не расходуя себя даже на неоправданный взгляд в сторону. Печальная участь постигла всех, кто не научился этому за первый год блокады. По отсутствию такой привычки Юрка легко отличал людей, прибывших в Ленинград с «большой земли». Как правило, это были ответственные работники или военные.

Так же чётко Юрка научился определять по лицам людей приближение смерти. Последний раз он видел такое лицо вчера. Сосед по коммунальной

квартире Николай Карлович не вставал уже второй день. Его глаза будто провалились глубже внутрь черепа, и когда старик лежал на спине, казалось, что он умышленно втянул их в себя, чтобы не видеть окружающий мир.

Миновав присыпанную снегом воронку и мост, Юрка свернул на улицу Плеханова, за Казанский собор. На небольшой площадке возле сколоченного наспех ещё до войны дощатого нужника сидел на опрокинутой бочке странно одетый мужчина. Модная кепка-восьмиклинка натянута поверх шарфа, которым была, как платком, перевязана его голова. Не по размеру маленький ватник, простроченный вертикальными полосами, обнажал замёрзшие тонкие запястья и необычайно вытянутые кисти рук. Солдатские брюки-галифе уходили в хорошие, но давно не чищенные яловые сапоги.

Незнакомец поймал Юркин взгляд.

– Стой! – сухо, коротко произнёс он, словно отдал команду.

Юрка остановился и заметил, что лицо мужчины тут же приобрело жалкое страдальческое выражение, но отпечатка смерти, как у Николая Карловича, на нём не было. Бледный лоб с большой, словно нарисованной родинкой над левой бровью сморщился, изображая муку. Тонкие чёрные усики минорно повисли над верхней губой.

– Помоги мне, я погибаю от голода, – произнёс незнакомец, протягивая Юрке свои худые длинные пальцы.

– Вы не смогли отоварить карточку? – спросил Юрка, вспомнив, как недавно пожилая соседка Вера Афанасьевна не смогла выстоять длинную очередь за хлебом и вернулась домой в слезах. Тогда мама помогла ей, и Вера Афанасьевна благополучно получила свой паёк иждивенца.

– Сегодня самый горький день в моей жизни. Я впервые прошу подаяния. У меня пока нет карточек. Мой завод эвакуировали, а я отстал. Мне бы два дня продержаться. А там меня отправят через Ладогу вслед за моими товарищами. Вот, у меня есть документ, – мужчина начал вытаскивать из кармана бумагу. – У тебя ведь есть хлеб? Дай мне немного, пожалуйста. Иначе я погибну.

Юрка нерешительно снял с плеча вещмешок. Глаза незнакомца смотрели на Юрку пристально, не отрываясь. Под гнётом этого взгляда развернуться и уйти было так же трудно, как остаться живым, стоя во весь рост под пулёмётным огнём. Юрка развязал мешок и достал хлеб. Руки незнакомца задрожали и потянулись к мальчику своими длинными полупрозрачными пальцами.

Юрка попытался отломить половину своего хлеба голодающему, но разделить на две равные части не получилось. Один кусок был явно больше другого. Юрка застыл в нерешительности, размышляя, какой же отдать. В ту же секунду он понял, что незнакомец прочитал его мысли, и Юрке стало стыдно. Он протянул мужчине большой кусок.

Тот с жадностью набросился на хлеб, не обращая на Юрку больше никакого внимания.

Убирая оставшийся хлеб в мешок, Юрка подумал о том, что незнакомец голодает недавно. Люди, привыкшие к долгому недоеданию, никогда не запихивали в рот пищу с такой жадностью. Это было ещё одно из его наблюдений за последний год.

Оставшуюся часть пути до школы Юрка уже не пытался вспоминать те-

орему. И даже чувство голода как будто отступило. «Ведь останется жив этот человек. Он будет работать на заводе. Делать снаряды, которыми Красная Армия бьёт фашистов. А я могу вечером принести дров Вере Афанасьевне, и она наверняка угостит меня за это затирухой».

Потом Юрка вспомнил тонкие длинные пальцы незнакомца и крепкие ладони своего отца, рабочего Обуховского завода, ушедшего на фронт. И руки дяди Никиты, который закручивал гайки двумя пальцами так, что многие не могли открутить и ключом. Неприятные сомнения заёрзали в душе мальчика. Но, быть может, незнакомец инженер или нормировщик, как дядя Захар. «Сейчас для победы ценны каждые руки», – вспомнил Юрка слова своей учительницы и немного успокоился.

Вечером дома Юрка не стал рассказывать маме о встрече с незнакомцем. Вряд ли мама будет этому рада. Бросив в комнате вещмешок, Юра сразу же побежал во двор за дровами и притащил их в комнату соседки Веры Афанасьевны.

– Здравствуй, Юрочка! Как хорошо, что ты зашёл. Садись, пожалуйста, за стол, угощайся, – Вера Афанасьевна пригладила седые волосы, поправила бирюзовые бусы на белом накрахмаленном платье и поднесла к своим губам маленькую кофейную чашечку с золочёным ободком. Она держала её за тонкую фарфоровую ручку двумя пальчиками, чуть оттопырив в сторону мизинца.

Юрка застыл в дверях с охапкой дров в полной растерянности. Тёмно-синие бархатные шторы с золотыми кистями были раздвинуты в нарушение светомаскировки. За ними, в окне, переклеенном крест-накрест газетной лентой, покачивался в фиолетовой мгле вечернего неба неуклюжий серый пузырь аэростата. В открытой буржуйке горели чопорные ножки венского стула. У стены в бронзовых канделябрах угольно-чёрного пианино мерцали две лучины, вставленные вместо свечей. На столе, покрытом ажурной скатертью, перед Верой Афанасьевной стоял белоснежный сервиз на шесть персон, украшенный изображением витиеватых жёлтых лилий. Все тарелки и супница посередине стола были абсолютно чисты.

– У меня сегодня день рождения! Садись, пожалуйста, Юрочка. Отобедай вместе со мной, – Вера Афанасьевна вновь поднесла к губам пустую кофейную чашечку и, как ребёнок в детской игре, понарошку отхлебнула из неё.

Юрке стало неловко. Угольки догорающей лучины осыпались на белые клавиши открытого пианино.

– Извините, Вера Афанасьевна, мне нужно идти, – Юра положил дрова у порога.

– Жаль. Приходи ко мне вечером, я сыграю тебе Шопена, – Вера Афанасьевна вновь сделала мнимый глоток из фарфоровой чашечки.

Этой зимой в некогда многолюдной коммунальной квартире из соседей, кроме Веры Афанасьевны, оставался лишь пожилой литературовед Николай Карлович, питавшийся только в столовой Пушкинского дома, и студентка театральнoго института Танечка. Все остальные эвакуировались или были на фронте, либо погибли ещё в первую блокадную зиму от голода и обстрелов.

Поразмыслив, Юрка решил, что ждать помощи от Николая Карловича не

стоит. С тех пор как осенью пропала без вести его одиннадцатилетняя внучка Оля, старик частенько менял свою порцию в столовой на сухари или кусочки сахара, которые бережно заворачивал в газету и складывал в картонную коробку с изображением Спасской башни Кремля на крышке. «Оленька скоро найдётся. Она придёт голодная, и мне нужно будет угостить её», – говорил старик, аккуратно складывая сухарики в коробку. Никто из соседей не верил в возвращение Оленьки, но все сдержанно молчали, не осмеливаясь лишать старика пусть и бессмысленной, но греющей его душу надежды.

Юре иногда хотелось попросить у Николая Карловича один кусочек сахара, но мама строго запретила ему это делать. Вспомнив про этот запрет, Юрка постучался в дверь Танечки.

– А, Юрка, привет! Помоги мне, пожалуйста, застегнуть платье, – Таня повернулась к Юрке спиной, подставляя застёжку, и, кажется, была ему рада.

Несмотря на разницу в возрасте, они дружили. Таня часто репетировала дома перед зеркалом, и Юрка с удовольствием помогал ей, сидя с ногами на тумбочке и сверяя все произнесённые Таней фразы с напечатанным на пишущей машинке текстом пьесы. За это приходивший к Тане жених Валька Григорьев из консерватории ласково называл Юру суфлёром.

– Таня, откуда у тебя такое красивое платье? Я никогда его у тебя не видел!

– Это сценический костюм Офелии, – улыбнулась Таня, – мне дали его в институте для репетиций. Ты не читал «Гамлета»?

– Нет. Мы ещё не проходили.

– Теперь в институте не топят печей, и студентам разрешено больше репетировать дома. Ты сможешь мне сегодня?

– Я сегодня отдал беженцу половину своего хлеба и не хочу рассказывать об этом маме, – Юрка забрался на свою тумбочку и опустил глаза.

– У меня есть «бадаевская конфета». Помнишь, как в прошлом году горели Бадаевские склады? Там горел и плавился, растекаясь по земле, сахар. Ребята из нашего института потом отламывали кусочки застывшей на земле массы. Очищали от песка и заворачивали в обрывки газеты. Вот такие конфетки получаются. Я недавно выменяла. Давай съедим вместе? – Таня улыбнулась, и её худенькая, бледная рука протянула Юре газетный свёрток. – Ломай пополам.

Юрка аккуратно развернул лакомство и попытался разломить надвое полупрозрачную грязно-жёлтую плитку. Опять не вышло на равные части. Юрка уверенно протянул Тане большую часть. Таня жестом показала, что нужно сделать наоборот. Её мягкое, почти детское лицо скрывало за нежной улыбкой обречённую покорность, печальную готовность ко всему и желание хоть на время отгородиться от военных тягот светлыми мыслями о театре. Юрке на миг показалось, что на этом лице почти то же выражение необратимости смерти, что и у Николая Карловича, но мальчик тут же прогнал эту мысль.

– В институтской столовке суп – как вода. Крупинки пшена можно в нём сосчитать. И от елового отвара уже тошнит, – как будто оправдываясь, произнесла Таня.

– Завтра суббота, и мы с мамой пойдём вместе отovarивать карточки в булочную. Я постараюсь принести тебе немного хлеба. Мама разрешит.

– Спасибо тебе, Юрка. Давай учить роль.

Они репетировали весь вечер, пока на пороге комнаты не появился Григорьев. Высокий, слегка сутулый студент в потрёпанном старом пальто, вечно носивший с собой скрипку в буром кожаном футляре с оторванной верхней застёжкой.

– Ну что? Как дела, суфлёр? – Григорьев улыбнулся и ласково потрепал Юрку по волосам.

Это означало, что Юрке пора к себе в комнату. Он нехотя передавал Танечку в надёжные руки Григорьева, немного завидуя ему и наблюдая, с какой нежностью, не отводя глаз, Таня смотрит на своего скрипача.

Наутро Юра вместе с мамой отправился в булочную на углу улицы Пестеля и Моховой. Пошла вместе с ними и Вера Афанасьевна. Несмотря на ранний час, у булочной уже скопилась огромная очередь. Многие занимали очередь с ночи, чтобы в первых рядах получить хлеб. День выдался морозный и солнечный. Снег искрился, скрипел под ногами и слепил глаза. В утренней тишине Юрке на миг показалось, что нет больше войны. Сейчас дадут хлеб, и голод отступит. Он вспомнил продавщицу, нарезающую хлеб на порции огромным ножом с широким лезвием и маленькой, короткой деревянной ручкой. Женщина в брезентовом фартуке всегда с поразительной точностью мгновенно кроила буханку на равные доли. Её огромный, похожий на топор сказочного палача нож совершал молниеносные и точные движения по заданной траектории, глухо ударяясь о деревянную доску. Под его взмахами буханка хлеба становилась всё меньше и меньше, превращаясь в мизерные рабочие и иждивенческие куски.

Когда Юра с мамой уже стояли в хвосте очереди, воздух пронзительным стоном разрезал вой ручной сирены. Вдалеке послышался нарастающий гул самолётов. Казалось невозможным, что именно сейчас, таким солнечным утром, когда привезли и скоро будут давать хлеб, может произойти что-то страшное. Люди в очереди начали переглядываться, кто-то, задрвав голову, смотрел в синее, ещё совершенно чистое небо.

– Пойдём, Юрочка, в убежище. Так положено, – мама крепко взяла Юрку за руку и потянула за собой.

Часть людей из очереди тоже поспешно направилась в сторону убежища на Моховой улице, но многие по-прежнему остались ожидать открытия магазина.

– Вера Афанасьевна! – крикнула мама, увидев, что соседка осталась в очереди.

– Нет-нет, я останусь, – ответила та и замахала руками, – здесь нет заводов, сюда не ударят.

Через несколько минут, сидя на деревянной лавке в бомбоубежище, Юрка слышал вдалеке уханье взрывов и пытался понять, где бомбят. На Петроградской стороне или Васильевском острове? А вдруг те люди, что остались в очереди, сейчас разберут весь хлеб? Вдруг нам теперь не хватит? Юрке вдруг стало смертельно обидно от этой мысли, и он дёрнул маму за рукав.

– Мам, бомбят далеко. Пойдём обратно за хлебом. Вдруг нам не хватит?

– Нет, Юрочка, так делать нельзя.

- Но многие же остались.
- Нет, я боюсь.
- Вон Вера Афанасьевна не испугалась и уже, наверное, получает.
- Нет, Юра, на время налёта магазин должны закрыть.

В этот момент страшный удар сотряс стены подвала. Юрка увидел, как чёрный репродуктор сорвался со стены и угодил в голову сидящей под ним женщине. Тут же погас свет, и мрак наполнился людскими криками. Юрка почувствовал, как руки матери с силой прижали его к себе. Через минуту наступила полная тишина. Или Юрке почудилось, что это была тишина. Она была такой долгой, будто теперь не кончится никогда. Впервые за последние месяцы войны ему вновь стало страшно, и он заплакал, но тут же, услышав собственный голос, устыдился и замолчал. Вокруг появились звуки. Люди зашевелились. Кто-то вполголоса разговаривал. Затем открылась дверь, и в подвал пробился дневной свет.

Когда Юра с мамой вышел на улицу, ему показалось, что они очутились в другом районе города. С одной стороны по-прежнему была Моховая улица, но с другой стороны дома отсутствовали. На месте булочной, где стояла очередь, из огромной груды камней вырывались языки пламени. Половина пятиэтажного дома была словно отрезана тем самым широким ножом, которым тётка в брезентовом фартуке нарезала хлеб.

Обнаживший свои внутренности дом стоял, обескураженно помахивая висящей на одной петле белой дверью на четвёртом этаже. Она болталась на ветру, подобно выброшенному белому флагу. Этажом выше на фоне ярко-розовых обоев покачивалось чудом уцелевшее старинное зеркало в резной раме. Пожарные уже разматывали рукава и заливали несколько горящих окон соседнего дома. Булочной больше не было.

Юрка думал о том, что теперь нужно отоваривать карточки в другом магазине, значит, хлеба им сегодня уж точно не хватит. Вдруг мысль о Вере Афанасьевне остановила Юрку. Он замер и схватил маму за руку.

– А Вера Афанасьевна? – он посмотрел на мать, но та лишь тяжело вздохнула и покачала головой.

В этот день достать продуктов не получилось. Мама решила отправиться на барахолку, менять на муку отцовский портсигар – последнюю ценную вещь, оставшуюся в доме. Мать долгое время не решалась на этот поступок.

– Папа сказал продать его, когда настанет самый горький день, – сказала она, как бы оправдываясь, – что ж? Наверное, пора.

Она вышла за дверь, но тут же вернулась. Бледная, чуть дрожащим голосом она приказала Юрке ни в коем случае не выходить из квартиры до её возвращения. Простояв в раздумьях возле дверей с минуту, она всё же вышла.

Разумеется, Юрке было скучно дома одному. Танечка ушла в институт, а Николай Карлович, собрав последние силы, поднялся с постели и, шатаясь, в очередной раз отправился на поиски внучки.

Юра вспомнил, как, прощаясь, отец обнял его у дверей год назад. Вспомнил колючую щёку, запах махорки и силуэт серой шинели, медленно удаляющийся по ступеням лестницы. Захотелось выйти на лестничную площадку и ещё раз посмотреть на эти ступени, по которым уходил, может быть, навсегда

отец. Юрка открыл дверь и вышел на площадку. Было холодно. В свете оконного проёма каменные ступени лестницы уходили вниз, поворачивая вправо, как меха опрокинутого набок аккордеона.

В углу у самой стены Юра увидел фигуру человека в чёрном пальто с поднятым воротником. Мужчина лежал, плотно прижавшись к стене, и не шевелился. Его серое, выпачканное грязью лицо безжизненно прижималось к ледяной каменной ступени. Подойдя ближе, Юрка не сразу узнал Николая Карловича. На нём не было привычных очков, и спокойное по обыкновению выражение лица сменилось злобным звериным оскалом.

Холод заставил Юрку вернуться в квартиру. Просидев несколько минут на табуретке посреди кухни, Юрка вдруг вспомнил про коробку с изображением Спасской башни Кремля. Тут же вспомнил про мамин запрет, но мысль о сухарях и сахаре, находящихся здесь, в квартире, уже накрепко схватила его, и думать о другом было невозможно.

Не мог же старик куда-то деть эту коробку? Вот бы только проверить. Можно не брать ничего до прихода мамы. Просто узнать, на месте коробка или нет. А потом мама решит, что делать. Она наверняка ведь теперь разрешит что-то взять. Юрка решительно отправился в комнату Николая Карловича.

В ненатопленной комнате было холодно. Пахло нафталином и остатками хвойного отвара из прилипшего к холодной буржуйке ковшика. Юрка решительно открыл сервант, покрытый белой ажурной салфеткой, и схватил заветную коробку. Вот она, Спасская башня с рубиновой спасительной звездой. Не дыша, Юрка приоткрыл крышку. О чудо!

На мгновение у Юрки закружилась голова. Среди завёрнутых в бумажки хлебных сухарей и кусочков сахара лежала настоящая шоколадная конфета «Красный авиатор». Юрка бережно взял её в руки. «Росглавкондитер», вес двадцать граммов, прочитал он на фантике. Подумать только, целых двадцать граммов. Юрка почувствовал, что больше не владеет собой, и пальцы сами бережно разворачивают фантик.

В этот момент он увидел в коробке клочок бумаги, на котором аккуратным, почти каллиграфическим почерком было выведено: «Олечка, если ты пришла, а дедушки больше нет, то знай – это всё только для того, чтобы ты жила. Береги себя, моя сиротка. Твой дед – Николай».

Юрка почувствовал, как рой диких ос жалит его со всех сторон. Он бросил конфету обратно и поспешно закрыл коробку, как будто захлопывая крышку улья. Вспомнилась худенькая, почти прозрачная Оля, пропавшая ещё прошлой страшной зимой во время сильного артобстрела. Её деревянный самокат до сих пор ещё висел где-то на стене в прихожей между жестяных тазов и электрических счётчиков. Юрке захотелось закрыть глаза и вернуться в довоенное лето, где двор был полон ребят, и Оля рисовала на асфальте мелом цветы, а Юрка рисовал самолёты. Он вышел на кухню и уселся на подоконник, высматривая в окно, когда наконец вернётся мама.

В этот вечер отцовский портсигар был успешно выменян на стакан пшена и несколько сладких подмёрзших картофелин. Буржуйка прожорливо поглощала старый паркет, который мама отдирала в опустевших соседских комнатах с помощью огромных щипцов для тушения зажигательных бомб. Эти

уродливые щипцы с момента вступления в отряд ПВО мама всегда приносила с собой в дом. Ими можно было схватить горящую зажигательную бомбу и сбросить её с крыши. Поначалу Юрка побаивался этих кривых, как деревенский печной ухват, клещей. Но потом и сам научился с их помощью добывать паркет для печки.

Когда в комнате стало тепло, Юрка с мамой забрались под шерстяное одеяло и стали делиться новостями. Так они делали в те редкие вечера, когда мама не была на дежурстве, а из чёрного бумажного репродуктора на стене раздавались негромкие и спокойные звуки метронома, которые, словно стук домашних ходиков, наполняли душу теплом и спокойствием.

Мама рассказывала о новостях с фронта, об окружении немцев под Сталинградом и тяжёлых боях. А Юрка не удержался и всё же задал вопрос о заветной коробке Николая Карловича и признался, что уже заглянул в неё и прочитал записку.

Мама долго молчала. Юрке даже показалось, что она уже думает о чём-то другом.

– Посмотрим, – коротко заключила она. – Увидим, Юрочка, как будет дальше. Может быть, сегодня ещё не самый страшный день в нашей жизни. Мы заберём коробку и оставим на самый горький день.

В воскресенье мама взяла Юрку с собой на дежурство. Как же ему хотелось быть хотя бы на пару лет старше, чтобы стать бойцом МПВО, как многие старшеклассники Юркиной школы. Но и подняться на крышу в восьмиугольную наблюдательную башню вместе с мамой было большой Юркиной гордостью.

Стоя во время дежурства на крыше, Юрка с ужасом подумал о том, как будет нелепо и обидно, если бомба попадёт в их дом именно теперь, когда у них есть такое богатство. Ведь не может же так быть.

В этот момент в тёмном вечернем небе появились немецкие самолёты. Их было больше, чем обычно. С нарастающим гулом стальная армада приближалась к притихшему во тьме светомаскировки городу. Сейчас вспыхнут прожектора и зенитки откроют огонь, а на город посыплется смерть. Юрка уже не боялся самолётов, как в первые месяцы войны, но отсюда, с крыши, видеть их было страшнее. Почему же наши не стреляют? Ну что же они медлят? Небо над городом постепенно заполнялось чёрными металлическими крестами самолётов. В одно мгновение Юркина душа переполнилась злобой. Ведь бомба убьёт всех, и маму, и оставшуюся в квартире Таню. И не будет ни школы, ни друзей, ни коробки Николая Карловича с конфетой «Красный авиатор».

– Сволочи! – закричал Юрка в тёмное небо что было мочи. – Гады, убийцы, изверги! – Но голос его уже не был слышен в нарастающем гуле моторов и вое сирены.

Юрка вцепился посиневшими от холода руками в металлические перила вышки. В этот момент из района Балтийского завода в небо взмыла красная сигнальная ракета. Часть немецкой армады тут же стала разворачиваться в сторону, и через минуту на завод посыпались бомбы. Небо в той части города побагровело от зарева сплошного пожара. Вспыхнули прожектора. Зенитчики начали бой. Со стороны Кронштадта показалась эскадрилья наших истребителей.

Юрка, как парализованный, висел на перилах вышки. Как такое может быть? Это же чудовищное предательство. Кто выпустил сигнальную ракету, указав место для бомбометания?

– Что вы там стоите? Не слышали приказ? – орали откуда-то снизу. – Все на тушение завода, там же сотни рабочих в ночной смене.

Преодолев оцепенение, Юрка почувствовал, как мама тащит его за руку по ступенькам вниз.

– Из квартиры ни шагу! – крикнула мама, заталкивая Юрку домой. – Я на тушение завода, жди дома.

У Юрки всё кипело и клокотало внутри. Предательство. В городе есть враги. Это чудовищно. Впервые ему стало по-настоящему страшно. Он побежал в комнату Тани.

Девушка лежала в своей кровати, накрывшись тёплой фуфайкой. В комнате было холодно.

– Здравствуй, Юра. Я не могу встать. У меня нет больше сил, – тихо произнесла Таня и закрыла глаза.

– Сейчас я затоплю печь, – Юрка бросился в свою комнату за паркетом. Ему очень хотелось рассказать Тане о переполнявшем его негодовании. Он разжёл буржуйку и накрыл Таню одеялом.

Таня как будто не слушала Юркин рассказ о предательстве. Она шевелила губами и тихо повторяла какие-то слова.

– Юрочка, я чувствую, что больше не встану, – произнесла Таня чуть громче, – когда я умру, ты попроси, чтобы меня похоронили в костюме Офелии.

– Ты что? Нельзя умирать! – Юрка немного растерялся. – Подожди минутку, сейчас я кое-что принесу тебе.

Юрка бросился за коробкой Николая Карловича. Мама поймёт. Она разрешила бы. Ведь это крайний случай.

– Вот, посмотри, Танечка! – через минуту Юра уже открывал перед Таней заветную крышку с изображением Спасской башни.

– Откуда у тебя это? – произнесла Таня так же тихо, словно не веря в реальность происходящего.

– Мама сказала, что это на самый горький день. Ведь если ты умрёшь, разве может быть что-то хуже? Давай съедим конфету и по два сухаря, – Юрка поставил на разогревшуюся буржуйку медный чайник.

Спустя полчаса Таня уснула. Юрка, согревшись кипятком, уселся возле горячей буржуйки и помешивал в ней красные угли. Из-за неплотно задёрнутых штор начали пробиваться первые полоски света. Мамы до сих пор ещё не было, и Юрке становилось всё тревожнее.

В половине восьмого утра Юрка не выдержал. Нацепив валенки, телогрейку и ушанку, Юрка решил идти к Балтийскому заводу, искать маму. Таня по-прежнему спала, и Юрка не стал её будить, чтобы попросить закрыть на щеколду входную дверь. Он просто плотно прикрыл дверь в квартиру и почти бегом бросился вниз по лестнице.

В городе было тихо. Пахло гарью. Вдалеке слышалась канонада. Мороз спал, и Юрка, разогретый быстрой ходьбой, расстегнул ворот телогрейки. Вот уже и видны стены завода, который теперь представлял собой жуткое зре-

лице. Тушить было уже нечего. За уцелевшими наружными стенами сквозь проёмы выбитых окон зияла дымящаяся пустота. Женщины, выстроившись в цепочки, расчищали заваленные битым кирпичом улицы.

Языки пламени от горящих корпусов продолжали ярко освещать полуразрушенный проспект. Оглядевшись вокруг, Юрка увидел двух чекистов в коротких кожаных куртках. Они вели перед собой арестованного. Пойманный ими шпион был перепуган и озирался по сторонам в поисках хоть одного сочувствующего взгляда.

Юрка невольно замер. На мгновение бегающий, испуганный взгляд предателя остановился на мальчишке. Большая, словно нарисованная родинка над левой бровью задёргалась от нервного моргания глаза. Всё лицо его словно исказилось в мучительной гримасе. Перепачканная сажей восьмиклинка съехала набок. Из разбитой губы текла кровь.

– Юрка, негодник! А ну-ка марш домой! Я где тебе велела ждать? – раздался за спиной окрик матери.

Обернувшись, он увидел маму, яростно грозившую ему кулаком. На душе стало спокойно. Он махнул маме рукой и побежал к дому.

На бегу он думал о расстреле предателя и даже представлял себе эту картину по фильмам в кино. Думал о том, что уже понедельник, и нужно бежать в школу, куда ни в коем случае нельзя опаздывать. Но больше всего думал всё-таки об оставшейся дома коробке с изображением Спасской башни на крышке.

Вернувшись домой, Юрка увидел совершенно неожиданную картину. Дверь в квартиру была распахнута настежь. Сквозняк шевелил поднимающиеся в воздух занавески. Шкафы открыты, стулья опрокинуты. Пол усыпан осколками битой бутылки. Почти все полки были пусты.

Такую же обстановку Юрка обнаружил и в комнате покойной Веры Афанасьевны, а в комнате Тани даже исчезла буржуйка. Из оставшейся от печки покорёженной жестяной трубы дул ветер. Самой Тани дома не было.

Юрка тут же метнулся к серванту, где лежала спасительная коробка Николая Карловича, но уже в коридоре обнаружил валявшуюся на полу картонную крышку с отпечатком подошвы сапога на Спасской башне. От неожиданности и обиды на глаза выступили слёзы. Понимая, что его сейчас никто не видит, Юрка сел на пол и разревелся.

– Ты что, суфлёр? Нельзя так! – услышал вдруг Юрка знакомый голос за спиной. Обернувшись, он увидел Вальку Григорьева в чёрном заношенном пальто с поднятым вверх воротником. В его руках по обыкновению был бурый скрипичный футляр с отломанным верхним замком и верёвкой, заменяющей наплечный ремень.

– Здравствуйте, – всхлипнул Юрка, стыдливо вытирая сопли рукавом.

– Подумаешь, обокрали! Нас уже в пятый раз в общежитии обворовывают. А нам смешно. Брать всё равно нечего.

– У нас сухари украли, – обиженно прошептал Юрка себе под нос.

– Это плохо, брат, – сочувственно покачал головой Григорьев и стал рыться в карманах, – на-ка вот! Отдашь матери, она знает, что с этим делать, – Валька протянул мальчишке плитку столярного клея.

– Спасибо.

– А где Таня? Нету? Это отлично! Значит, она всё же поднялась и пошла на репетицию. Молодчина Танька! У нас сегодня последний прогон, и дальше поездка на фронт с выступлениями. А там и кормить будут. Глядишь, выживем.

Уверенный голос Григорьева ободрил Юрку. Вспомнив про школу, Юра схватил свой вещмешок и бросился бежать вниз по лестнице. Валька лишь одобрительно рассмеялся ему вслед.

В школу Юрка в этот день, конечно же, опоздал. За невыученные уроки нахватал двоек. Но главное, в этот день у него с собой не было хлеба. Усталость бессонной ночи валила с ног. Ледяной ветер задувал в рукава телогрейки. С трудом добравшись до сквера за Казанским собором, Юрка присел на перевёрнутую бочку возле деревянного нужника, где на днях сидел изменник. Веки предательски закрывались, а сознание то и дело проваливалось в сон. Перед глазами проплывала растоптанная сапогом крышка коробки с изображением Спасской башни. Железные кресты немецких самолётов в сером небе. Дымящиеся руины завода.

– Наверное, вот он – самый горький день, – прошептал Юрка, и больше не думал ни о чём.

Сквозь сон он чувствовал, как незнакомая женщина тормозит его за плечо и заглядывает в лицо. Как она кладёт его на санки и разговаривает с какой-то старухой, завёрнутой во всё чёрное. Старуха машет рукой куда-то в сторону Юркиного дома и беззубым ртом кричит что-то вслед женщине, уезжающей Юрку на санках. Потом была темнота. И лишь после этой, непонятно сколько длившейся темноты, Юрка увидел испуганное лицо матери, которая растирала его очень дурно пахнущей жидкостью.

Увидев, что Юрка открыл глаза, она тут же поднесла к его губам жестяную кружку с хвойным отваром. Приподняв голову, Юрка понял, что лежит на лавке в кухне, возле плиты, на которой что-то варится. В приоткрытой печной дверце танцуют оранжевые языки пламени. В кухню то и дело заходят незнакомые люди, что-то тихо обсуждают, переносят какие-то вещи.

– Слава Богу, Юрочка, ты очнулся, – улыбнулась мама, – теперь всё пойдёт на лад. Чувствуешь ноги? Можешь встать?

Юрка попробовал слезть с лавки. Голова кружилась, но руки и ноги послушно выполняли всё, что он хотел. Юрка сел, опираясь спиной о стену.

– Кто к нам приехал? – спросил Юра, указывая на незнакомых молодых людей, куривших в прихожей.

– Это Танины друзья, – печально ответила мама, – ты спал больше суток и не знаешь. Вчера был совсем несильный артобстрел. Так, обычный. А Таня возвращалась с репетиции. Её убило осколком. Пойди, Юрочка, попрощайся с ней.

Юрка пошатываясь и опираясь рукой о стену, прошёл в комнату Тани. У порога на полу сидел Григорьев. Свесив растрёпанные волосы, он смотрел на свои истёртые старые ботинки и даже не взглянул на Юрку. Возле его ног валялся скрипичный футляр с оторванным замком, перевязанный верёвкой. Посередине комнаты на столе лежала Офелия. Лицо её было спокойно и прекрасно. Казалось, что она просто забыла роль и с нетерпением ждёт Юркиной

подсказки. Лишь маленькая чёрная дырочка на Танином виске кричала о том, что спектакль окончен.

– Вот и всё, – услышал Юрка за спиной голос Григорьева, – это конец.

Впервые в голосе Вальки звучало отчаяние. Юрка обернулся и увидел красные измождённые глаза Григорьева.

«Вот он, самый горький день», – подумал Юрка и, наверное, нечаянно произнёс это вслух, потому что спустя минуту Григорьев ответил ему.

– Если сегодня самый горький, значит, уже завтра станет лучше. Не так ли, суфлёр? – он подошёл к Юрке и крепко обнял мальчишку.

От его пальто пахло табаком, столярным клеем и пороховой гарью. Юрка прижался к нему щекой и почувствовал – самый горький день позади.

ПОЩЁЧИНА

Навигатор показывал многокилометровую пробку на внутренней стороне кольцевой автодороги. Придётся свернуть и ехать через город. Это лишние полчаса, но деваться некуда. Я начала перестраиваться в правый ряд, чтобы съехать с трассы в сторону Володарского моста. Наверное, несколько лет я не была в этом районе. Если бы не пробка, то не попала бы в него и сейчас. Откуда же я знала, что он живёт именно здесь и что сегодня я встречу его.

Остановившись на светофоре, я увидела мужчину в армейской форме на инвалидной коляске. Он медленно двигался вдоль вереницы машин, замерших перед светофором, и протягивал шапку. Изредка опускались боковые стёкла автомобилей, и в шапку летела мелочь.

Нет, он не мошенник. Всё настоящее. И форма, и тельняшка на груди, и даже две медали, побрякивающие при каждом его резком движении, когда он нервно крутит руками колёса своей коляски. Только ноги он потерял не на войне. Это случилось позже.

Только бы он не узнал меня.

Когда он поравнялся с моей машиной, я отвернулась в сторону. Наверное, не узнал. Ведь и машина уже другая, и причёска, и макияж. Но кожей спины чувствую, что узнал. Проехал мимо.

Остановиться? Выйти поговорить? Вот мне уже сигналият. Впереди загорелся зелёный. Я проехала перекрёсток и остановилась в кармане. Достала сигарету.

Где же эта чёртова зажигалка? Запустила руку в сумочку. Расчёска, крем для рук, пропуск, пластиковые карты, ключи от квартиры, от офиса, таблетки. Чёрт, где зажигалка? Салфетка, шоколадка, помада, брелок, пакетик сахара, три шариковых ручки, тушь. Блин, сломала ноготь, кажется. Так и есть. Теперь надо звонить Гульнаре, записываться на маникюр. Зачем я остановилась? Подойти к нему? Поговорить? О чём? Может, он всё-таки не узнал меня? О чём же говорить? Я и так про него всё знаю. Пять лет этот мужчина был моим мужем.

Где-то там, в прошлой жизни. В той жизни, которой, может быть, и не было. Или она давно растворилась с утренним туманом, вся эта пятилетня

история с замужеством, где был бравый лейтенант и наивная девочка, все эти прогулки, долгие разговоры, посиделки с друзьями.

А ведь он любил меня. Почему любил? Может, и сейчас любит. Да нет, вряд ли. Как он всё же постарел. Ах, вот же зажигалка, в кармане.

Боже, какие мерзкие сигареты я курю. Где я их взяла? А, ну конечно, угостили в офисе. Выброшу.

В окно полетела картонная пачка, украшенная фотографией покойника в морге, с биркой на большом пальце ноги.

Вот так когда-то я выбросила из своей жизни и его. Зачем я вообще выходила за него замуж? Тогда мне было неважно. Лишь бы уйти из дома. От этого ненавистного рабства, где моя мать всё время работала, а отчим сидел целыми днями на кухне, у телевизора, и аккуратно, не спеша, намазывал шпротный паштет на булку, чтобы закусить. С какой омерзительной тщательностью этот жирный боров делал свои бутерброды. Нет, он никогда не напивался. Просто методично выпивал каждое утро маленькую, и весь день смотрел телевизор на крохотном кухонном диванчике, в котором его стокилограммовое тело продавало воронку.

А мать работала в регистратуре районной поликлиники и ходила по вечерам мыть полы в булочной, чтобы как-то свести концы с концами. Как я ненавидела эту жизнь.

Лейтенант спецназа ВДВ был послан мне с неба. Он так и пришёл в мою жизнь, спустившись из облаков на парашюте, когда я увидела его впервые на показательных выступлениях. Спустившись с небес, он сразу направился ко мне, как будто заранее выделил меня в топе зрителей. А может быть, и вправду он заметил меня раньше, я не знаю.

И закружилось, понеслось, как в песне. Через неделю мы уже покупали вместе продукты в супермаркете, чтобы готовить праздничный ужин на его день рождения. Впервые в жизни я покупала не то, что велела мама, а то, что я буду готовить своему мужчине. Я сама теперь хозяйка, сама всё решаю. Это было незабываемое ощущение. А он за всё платил и улыбался, глядя на меня.

Когда мы вышли на улицу с полными пакетами, я спросила, не тяжело ли ему их нести. Он молча, не выпуская из рук пакетов, поднял меня на руки и нёс до самого дома, не проронив не слова. Он умел удивительно красноречиво молчать.

В тот вечер я впервые осталась у него ночевать. Просто позвонила маме, сказала, что приду утром и бросила трубку, чтобы не слушать упрёки. А утром выпал первый снег. Красные кленовые листья ещё продолжали падать на эту ажурную белизну, и воздух был кристально прозрачен. Воскресным утром город ещё спал. В этой тишине мы слышали, как снег скрипит у нас под ногами. Он провожал меня домой, мы смеялись и всю дорогу играли в снежки.

На пороге меня встретил отчим. Он с размаху вlepил мне пощёчину с такой силой, что серёжка с моей правой мочки слетела и потерялась. Отчим не был зол или раздосадован моим поступком. Он исполнил эту пощёчину как ритуал, как свою неотъемлемую обязанность мужчины в семье, без каких-либо эмоций и слов. Мне даже кажется, что он жевал что-то в это время.

Ударив меня, он невозмутимо удалился на кухню, где продолжил спокой-

но размазывать шпротный паштет. Он ничего не сказал, когда я развернулась и ушла из дома. Ему было всё равно.

Щека моя налилась жаром и горела. Улетевшую серёжку я так и не нашла. Может, с той серёжкой потерялась и половина моей души. Та самая половина, которая отвечает за сострадание и чуткость. Может, во мне их и не было никогда. Теперь мне, как начальнику департамента, они только мешали бы. А тогда мне не хватило их для счастливой жизни. Да и была ли эта счастливая жизнь?

Наверное, была. Но она постоянно прерывалась его командировками. Спецназ живёт в условиях постоянной секретности и непредсказуемости. Я никогда толком не знала, куда он летит, на сколько дней, и опасно ли там. Он всё время уходил и как будто просто исчезал из моей жизни. Ни звонка, ни сообщения. Да, мне говорили, что они сдают мобильные телефоны на время операций. Понимала, что не имею права даже знать, в какой точке страны или мира он сейчас находится и жив ли вообще. Я постоянно чувствовала себя брошенной. Живущей один на один со всеми неурядицами. Внезапно протекающей батареей, проблемами на работе, медленно сходящей с ума после смерти отчима мамой и леденящим одиночеством по вечерам, когда я не могу даже написать ему, услышать на секунду его голос.

Его просто нет. В какие-то минуты я не понимаю, был ли он вообще в моей жизни. Не является ли моей болезненной выдумкой, мечтой детства?

Потом он всегда возвращался. С огромным букетом роз, весёлый и всегда голодный. Съедал за ужином «слона», много говорил, был нежен и обаятелен. Мне казалось, что все кошмары лишь моя фантазия, дурной сон. Но вскоре вновь приходил приказ, и я оставалась одна в открытом космосе без скафандра.

Я часто намекала ему, что была бы рада, если бы он сменил службу. Сначала он пропускал эти намёки мимо ушей. Потом просил потерпеть ещё какое-то время. В конце концов злился и запрещал мне рассуждать о его службе. Тогда я поставила условие. Вернее, просто сказала, что не хочу так больше жить.

Он молча собрался и ушёл. Как всегда, он очень красноречиво молчал. Он не взял из дома почти ничего, но я поняла – он не вернётся.

Развод прошёл заочно. Друзья говорили, что он поселился в другом районе, но не сообщали где. Сначала мне очень хотелось его разыскать, но мне сказали, что он начал выпивать, и я не решилась. Через пару месяцев появились двое неопрятных мужчин и передали от него записку. В ней он просил отдать ему холодильник.

Я давно собиралась купить новый, и с лёгкостью отдала. Когда два оборванца выносили этот старый, дребезжащий «гроб», я спросила: неужели капитан спецназа не может купить себе холодильник? Один из этих ханыг поправил меня. «Бывший капитан, мадам», – сказал он. А его товарищ показал мне неприличный жест.

Потом от общих знакомых я узнала, что он не дослужил до пенсии каких-то два года. Потерял документы, лишился жилья и уснул пьяный на улице в мороз. Ему ампутировали ступни ног, и теперь он живёт в каком-то приюте. Больше я ничего не слышала о нём.

Да, он изменился. Сильно постарел. А я? Судя по отражению в зеркале, ещё очень даже хороша. Надо записаться на брови. А так – просто куколка. Эта укладка мне очень идёт. И вообще я очень довольна собой. Начальник департамента как-никак. Квартира в центре. Мама в отличном доме престарелых, где уход и медицинское обслуживание. Я человек самодостаточный и вполне комфортно чувствую себя одна.

Так, может, всё же подойти к нему? Он просит милостыню. Но он же сам в этом виноват. Бросил службу, начал пить, дружит чёрт знает с кем. О чём мне с ним говорить? Помочь? Да, пожалуй, это я вполне могу.

Я вышла из машины и направилась к нему. Он ехал мне навстречу, и его сильные руки, как поршни паровоза, вращали колёса коляски. Он смотрел вперёд, прямо мне в глаза, и приближался с фатальностью бронепоезда, у которого я оказалась на пути. На мгновение мне показалось, что он врежется в меня на всём ходу, и я отпрянула в сторону. Он ловко остановился и с презрением осмотрел мои новые замшевые сапоги от Salvatore.

– Здравствуй. Не ожидала тебя здесь увидеть.

Он молчал, как всегда ярко и доходчиво. Его глаза смотрели на меня, как у киногероя-разведчика, попавшего в плен к врагам.

– А ты постарел. Зря ты пьёшь. Вижу, ты нуждаешься, – я вынула из сумочки пять тысяч рублей и положила ему в шапку.

Он молча вынул двумя пальцами купюру и, бросив её на асфальт, вытер руку о штаны. В одно мгновение его сильные руки развернули коляску, и я увидела его быстро удаляющуюся сгорбленную спину.

Я подняла рыжую купюру. Моя правая щека наливалась жаром, словно после удара.

Ну что же? Я аккуратно убрала деньги на место. Как жалко, что я всё же сломала ноготь. Надо звонить Гульнаре, записываться на маникюр.

Татьяна Нараева

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Бомжика Юру знала вся округа. Тихий, неприметный, непьющий, он практически не источал запаха, характерного для людей без места жительства, благодаря чему его охотно принимали на погрузку и разгрузку товара местные склады. Платили немного, потому что трудиться от зари до зари он не мог, – белел, как стена, после часа работы. Но он никогда не жаловался и радовался каждой копейке.

На улице он оказался давно. Родители умерли, когда Юра учился в техникуме и жил в общежитии. Квартира отошла старшей сестре, вскоре продавшей недвижимость и уехавшей с семьёй в Германию в середине девяностых на ПМЖ.

Но он не терялся: устроился на завод, женился. Жена попалась с квартирой. Когда завод закрылся, пробовал найти другую работу, но – увы! – специальность оказалась уж больно редкой, и в своём небольшом городке, несмотря на все героические усилия, трудоустроиться он не мог.

Однажды с досады напился с мужиками в гаражах, да и подрался. Рана была неглубокая, и человек быстро поправился, но Юру задержали на 15 суток. Когда вернулся домой, жена сказала, что он ей не нужен.

Первое время ночевал у друзей и знакомых, потом пришлось ютиться на вокзалах, в пустующих, брошенных домах. Голод и холод нередко толкали его на воровство – тёплой одежды, еды. Один раз украл тюбик зубной пасты с рыночного прилавка, – так захотелось вдруг зубы почистить.

И каждую ночь, засыпая в очередном сарае на семи ветрах, он говорил себе, что такая жизнь – не для него, и нужно её менять.

Как-то прибился к кучке бомжей. Выживать вместе было легче, но в одно прекрасное утро Юра обнаружил, что документов при нём нет, а его товарищи исчезли.

Людам после этого он не верил, и старался держаться в одиночку, но как-то познакомился с двумя такими же бедолагами, как и он сам. С того же самого завода. До утра проговорили, хохоча и вспоминая субботники, ругань с мастером из-за невыполнения плана, толстуху бухгалтершу в очках, Степаньча, который пил, как чайка, но работу свою знал туго, поэтому его не увольняли.

Покумекав о своей участи, мужики сошлись во мнении, что, если вместе поработать на разгрузке, можно на троих снять скромную однушку, наладить быт, а уж чистыми и сытыми явиться в милицию восстанавливать документы и, может, податься в другой регион за работой.

Сказано – сделано. На следующий день все трое отправились к складам, где и потрудились на славу. И решили, как водится, отметить хорошее начало. Юру, как самого презентабельного, отрядили в магазин.

Когда он, сияя, вернулся через полчаса с большим пакетом в руках, ему предстало поистине ужасающее зрелище. Как позже выяснилось, местные не-

совершеннолетние отморозки – шесть человек – решили очистить землю от всякого «биомусора». До смерти забив обоих мужчин, они распяли бомжей прямо на стене брошенного деревянного, предназначенного к сносу дома.

Благодаря тому, что отец одного из парней оказался высокопоставленным чиновником и другом мэра, живодёрам даже не дали срок.

После этого Юра долго не мог прийти в себя и ночами старался забиться подальше вглубь дома, окружал себя шуршащими предметами, чтобы вовремя услышать приближение других людей. Однако спал некрепко и постоянно видел кошмары.

Ближе к зиме к нему прибилась большая лохматая чёрная собака с обрубленным хвостом, и всё, что он зарабатывал, теперь приходилось делить пополам. Зато с псом ему было спокойнее. Юра вёл с ним долгие беседы, как с человеком, гладил лохматую шерсть. И пёс стал его верным спутником.

Как-то утром они отправились в парк собирать бутылки, и Юра впервые встретил там Её. Она вышла из дома – лёгкая, стройная, в хорошем, ладно сидящем пальто. Аккуратная причёска, макияж. От неё исходил едва уловимый запах дорогих духов.

У Юры даже дыхание перехватило. Вот это красота! Он не заметил, как потихоньку, на расстоянии, пошёл за ней. На остановке она села в автобус и поехала, наверное, на работу.

С тех пор каждое утро они с Чернышом провожали женщину до остановки. Иногда Юра приходил полюбоваться ею вечером. Она возвращалась уставшая, но всё такая же красивая.

Видел её несколько раз с детьми – мальчиком и девочкой, с мужем, который рулил недорогой, но приличной машиной. И каждый раз Юра мысленно представлял себя рядом с ней. Его мечты носили исключительно платонический характер, – он лишь мечтал приходить вечерами домой, к ней, чтобы в этих светящихся окнах второго этажа можно было увидеть, как они пьют чай на кухне и болтают ни о чём. Как прибегают их общие ребяташки, балуются и лезут обниматься.

У Юры не было детей, но он в сладостном восторге представлял эти маленькие тёплые ручки вокруг своей шеи, и чтобы кто-нибудь называл его папой.

По весне его верный Черныш начал пропадать на денёк-другой, бегая то за одной, то за другой подружкой. Юра посмеивался и говорил, что против природы не попрёшь. Но однажды пёс не возвращался дня три, и хозяин забеспокоился.

К сожалению, не напрасно. Напротив парка, прямо на шоссе лежало в грязи и крови то, что осталось от бедного Черныша. Как рассказали малыши из соседнего дома, большой чёрный джип пронёсся на дикой скорости, раскатав верную собаку буквально в блин.

Собрав в картонную коробку останки Черныша, Юра раскопал довольно глубокую яму в парке обломком какой-то металлической пластины и похоронил своего друга. Потом он долго сидел возле пахнущей весной сырой земли и плакал, как ребёнок.

Прошла неделя. Юра был страшно одинок и несчастен. Словно клок вы-

рвали из его многострадального сердца. И, сидя в очередной раз в сумерках возле могилы любимого Черныша, он услышал разговор:

– Говорю тебе, классная сучка. Нам обоим хватит.

Юра вздрогнул и обернулся. Двое собеседников явно не замечали его, сидящего неподалёку на корточках. И тут его словно обдало горячей, страшной волной: они смотрели на Неё, устало идущую с работы.

Притворившись пьяным, он заорал на весь парк: «Бывали дни весёлые». Двое заговорщиков метнулись в стороны, а их потенциальная жертва быстрым бегом кинулась в сторону дома. В следующую минуту два разгорячённых мерзавца били его, лежащего, ногами, пока не выдохлись.

Сплюнув и отпустив в адрес Юры пару нелестных эпитетов, они ушли. Но страх – страх за Неё – укоренился в сердце мужчины. Поэтому он не пошёл спать в свои развалины, а устроился под деревом в парке.

И предчувствия не обманули его: в полумраке безрадостного хмурого утра он заметил их фигуры возле подъезда. Тогда он поднялся и направился прямо к ним:

– Ну что, с утра неймётся?

– Ты чё, гадёныш, бессмертным себя считаешь?

В руке одного из насильников блеснул нож.

– Да пошли вы...

Он не успел договорить. Острое лезвие быстро мелькнуло в воздухе и прилетело Юре в шею. Он упал, захрипел, забился в судорогах. Проходивший мимо патруль кинулся на преступников и задержал их.

Глубокая рана причиняла Юре нестерпимую боль и жесточайшие страдания, но кровь стремительно покидала его измождённое бездомной жизнью тело. Глаза гасли с каждым мгновением.

Ему лишь хватило сил посмотреть в сторону Её окна. Оно было пустым и серым. Накануне Она подхватила грипп и, отпросившись с работы, отлёживалась в постели, ожидая врача и планируя не выходить из дома хотя бы неделю.

09.09.2021

Николай ПОПОВ

У ШКОЛЬНОГО ПОРОГА

РАССВЕТ

Часто снится рассвет над сибирской рекой,
Будто вновь возвращаются детские годы,
И вливается в душу мне мир и покой
Силой духов воды и могучей природы.

И отец мой, такой здесь ещё молодой,
Провожает глазами текущие воды
И глядит на зарю, на ветлу с бородой
И на ласточек в выси – к хорошей погоде.

Догорает костёр. Сняв с огня котелок,
Мы тихонько садимся напротив друг дружки...
Вдруг заняло в груди – как же день тот далёк!
Мы хлебаем уху закопчённою кружкой.

* * *

У широкой реки вечером
Свой костёр я сегодня развёл
И, присевши пред ним на песок,
Разговор свой с Чулымом повёл.

Солнце село, уж звёзды мерцают,
Тонкий месяц над речкой встаёт,
От костра в небо искры взлетают,
И туман над водою плывёт.

Сквозь туман тихо так проступают
Тени прошлого, чудится мне –
По реке батя мой проплывает,
В лодке молча сидит на корме.

Ну куда, мой родной, ну послушай,
У костра со мной рядом присядь!
Так хочу я излить тебе душу
И, как прежде, с тобой помолчать.

Дунул ветер, туман прогоняя,
К небу искры взметнулись снопом.

Было ль это в тумане – не знаю...
Или только привиделось в нём?

* * *

Никакого нет терпенья
Находиться в детсаду.
Паровоз, я слышу, батькин
Свистнул. Значит, я уйду.

Ох, давиться манной кашей,
Спать ложиться в тихий час...
На железную дорогу
Я сбегал уже не раз.

Потихоньку залезаю
Через тендер в паровоз,
В уголочке замираю,
Чтоб за станцию увёз.

А тогда уже я выйду,
Пусть мне уши надерут,
Но по шпалам в детский садик
Уже точно не пошлют.

Дома мама отругает,
И в саду опять скандал,
Но зато на паровоз я
В рейс из сада убежал!

У ШКОЛЬНОГО ПОРОГА

Нас жизнь по белу свету разбросала,
Но ты, мой одноклассник, не грусти,
Ведь здесь и только здесь берут начало
Ведущие по жизни нас пути.

Нас школа в путь-дорогу провожала,
Сам каждый выбирал, куда идти,
Мы кинулись вперёд, нам было мало
Событий, встреч, препятствий на пути.

По жизни шли. Кого несло под горку,
Кто в гору лез, хоть мог и обойти,
Кто на пеньке сидел, курил махорку:
«Зачем куда-то вообще идти?».

В итоге что имеем – то имеем,
Друг друга нам подчас уж не понять,
Одних лишь дети-внуки в жизни греют,
Другим же лишь побольше бы урвать.

И вот теперь у школьного порога
Совсем непросто вместе нас собрать.
Ох, далеко нас развели дороги!
Да кто ж на старте мог всё это знать?

* * *

Сосняки в беломошье –
Как янтарные свечи,
Ночью яркие звёзды
Им садятся на плечи.

И луна, словно кошка,
Тихо в кронах крадётся,
И в росистую хвою
Серебром разольётся.

Вот и утро настало,
И подул тёплый ветер,
На хвоинках росинки
Лучик солнца расцвел.

И, как груда брильянтов,
Вдруг они засверкали,
Всеми красками света
На ветвях заиграли.

И душа тёплым светом
Озарилась немножко,
И стою не дыша я,
Хоть кусаются мошки.

Мне б с тобою в тех соснах
До утра заблудиться,
На ковре беломошном
Нам в объятиях слиться.

И любить, и ласкать бы
Мне тебя до рассвета...
Здесь никто не осудит
Нас с тобою за это.

СНЕГИРИ

Бедна на краски зимняя природа,
Два цвета основных, куда ни посмотри.
Который день морозная погода,
Дрожат от холода ночами фонари.

А утром по дороге на работу
Увидел вдруг – в ветвях пылает что-то,
Там, словно капли утренней зари,
По веткам расплескались снегири.

Подумалось: недаром птицы эти
Стремятся к нам зимою прилететь –
Заснеженные веточки расцветить
И души нам озябшие согреть.

БЕРЕГ ДЕТСТВА

Сегодня снова мне приснилось детство.
Горит костёр на берегу реки,
И за Чулымом, в воду заглядевшись,
Под солнцем разомлели тальники.

А у того костра мальчишек стайка,
Жестикулируя, галдят наперебой,
Течёт река, как время, безучастно,
Течёт река и манит за собой.

Они беспечны и равнодушны,
Мечтает каждый в жизни преуспеть,
И нет ещё ни у кого подружки,
Зато пока река и детство есть.

Прошли года, велению их послушны,
Мы повзрослели все, проблем не счесть,
И лишь река всё так же непослушна,
И берег детства – всё-таки он есть...

Николай КОНИНИН

НО АККОРД МОЁ СЕРДЦЕ ЩЕМИТ

СЕДЬМАЯ СТРУНА

Ах, какой стал ты, Витя, высокий,
Видишь Землю у Бога с руки.
Такой близкий и такой далёкий,
Как вода у родимой реки.

Признавался: грудь рвут лемехами,
Горло давят слова-голыши!
– Я сказал: «Перезрел ты стихами,
Это плач позабытой души».

Шестиструнной гитарой запела
Та – седьмая струна – стон-душа.
Так звенела, кипела, летела,
Что я слушал твой плач, не дыша!

Стихи – стрелы, вручил с колчанами,
– Вить, струной-тетивой дай им власть,
Чтобы нотой высокой – цунами –
Сразу в яблочко в небе попасть!

И достигла небесного града,
Рядом облачко – белым клочком.
Покатилось из райского сада,
В руки яблочко – красным бочком!
.....

Пред глазами картинки – малинки,
А в ушах по душам разговор.
Как ошпарило: Витя, поминки,
Сбой гитары, судьбы перебор!

Жизнь такая: даёт, отнимая,
С ног сбивает потопом потерь.
В горле боль захлебнулась немая,
И как милость – захлопнулась дверь.

Верю, Бог утолил твои раны,
Но аккорд моё сердце щемит.
Коли признаны – значит и званы,
Витя, Виктор – небесный мой щит!

МОЙ ШУКШИН

Ты, даже если в сердце ранен,
До книжных дотянись вершин,
Там парень жил – советский Разин,
Твой брат по Родине – Шукшин.

Шагнул в Москву с Алтая прямо,
Грязь не пристанет, в сапогах!
Взвалил свой крест, и нёс упрямо,
И мама – свечкою в руках.

Стал мерой русского размера –
Калина на краю кручин.
Мужицкая жила в нём вера,
Измерил нас на свой аршин.

Бил каждый фильм, рассказ по цели:
За Родину сражался он.
Два пуда соли мы с ним съели...
Пал – сердце надорвал крестом.

От древа Пушкина – листьями
На каждой встречной нам версте,
Писатели – то под крестами,
Писатели – то на кресте!

Нам Горбачёв пришёл дать волю,
Когда проснулись поутру...
Союз на доли, да по полю,
«Калиной красной» – на ветру.

Так Образ наш стал безобразен:
Печать молчанья на уста,
Что рот другой разинул Разин,
Шукшин, как «чудик», встал с креста!

Он понял: после слов «Воскресни!»
Всего сильнее доброта,
А Разин – атаман из песни,
Что нет прямой пути Христа.

Мы вместе пишем нашу повесть.
В стихах о третьих петухах.
Идёт по свету моя совесть
В его мужицких сапогах!

Сергей Куклин

СПЕКТАКЛЬ НА БАРЖЕ

1

Июльское утро получилось для Гриши удачным. Маячили опасения, что опоздает на паром после хмельного вечера с Тимуром на кухне его стрежневской квартиры, но всё получилось как следует. Тимур освежил свои помутневшие мозги под струёй ледяной воды из крана и подбросил на раздолбанных «жигулях» неожиданного пришельца до пристани. Шустро приобнялись на прощанье, и Гриша успел без билета проскакать на плавсредство за несколько секунд до снятия подмостей. Заплатил уже на палубе какому-то важному дядьке в фуражке речника, по-хозяйски разгуливающему среди пассажиров. Вместо билета получил напутственную фразу: «Всё путём. Будешь в Каргаске завтра к вечеру». Паромом здесь называли баржу с буксиром-толкачом, гуляющую между Стрежевым и Каргаском из-за отсутствия в летнее время нормальной дороги, а по здешним болотам с апреля по ноябрь можно прокувыркаться только на вездеходе. Дальше, до Парабели, ехали на пассажирских «рафиках-газелях» или на каких-нибудь случайных машинах по устойчивой грунтовке, а оттуда в Томск вела уже бетонка.

Угнетало лишь предчувствие унылости полуторасуточного водного пути меж обских пригожих берегов. Восхищался этой красотой подростком, во время своих первых рыбацких отрывов из города на катере. Нынче другое состояние ума. Через пятнадцать лет топтания тундры и тайги природная красота воспринималась как привычное условие нынешних забот-работ. Сегодня ещё примешивалось похмельное осознание собственной никчёмности и виноватости перед всем миром. Он знал, что это последствие вчерашней пьяной эйфории пройдёт, нужно только потерпеть. Хотя память коварно подсказывала, что в рюкзаке полторашка пива ждёт, когда он решится ускорить процесс оздоровления. Сидел на невысоком штабеле досок, наблюдал неспешную перемену ландшафта и уже стал совсем готовым развязать рюкзачную тесёмку для поправки самочувствия, как взгляд упёрся в одинокую фигуру женщины у железной палубной ограды. Одета совсем не по-дорожному, а в лёгкое платьице, трепещущее на обском ветру, осматривала округу. Трудяга буксир привычно толкал баржу против течения, и серовато-коричневые волны, как положено, огибали её ржавые бока. Женщина, как морская странница, не отрываясь, смотрела только вперёд, но вот, почувствовав его пристальный взгляд, обернулась, и мозги томящегося созерцателя заклинило – подобный лик он мог сравнить лишь с виденным в Третьяковке на картине Рокотова «Русская Джоконда». Знаток живописи не стал, но в душу, оказывается, крепко запало, наверное, потому, что перекликалось с юными мечтами. Он позабыл о пивной бутылке, и ноги сами подвели его к незнакомке. Заговорил довольно напористо и дерзко, словно в студенческие времена, на дискотеке:

– Дама решила разнообразить свои впечатления речной прогулкой? Удовольствий просто ворох неподъёмный.

Оценив эту своеобразную фразу, она, не поворачивая головы в его сторону, кивнула и ответила:

– Ага.

Он понял, что эта женщина другого уровня и настроения, нежели девчонки на давних дискотеках, и речь свою, соответственно, по-другому нужно строить. После долгой паузы всё же нашёл тему.

– Я тоже когда-то был очарован гармонией речного течения и неподвижной тайгой. А сейчас эти картины лишь успокаивают, что, слава Богу, ничего не изменилось, хотя бы здесь.

Женщина глянула на него оценивающе, и вдруг улыбнулась. Вот, дескать, какой думающий лирик рядом оказался. Или проходимец умничающий. Одежка на нём была соответствующей: энцефалитка чистая – для выхода в люди, тяжёлые ботинки-вибрамы он вчера обтёр на стрежевском газоне. Наконец ответила:

– Да я особого великолепия не замечаю. Просто смотреть нужно куда-то, если попала в полторасуточный круиз.

Гриша поддержал:

– У меня тоже ситуация дурная. Обычно в таких рейсах книжка выручает, а сейчас, спасибо случаю, могу с прекрасной дамой поговорить. Книжки с собой нет.

Понял, что последние слова лишние – женщина понимающе кивнула. Значит, была бы книжка, разговора бы не сложилось. Гриша оценил:

– А вы, сударыня, строгая. Я это учту. Меня Григорием зовут. В ближнем кругу Гриша. Простой сибирский геолог. С кем имею честь одну палубу топтать?

Она ответила:

– Меня зовут Екатерина. Для родных и близких просто Катя. Простая сибирская актриса Томского драмтеатра.

Мозги учтвого геолога снова заклинило: для него театральные люди жили в ином, недостижимом мире, любое приближение к которому представлялось невероятным праздником жизни. Сегодня, на этой железной палубе, среди машин и озабоченных людей, этот праздник состоялся.

Скоро буксир подпёр баржу к Александровской пристани, и народу с машинами прибавилось. В центре плавсредства стоял железнодорожный пассажирский вагон без колёс, остроумно приспособленный для ночёвки и укрытия от непогоды. Гриша предполагал ночь коротать в спальнике на палубе и не догадался посоветовать барышне, чтобы она позаботилась застолбить себе полку в этом помещении. Подумалось, что если выбрала такое средство передвижения, значит, всё предусмотрела. Он ошибся. Но это выяснится потом. Катерина прилетела самолётом в Стрежевой проведать родителей и заодно известить их о грядущих изменениях в своём затянувшемся девичестве. Замуж наконец собралась за надёжного почитателя. Заявку в загс ещё не подали, но сие планировалось на момент её возвращения. Обратном в Томск самолётом не получилось – билеты оказались проданы на пять дней вперёд, а спектакль

предстоит через три дня. Вот и приходится сейчас слушать Гришину болтовню. Недостатка в общении у неё никогда не было, но этот человек показался ей забавен, словно объявился из другой, неведомой жизни, в которой ценятся другие понятия, о которых она совсем ничего не знает.

Он азартно рассказывал, как в юности ему довелось плыть по Енисею до Туруханска на последнем в тех краях колёсном пароходе, а у них с другом день-ги кончились после скромной гульбы в салоне-ресторане. Жрать стало нечего, зато на верхней палубе объявились весёлые люди, и друг Юрка играл им на гармошке, невесть откуда взявшейся, и весельчаки плясали и пели, а у разорённых геологов появились еда и выпивка. После был Туруханск с дощатыми тротуарами и три месяца работы в приполярной тундре, с шурфами в вечной мерзлоте и стадами оленей у горизонта, но об этом он шибко не распространялся, посчитав, что её изысканному сознанию вряд ли будет интересен такой расклад. Зато ему была любопытна любая подробность театрального мира, но расспрашивать об этом он не осмеливался. Это будто лезть на скалу без приспособлений.

Зато у неё не было таких сомнений, и тихим, отрешённым голосом она спросила:

– Григорий, а вы женаты?

Он усмехнулся: вот и тема беседы до Каргаска.

– Нет, сударыня, ваш собеседник уже пятилетку холостым маячит. Не получилась у меня жизнь семейная, хоть и рассчитывал на таковую. Видать, неверно располагал своими возможностями и терпением тогдашней дамы сердца. Эх, красиво выражаюсь, прямо как герой чеховской пьесы. Я, знаете ли, упёртый театрал, и ещё со студенческих времён ни одной премьеры в нашем театре не пропускал, а сейчас, когда к сорока годам подкатило, всё реже там объявляюсь. Да и современная манера игры – в стиле модерн – мне совсем не подходит. Не принимаю персонажей Бомарше, скачущих по сцене в семейных трусах и в колготках. Вы, Катерина, участвовали в таком лицедействе?

Она смутилась:

– Куда ж деться актрисе, если режиссёр велит? С ним не поспоришь.

Гриша стал ещё оживлённее:

– Да, нелегка актёрская доля. Вот у нас, в нефтеразведке, я могу своё мнение где нужно высказать, а в театре, я чувствую, всё упирается в творческие фантазии одного представителя Homo Sapiens. Но всё равно театр для меня остаётся недосягаемым пространством. Я в Питере в прошлом году удосужился попасть на спектакль БДТ. Неважно, что современная пьеса оказалась для меня никчёмной. Праздником жизни было погулять в фойе, увидеть фотографии легендарных актёров и актрис: Лебедева, Юрского, Басиладзвили, Фрейндлих. Это как для буддиста оказаться в их легендарном храме Ангкор. После этого можно опять отправляться в Ханты-Манси мошку кормить и соп-ли морозить.

Возбуждение Гриши всё возрастало – то ли от воспоминания, то ли от внимания к нему красивой женщины-актрисы. Он заставил себя утомониться и вполне спокойно поинтересовался, каким ветром занесло изысканную даму на это плавсредство. Катерина рассказала, что навещала в Стрежевом родите-

лей, опустив подробности с предстоящим замужеством. Причин такого значимого жизненного шага было множество: надёжность избранника, местного коммерсанта, неясность собственных перспектив актрисы второго плана. До главных ролей так и не дотянула, так, может, обретёт эту позицию в замаячившей впереди семейной жизни. «Вперёд, Катерина», – скомандовала сама себе. Ничего, слюбится, не ей первой на такую дорожку выходить. Отчего же сейчас, сидючи на штабеле досок рядом с человеком, объявившимся перед ней час назад, она чувствует, что ей нравится его резкий, шероховатый голос, повадка сидеть, выпрямив спину, его серые глаза, искательно смотрящие на неё, словно ожидая увидеть определённое выражение лица. Кате хотелось соответствовать его неведомым запросам.

Вместе обедали в вагоне, где был оборудован закуток-столовая для неприхотливых пассажиров. Кормили борщом, тушёной капустой с котлетами, поили компотом. За соседним столиком два чинных мужика глотали то же самое, запивая водкой, которую разливали, не вытаскивая бутылку из пакета, и вели умственную беседу. Румяный круглолицый мужичок объяснял своему худому и бледному собутыльнику:

– Веня, ты пойми, что пока я в Каргасок не приплыву, воды в этом доме не будет никому.

Веня уныло откликнулся:

– Воды и так нет второй месяц.

– Но я ведь ещё не приплыл – и не об чем базарить.

Гриша чуть не поперхнулся компотом от смеха и еле унялся, уставившись в окно. Другие присутствующие в таверне не смеялись. Видать, воспитание не позволяло.

После обеда Гриша и Катя вновь устроились на штабеле досок. Гриша раскатал свой спальник, и сиденье получилось просто барским. Пива даме не предлагал, и самому не хотелось мозги дурманить, а вот кофе из его термоса Екатерине понравился. Ещё ей нравилась интонация его замедленной речи, словно отыскивающей правильный поворот, и немного странная походка с носками вразлёт, чуть навыверт и ладонями, обращёнными вперёд, по ходу движения. Ничего особого в этом нет, но ей приглянулось.

Рядом, на торце штабеля, уселись почти знакомые типы с недопитой бутылкой в пакете. Один из них, пошустрее, наверное, выдающийся сантехник, заинтересовался Екатериной, не обращая внимания на сидящего рядом Григория. Напрямую к ней обратился, одурело глядя в низкий вырез праздничного платья.

– Извиняюсь, женщина, однако личность ваша мне знакомая. Вы в сметном отделе Александровского РСУ случаем не работали? Какими судьбами на этом судне оказались – по надобности или для потехи?

Екатерина отмахнулась:

– Вы ошиблись, я не из этих краёв.

Шустряк не унимался:

– Да ладно, мы люди простые, но с понятием. У нас и винца вам найдётся.

Прошу к нашему шалашу, и попутчика вашего возьмём до кучи.

Планка Гришиной брезгливости поднялась:

– Ты, понятливый, пшёл вон в свой шалаш, а то воды в Каргаске вовсе не дождутся.

Мужик сообразил, что не в струю попал и пора отступать, тем более, причина появилась – его напарник пытается водку налить прежним способом, не вынимая бутылку из пакета, но у него уже плохо получается – стакан вдруг узким стал. Говорун поднял руку, как бы прощаясь, и передвинулся на подмогу к приятелю, который уже кричал:

– Генка, иди сюда!

Хлопнул неумеху по плечу и выдал:

– Ты чё орёшь, Венка, я здесь.

Гриша опять скрючился от смеха. Трудяга буксир привычно толкал баржу против течения, и серовато-коричневые волны раздвигались её ржавыми боками. Кроме речных чаек другая живность отсюда была недоступна глазам, но и эта природная кроха разнообразила впечатления посреди просторной водной дороги. Обстановка служила неповторимой декорацией для диалога заинтересовавшихся друг друга персонажей никем не написанной пьесы. Финал безнадежен – судьбам героев объединиться не суждено. Ей предстоит скоро стать женой зрелого коммерсанта, ему предназначено выяснять взаимосвязь подземных вод с нефтяными залежами среднего Приобья. Их дороги пересеклись случайно. Нужно лишь вовремя опомниться, хотя бы ей, увлечённой таким неожиданным сюжетом.

Знакомство Гриши с театром произошло в школе, когда энергичная классная руководительница вывела подростков на спектакль «Из племени кедра», довольно громко прозвучавший в то время в местной культурной жизни. Гришу веселили незамысловатые выходки Юганы (Непорожневой), а после, побывав почти на всех постановках Томского драмтеатра, отслужив в армии, будучи студентом, он остолбенел от своего нового открытия. После занятий увидел эту актрису в своей квартире, мило беседующую с его мамой за бутылкой «каберне». Они праздновали избавление из лифтового плена, в котором вместе проторчали пару часов.

Оказывается, Непорожнева жила с ними в одном подъезде каштаковской девятиэтажки. Для него тогда было непредставимо, как это она войдёт в своё жилище, наденет домашние тапочки и станет готовить вечерний супчик на электроплите. В его мозгах произошёл сдвиг, впрочем, так не завершённый. Сильно это никогда не заботило, и маячило лишь маленьким эпизодом в замысловатом сценарии отношений с людьми.

Сегодня рассудок попал в раздвоение. Дорожил случаем, позволившим общаться с натуральной актрисой, рассказывать о своих делах и ощущать её симпатию. Сознавал, что Катерина для него всё-таки женщина, но превознёс её на некий пьедестал, к которому, благодаря фортуне, он теперь доступ имеет. Память удачно выбирала темы, как ему казалось, интересные её изысканному уму. И впрямь, очень занятным для неё стал Гришин рассказ о недавней жизни во Вьетнаме, где он сподобился стать соучастником открытия нефтяных шельфовых месторождений. О бананах над головой и шустрых крабах в горячем песке под ногами всё же слышать любопытнее, чем о тракторах, утопленных в васюганских болотах.

С особым интересом расспрашивала о натурах вьетнамцев, в которых до сих пор живёт дружеская благодарность русским за то, что они спасли их от американской бойни семидесятых. Гриша, смеясь, вспомнил случай, как в кафешке с недоумением слушал виноватую речь молоденькой официантки, когда она положила перед ним несколько денежек-донге. Еле понял, что, оказывается, вчера она ошиблась со сдачей, а сегодня, узнав, что перед ней русский парень, исправляет свою ошибку. Ему самому было дико неудобно, что стал причиной таких переживаний местной красотки, тем более, что не признавал себя причастным к тем давним событиям, ставшим уже историей.

Так, за разговорами, не заметили наступающего вечера. Свет летнего дня угасал, неторопливо переходя из отчаянно оранжевого на закате в успокоенно белёсый над головами. Когда миновали крыши Вертикоса, еле проглядывающие сквозь потемневшую лесную зелень на правом берегу, на палубе заиграла гитара, почти как гармошка на том давнем енисейском пароходе 15 лет назад. Парень в полевых шароварах и в домашней майке, наигрывая сам себе, запел песенки времён застойного социализма, ставшие почти что народными.

Вокруг ящика, на котором сидел гитарист, сгрудилась кучка любителей речной самодеятельности, и по кругу загуляли кружки и стаканы с водкой и портвейном, сближающим желающих примкнуть. Вскоре поехали за туманом, потом отчалили в Бразилию из Ливерпульской гавани, откуда, как известно, по четвергам суда уходят в плаванье к далёким берегам. Те, кто не знал этого расписания и местонахождения перекатов, которых пока нет на карте, азартно хлопали себя по коленкам, обеспечивая нужный ритм. Музыкант знал, что надо такой публике, и, вдохновлённый очередным стаканом, не скатывался в блатной репертуар, тем более что его «кондиция» ещё не наступила.

Григорий и Екатерина примкнули к сборищу и, поначалу вовсе не намереваясь, скоро подпевали «Надежды маленький оркестрик», хотя водки из общей кружки в себя и не влили. Никто шибко не настаивал – хозяин барин. Некоторые попутчики были знакомы между собой, но в основном вокруг музыкального ящика сгрудились люди случайные, услышавшие сейчас то, что с юности помогало им увидеть за глухим обшарпанным забором неведомые края. Когда оранжевые закатные всполохи совсем унялись и в наступившей темноте путь баржи осветился мощным прожектором, а палубный быт фонарями, концерт закончился, тем более, что музыкант всё же дошёл до «кондиции» и, гулко хлопнув по телу гитары, объявил:

– Однако хорош на сёдняя, бум здравы, бояре, до утра.

Первое действие заканчивалось, и они перед антрактом ненадолго устроились на прежнем месте. Катерина увлеклась таким сюжетом и входила в роль Ларисы Огудаловой из «Бесприданницы», а эдакую героиню ей не доводилось прежде играть. Григорий даже услышал её странно-протяжный шёпот, словно она разговаривала сама с собой стихами, а это был романс из фильма Михалкова. Впрочем, наяву всё было наоборот: где-то в городе маячил полужених – местный Паратов, ставший отвергнутым Карандышевым. Здесь её бок грел чудной, близкий по мыслям и чувствам попутчик. Из ревности обиженный Паратов-Карандышев её точно не убьёт.

Пришла пора устройства ночёвки. Екатерина отправилась в купейный ва-

гон, а Григорий на корму, где, как и было задумано, раскатал коврик-подстилку, приспособил под голову рюкзак и залез в спальный мешок. Не смог заснуть от периодического оглушительного грохота железной двери в близком туалете. Не предусмотрел такого жуткого эффекта благоустроенности. Долго маялся, и наконец решил сменить место дислокации. Выглянув наружу, увидел рядом женщину, сидящую на каком-то поддоне, обхватившую свои колени и уткнувшуюся в них подбородком. Это была Екатерина, одетая теперь в спортивный костюм.

– Вот это сюрприз. А я думал, вы спокойным сном наслаждаетесь в своём цивилизованном купе. Что-то случилось?

– Ничего особенного. Просто моё место занятым оказалось, а как разбираться, я не знаю.

Он полностью выбрался из спальника. Сказал ей то, чему научил опыт кочевой жизни:

– Думаю, что сейчас, в полночь, навряд ли что получится – разборки до утра могут затянуться. У меня есть предложение: идём на наше обсиженное место на носу. Здесь сна не выйдет, я не всё предусмотрел.

В сей же момент подтверждающе грохнула сортирная дверь.

– Вот и звуковой эффект постановки.

Он мгновенно собрал свои пожитки, взял её за руку и повёл на новое ночлежное место. Люди под ногами не спали – те, у которых не получилось в вагоне, устроились в своих машинах. Штабель оказался свободным. Григорий вновь разостлал спальный мешок на коврике и как мог элегантно подал руку даме:

– Прошу вас, сударыня, в опочивальню, окажите честь старому бродяге, примите моё скромное предложение.

– А как же вы, Григорий? Впереди целая ночь на этой тарыхтелке.

– Ах, не стоит ваших беспокойств, для меня просто награда рядышком полёживать. Завернусь в свой брезентовый плащик и если устроюсь как следует, то с постамента не свалюсь.

Он и не заметил, как его слова приобрели некий романтический оттенок, очень подходящий для этого места. Небо было чистым, и Екатерина очаровалась звёздной бездной. Заиграла музыка-мечта: вот бы уплыть под этими светилами в другую, сказочную жизнь, где все любят друг друга бескорыстно, а не желают получить какое-то вознаграждение. Плотское, материальное, умственное. Она тоже ждёт от своего жениха некую заступу и обеспеченность, чтобы не заботиться об удобном жилье и нарядных одежках. Наверное, так и должно быть. У людей только детская и родительская любовь настоящая. Холодный встречный ветер заставил её полностью спрятаться в непривычную ночлежную нору, и скоро, согрившись своим дыханием, она заснула. Григорий, подстелив под себя одну полу плаща, другой укрывшись, пристроил голову на руку и лежал рядом в зыбкой полудрёме, довольный тем, что стальной гром с кормы сюда не доносится. Ночи в ту пору были короткими, и под утро он отключился, без сновидений и планов на будущий день. Наступил антракт.

В отличие от Гриши, она сразу погрузилась в сон, где привиделась себе Гришиной сподвижницей в его таёжных блужданиях. Из-за разгильдяйского

отношения мужика к полевому быту устроила ему заботливый выговор, а он и не обратил на это никакого внимания. На этом поучительном аккорде проснулась, выпростала голову на воздух и улыбнулась сну. Вот и слушник рядом полёживается, на расстоянии вытянутой руки, и нисколько не обижен на её придирки. Конец антракта, начиналось действие второе.

2

Скоро младенческое утро набрало силу, и всё речное пространство заполнилось золотистым ликующим светом. Григорий ощутил эти превращения сквозь прижмуренные веки и открыл глаза. Первое, что он увидел в этом мире, было лицо Екатерины, и это стало продолжением вчерашнего карнавала. С утренними делами быстро управились, по очереди поливая друг друга из бутылки, извлечённой им из бездонного рюкзака. После подставляли лица на просушку объявившемуся солнцу. День наполнился занятыми обоим странникам разговорами. Она посвятила геолога в хитросплетения закулисной жизни, ему до сих пор неведомые, он рассказал, сколько смог, о нравах и судьбах людей, деливших с ним кров и дороги на Томских и Тюменских северах.

Всё это обернулось настоящими монологами, и, увлёкшись, Григорий чуть не забыл о необходимости позвонить со своего мобильного на каргасокский автовокзал. Сделал это полезное дело, узнав там, что уехать в Томск они смогут только завтра утром на микроавтобусе. Пришлось дозваниваться до каргасокского друга – однокурсника Серёги, и договариваться о ночёвке на две койки. Иначе Екатерине пришлось бы болтаться по вечернему райцентру в поисках подходящей гостинички. Серёга жил неподалёку от речвокзала и встретил их на рабочем «уазике». Такие машины здесь часто бывали в личном пользовании. Всё определилось как по удачному сценарию. Екатерина была представлена как случайная спутница без подробностей биографии, чем и оказалась довольна, тем более, что свободная койка в доме имелась в единственном числе, и раскладушка для Григория тоже нашлась. Серёгина жена Татьяна устроила барский ужин с размороженной брусникой, замороженной стерлядкой и объявившейся как положено водкой.

Покушали, выпили, друзья обсудили последние новости с нефтегазового фронта, детали нынешней жизни некоторых общих друзей и знакомых. Татьяна устроила Екатерину в комнату с ожидающей кроватью, а Григорий завалился на раскладушку в коридоре. Вставать рано пришлось, чтобы успеть на микроавтобус. Серёга доставил их на автовокзал, спутники вылезли из его машины и, двигаясь к месту посадки, не задумываясь сцепились руками, чтобы недолгий путь до открытой дверцы «газели» пройти приплясывающим шагом. Серёга изумлённо глянул вослед танцующей парочке и укатил по своим делам. Праздничная музыка, неслышная другим, унесла их в сияющие дали, оставив, впрочем, Григорию возможность объявить шофёру, кто они такие и что за дорогу до города уплачено по безналу.

После, трясаясь на колдобинах грунтовки до Парабели, оба молчали и пытались уразуметь, что же это с ними случилось: желание поиграть друг с другом или зарождающееся чувство единения выплеснулось через край какой-то посуды условностей, чего в приличном обществе никак нельзя выделять.

Когда выехали на бетонку и появилась возможность говорить без встрясок, первым подал голос Григорий:

– Сроду не знал, что к бальным танцам способен, вот только названия не знаю, чего это мы утром в Каргаске исполнили.

Екатерина, сама сомневаясь, объяснила:

– Думаю, что больше на мазурку похоже. Она появилась в эпоху барокко.

– Значит, пусть так и будет – каргасокская мазурка. Хорошо, что не краковяк.

Деревья, обступившие дорогу, теперь не казались дальней тёмной стеной, видневшейся с середины Оби. Прямые стволы сосен важно держали своё хвойное убранство, а между ними беспечно кудрявились редкие берёзки и осинки. Лес, освещённый лишь с дороги, дальше, внутри, казался живущим своей неведомой, дремучей жизнью, от мшистых кочек в еловых зарослях до сосновых вершин, с мелькающими над ними грачами. Эти картины оживляли взгляд, но скоро бесцельная наблюдательность усыпила Гришу. Сказались предыдущие полубессонные ночи.

В его сонном воображении машина, в которой они ехали, миновала Томск и полетела дальше на юг над облаками. Над широкими ржаными полями Кузбасса с пологими чёрными холмами угольных отвалов по краям, над невысокими алтайскими горами с редко белеющим снежным убранством. Потом их встретили скучные серые степи Монголии, и вот они восхитились изумрудностью тропических джунглей и оказались на песчаном берегу ожидающего их тёплого океана. Машина исчезла, и они с Катей побежали по горячему песку и окунулись в зелёные волны. Здесь он и проснулся, ощущая, как должное, Катину лёгкую головку на своём плече. Сидел, не двигаясь, чтобы её не потревожить. Она вдруг вздрогнула и приподняла голову. Улыбнулась сама себе и для Гриши.

– Надо же, сроду не думала, что смогу спать в таких условиях. Значит, душа моя в покое. Почти. Мне снилось, будто я гуляю по таёжным дебрям, как по своему саду, и даже мошка не заедает, потому что своим существом признаёт. Такое может быть в жизни?

– Конечно, может, если желание сильное. А в моём сне мы с тобой улетели на берег Индийского океана и плавали в нём. Я верю, что это правда, только пока не состоявшаяся, но так обязательно будет.

Незаметно и естественно они перешли на «ты» и стали друг для друга Катей и Гришей, не обременяя себя объяснениями. Он накрыл её руку своей ладонью и выдохнул:

– Вот и снами между собой делимся. Я прежде считал, что такое возможно только между очень близкими людьми.

Дальше они молчали, потому что слов не находилось, все они стали мелкими и незначительными.

Через несколько часов вылезли на городской привокзальной площади, и Григорий увёз спутницу на такси по указанному ей адресу, где она снимала квартиру на пару с подругой – такой же молодой и многообещающей актрисой. Кому и чего они обещали, никто толком не знал, но все окружающие в это верили и вроде чего-то от них ожидали. В гости не навязывался и уехал в

родительское жилище, где сам нашёл приют после неудавшейся попытки заиметь семейство. Так и получалось: дома родимая мама накормит, в поле общепит или собственные руки.

3

Через день Екатерина играла роль лукавой служанки Смеральдины в «Слуге двух господ», и когда актёры вышли попрощаться с публикой, она к ним примкнула, что вообще-то редко случалось. Глянула в зал, где недолгие аплодисменты почти унялись, а вот и славная неожиданность – по центральному проходу знакомой походкой с носками вразлёт шёл к сцене Гриша с букетом. Чтобы цветы оказались именно в её руках, он взбежал по боковым ступенькам, и преподнёс ей с поклоном. Услышала его голос, ставший привычным:

– Буду ждать у главного входа.

Быстро переодевшись, выскочила в фойе, и сразу шаг укоротила перед фигурой ожидающего полужениха Борюсика – так она стала называть про себя этого человека. За стеклянными дверями, на улице, виднелся Гриша. Вот так быстро пришло время разборок. Чем скорее, тем лучше. Иначе всё будет как в недавние времена: Борюсик галантно посадит её в машину и повезёт через мост в свой особняк. Весь вечер и всю ночь она будет изображать женщину, пребывающую в восторге от исключительных благ и удобств, оказавшихся в её распоряжении. Это и заморская ванна с разными непонятными прибабахами, и царская постель, в которой любящий Борюсик по-хозяйски непременно рядом устроится. Потом Катерина чутко проснётся от его шаркающих тапок, когда он будет осторожно пробираться на балкон для ночного перекура. Думать об этом стало противно.

Улыбнулась обходительно, насколько получилось:

– Борис, будь разумным и терпеливым. Не получится у нас с тобой совместной жизни. Я заставляла себя терпеть, но чувства так и не получилось. Не могу сущность свою под тебя переделать. Прости, если что не так.

Не ожидая ответа, вскинула подбородок и быстрым шагом вышла на улицу. Борюсик тупо смотрел на афишу с июльским репертуаром и обдумывал, что же он сейчас услышал. Ведь всё так удачно складывалось – ни у кого в его торговой среде не просматривалось подружки жизни актрисы. Сплошняком юристки и менеджерки, а он умудрился достичь другого уровня. Глянул вослед почти невесте и увидел, как она, взяв за руку какого-то мужчину, удаляется с ним в сторону набережной. До него наконец-то дошло, что его сейчас направили на просёлочную дорогу, а он привык по магистральным трассам гонять. Надо выяснять, кто тут виноват, иначе какой же он мужик будет!

Гриша, зная не зная о состоявшемся судьбоносном разговоре, повёл Катю на площадку, где играл воскресный оркестрик, состоящий из трудно совместимых инструментов: пианино, флейты и тромбона. У ребят, однако, получались лихие композиции неизвестных авторов, а может, и собственного сочинения. Солнце собиралось уходить, и музыканты заканчивали свой разудалый концерт. Уже и брезент приготовили для укрытия на ночь раздолбанного и терпеливого инструмента. Гриша сказку продлил – положил в картонную коробку купюру и попросил:

– Будьте любезны, милостивые государи, сыграйте, для нас с дамой «Вальс цветов» Штрауса. Всю жизнь мечтал это услышать именно в вашем феерическом исполнении.

Пианист с достоинством кивнул, и волшебные звуки полетели над рекой, превращая асфальтовый тротуар и бетонные откосы набережной в сияющее убранство венской оперетты позапрошлого века. Гриша склонил голову перед своей барышней:

– Прошу вас, мадам, разделить со мной эту музыкальную сказку.

Они закружились, поначалу робко, потом увлеклись и полетели, не замечая фигур прохожих, изумлённо сторонившихся по газонам, а когда сказка кончилась, Григорий поцеловал ей руку, и они, не оглядываясь по сторонам, улыбаясь друг другу, побрели к автобусной остановке. В этот раз он привёл её к себе домой для знакомства со скромным городским бытом одинокого мужчины. Родители уехали на дачу, младшая сестра давно строила отдельную семейную жизнь, и они наконец-то оказались в уютной обособленности. Пока Гриша на кухне звенел посудой, она с интересом разглядывала в его комнате ряды книжных корешков вперемешку с непонятными каменюками, видать, имеющими какой-то смысл для хозяина.

Пужинали разогретыми мамиными кушаньями, попили чай с праздничным тортом, приготовленным Гришей заранее. Он вдруг заговорил на тему, кажущуюся странной.

– Катя, ты, наверное, удивлена, что я приглашаю даму и обхожусь без шампанского или других красивых бутылок, которых сейчас полно в любом магазине.

Она хотела возразить, но, вспомнив, что ни одно её посещение особняка Борюсика не обходилось без этого ритуала, промолчала.

Гриша продолжил:

– У меня свои отношения со спиртным. Считаю, что алкоголь создан человеками конкретно для опьянения, и всякие разговоры про вкус и аромат – это чепуха, лишь бы себя оправдать, либо покупателей привлечь. По настроению, в соответствующей обстановке могу напиться, но я знаю, на что иду. Я за свою жизнь достаточно повидал людей, доведённых спиртным до животного состояния или до смерти. Профессия у меня такая – подобные персонажи всегда где-то рядом. И жутко, и жалко. А болтовня про изысканные вкусы вина – всё ерунда. Наше настроение в наших руках, и незачем искать его через одурение.

Немного помолчал, оценивая свой монолог, и легко засмеялся.

– Вот, оказывается, каким положительным типом я нарисовался. Это нечаянно. Просто внутри где-то мешалось, готовилось, а вот и выплеснулось перед понимающей женщиной.

Как-то вышло само собой, что Катя осталась у него ночевать. Гриша в своей комнате разложил диван и долго возился, укрывая его свежим постельным бельём. Наблюдала за его вознёй, сидя на стуле у окна, и вдруг подумала, что здесь вышла бы занятая сценка для какого-нибудь спектакля. Сам улёгся на полу, вытащив запасной матрац из кладовки. Это всё-таки не штабель досок на барже. Она участливо слушала его ворочанья, и неожиданно для себя прошептала умирающим голосом:

– Иди ко мне.

Он сел на край дивана, и его рука, как положено, встретилась с её ладонью, локтем, плечом, ожидавших такого робкого дуновения ветерка, обернувшегося тайфуном. Они предчувствовали, что буря грянет, но мысленно себя обрывали, оберегаясь от разочарований, и вот, в толчках сердец, в едином пульсе, гнавшем кровь по ставшему общим телу, пришёл миг полной нежной обособленности от мира двух дыханий, двух созданий, ставших цельной плотью.

Следующий день прожили поврозь, думая о скорой и теперь неизбежной встрече. Поздним вечером он подходил к своему подъезду, жалеючи, что канитель по новым сборам в тундру закрыла от него Катю. В руке держал картофельный мешок с болтающейся там увесистой полтораметровой штангой для болотных зондировок. В одной, пока ещё живой мастерской, приятель выручил – новую резьбу нарезал для шнека. Увидал, как от машины, стоящей неподалёку, наперерез ему деловым шагом двигаются три человека. Тот, что был посередине, ростом поменьше сопровождающих, вдруг громко объявил:

– Эй, танцор, ну-ка погоди, разговор будет.

Он почуял какую-то досадную нескладуху, повернулся к ним, поставив у ног вертикально свою ношу. Средний человек продолжил:

– Ты, однако, с чужой бабой мастак хороводиться, так мы тебе щас пообломаем кое-чего, и самого укоротим.

Боковые бойцы шагнули вперёд, Григорий выдернул из мешка штангу с прикрученным шилом-сверлом. Разборка тормознулась. Братки повернули головы к заказчику, и один деловито спросил:

– Ну и чё, Боря? Мы так не договаривались.

Борюсик, немного подумав, выдал резюме:

– Ладно, пока поехали. С этим шустряком я потом разберусь.

Дверцы в чёрном «форде» аккуратно пощёлкали, и Григорий получил возможность самостоятельно войти в подъезд, без переломов конечностей и соответственно без помощи случайных прохожих. Приключения не состоялось.

Утром он привёз Катерину к своим родителям, застрявшим на дачных грядках, и представил своей невестой. Мать, отмывая руки во дворе после огорода, так и застыла рядом с рукомойником. Отец, поднявшись со скамейки, стоял с дымящейся папиросой, решая, чего ему теперь делать: докурить спокойно или показать какие-то родительские чувства. Катя, соответственно своему новому положению, вела себя застенчиво. Когда знакомство состоялось, мать поинтересовалась, чем она по жизни занимается, и, узнав, как могла недолго и непрочно скрывала свою озабоченность выбором сына. Катя сидела на веранде за столом с кружкой чая и чашкой черничного варенья, а родители, находя какие-то нужные поводы, выводили Гришу в дальние уголки для вразумления. Мама, затолкав его в теплицу, откуда точно ничего слышать не будет, выговаривала:

– Ой, сынок, ты чё, совсем одурел? Не можешь себе путёвой бабёнки найти? Да какой нормальный мужик станет на актриске жениться! Для них замуж спрыгать, как для нас в театр иной раз выбраться. Вроде бы и событие, да не Бог весть какое... А может, ещё чаще. Ой-ёй, ну и заботу ты нам подкинул на старости лет...

Гриша вздыхал, приобнимал маму, неуклюже, непривычно поглаживал по спине и сбивчиво, как нашаливший подросток, оправдывался:

– Да не горюй ты, у нас всё по-хорошему будет. У нас любовь бескорыстная, мы хотим друг о друге заботиться как супруги, а не играть в друга-подругу.

У мамы, видать много ещё слов осталось для непутёвого сынка, да она шмыгнула носом и махнула ладошкой. После совместного чаепития с натужными, незначительными фразами мама опять отправилась в огород, и Катя присоединилась к ней – полоть грядки с морковкой, словно оправдываясь за свою театральную жизнь. Гриша с отцом влезли на кровлю крытого двора заделывать какие-то щели, и отец вдруг шёпотом спросил:

– Ты мне честно скажи, Катенька беременна?

Смущённый Гриша забыл, куда вилку электродрели втыкать.

– Ты чё, пап, у нас всё как положено, я без вашего позволения такие вольности себе не позволю.

Отец засмеялся.

– Ну надо же, мужику под сорок, а он всё послушного пацана из себя корчит. Когда с Валькой сходил, никакого позволения у нас не спрашивал. Ладно, ваше дело молодое, вольному воля. Лишь бы путёвая семья получилась и внуками нас с матерью наконец-то порадовали.

Сын скромно улыбнулся.

– Здесь можешь не сомневаться, не подведём – будет тебе продолжение рода.

На этом сомнения и наставления вроде кончились. А может, ненадолго приостановились. Ползая по крыше, Гриша с удивлением наблюдал, как его невеста орудует граблями, сгребая вырванные сорняки в кучи, и вилами выкидывает их через изгородь в канаву. Хитрого здесь, конечно, ничего нет – наверное, в детстве на своём огороде упражнялась. До него дошло, что ничего не знает о прошлом Кати, и здесь открывается целое познавательное поле. Ночевать не остались, и последним автобусом уехали в город.

Утром, сидя у кухонного стола во вьетнамском шёлковом халате на голое тело, пил кофе, тоже из тех краёв, приготовленное Катей, любовался, как она моет кофеварку, одетая в его рубашку. Думал, как бы приучить себя не заботиться о грядущем, ощущая радость мгновения. Пока не получалось. Беспокойные мысли об устройстве их совершенно разных жизней эту радость оттесняли. Скоро ему придётся топтать ханты-мансийскую тундру, а ей прыгать по сцене в колготках, изображая служанок и подруг героинь. Задача для резвых мозгов и в сегодняшнем уюте, и в завтрашней дороге. Придётся опять объявлять антракт, и третье действие эдакого занимательного спектакля.

Сергей Яковлев

МОЛОКО С ПЕНКОЙ

В избяных окнах Черемшанки тихо и рыжеватого загустевало отражение закатного пламени. Дворы понемногу начали наполняться вечерней тенью раннего лета, третьего с начала войны. Ещё чернее стала и без того тёмная от старости изба Клепиковых, занимавшая место в середине деревни. На задворках избы, под глухой ряской, остывал в безветренной прохладе небольшой прудик. От него тошнотворно разлило тиной, вода годилась только для полива огорода. Там хрипло пробовали свои голоса очнувшиеся после долгой сибирской зимы лягушки.

На невысокое, в три ворчливых ступеньки крыльцо шагнула из сеней, чтобы взглянуть за калитку, живая и смуглая, с украинскими чертами лица хозяйка: где-то запропастилась и не пришла на дойку корова Катька. Возвратившись на кухню, Антонина Васильевна плеснула на дно подойника кружку кипячёной воды и уже с порога наказала дочерям:

– Дождитесь меня... Пойду, погляжу на лугах, поди, там она. Ты, Вера, давай-ка печь растопи...

Обе девочки уныло пообещали не спать, и дверь за матерью затворилась.

Восьмилетняя Поинка тут же выставила на край кухонного стола, за которым давно ждала молока, худенькие, в насечках царапин локти, поудобней устроила на раскрытых ладошках голову и, осторожно покосившись в сторону сестры, прикрыла слипающиеся веки. Вера уже хлопотала у русской печи. Она на четыре года старше и оттого часто, когда они оставались вдвоём, давала себе волю строжиться пуще самой матери. Попробуй усни при ней, если нет на то позволения. Только вот так, украдкой.

Смолисто запахло берестяным дымком, разгорающееся пламя, торопясь, обернуло огненными струями каждое полено, избяную тишину весело прострелило хрустким потрескиванием. Послушаешь такую музыку две-три минуты – и вся накопившаяся за день усталость окончательно переходит в зыбку, отнимающую последние силы дрёму. Поинка снова подняла голову. Широко распахнув успевшие подёрнуться сонной дымкой глаза, искала ими Веру. Нет, кажется, не замечает...

Вера свежим пихтовым веником мела единственную в избе, если не считать кухонки, комнату. Здесь было два окна, и оба они выходили в узенький палисадник, обнесённый высоким некрашеным штакетником. В палисаднике две черёмухи, близко стоящие друг к дружке, белели остатками давно распустившихся кистей. Они тоже были сёстры. Так любил называть их отец, посадивший сначала одну, когда родилась Вера, а потом и вторую, в честь младшей дочери. Смотреть на белоснежное цветенье за окнами всегда было и радостно, и горько. Отец незадолго до войны умер. Старшая, Вера, хорошо помнила ту слякотную страшную осень, в которую отца не успели довести с лопнувшим

аппендицитом до городской больницы. Путь был неблизкий, дороги ужасно тогда развезло.

Девочка отвела потускневший взгляд от окна и, побыстрее закончив уборку, поспешила на кухню – проверить печь. Полинка к этому времени уснула так крепко, что ни строгий Верин окрик, ни рука её, несколько раз тряхнувшая сестру за плечико, ничего уже сделать не смогли. Глаза, едва приоткрывшись, смыкались ещё плотней. Тоньше и мелодичней возобновилось на миг прекратившееся посвистывание носиком. Вера отступилась и, окончательно сжалившись, отвела уснувшую сестрёнку в комнату, заботливо уложила на кровать.

Почти весь день Полинка просидела на корточках в огороде, у морковных грядок. Полола она медленно, но зато старательно, чисто-чисто, выщипывала всё до самой малой травиночки. Мать хвалила её за это и, случалось, ставила в пример даже Вере. Пекло безоблачное июньское солнце, устали и ноги, и шея, а пальцы ныли от глубоко вьёвшейся под ногти земли. Всё это отозвалось теперь в привидевшемся ей сне. Был он и странным, и всё же очень похожим на то, что осталось в памяти от прошедшего дня...

Допальвает будто Полинка последнюю грядку. Остался небольшой на краю уголок. Один за другим расстаются с землёй сорные ростки лебеды, пырея, полыни. Полинка справляется с ними быстро и с победным облегчением осматривает доведённую почти до конца работу. Но что это? Как она раньше не заметила, не пригляделась? Морковная ботва на последнем рядочке – вовсе не ботва. Вместо знакомых метёлочек молодой зелени там торчат из земли скрученные бумажные хвостики точно такого же цвета. Она, обмирая от любопытства, тянет за один из них и выдёргивает... конфету... Осторожно развёрнут зелёный фантик, и перед глазами – сияющая розовым перламутром карамелька! Во рту она исчезла с быстротой тающей снежинки. А растаяв, наполнила его такой ароматной сладостью, что Полинка следом отправила туда сразу три конфеты, одну за другой... И ничто не могло помешать удивительному сну: ни голос возвратившейся матери, ни жестяной грохот печной заслонки, которую уронила на пол Вера, ни аппетитно зашумевшая струя парного молока, льющаяся через марлевую цедилку.

Было уже поздно. Антонина Васильевна запалила на кухне лучину, разгребла на обе стороны русской печи звонко-красные угли и, поставив туда три фарфоровых чашки с молоком, прикрыла печь заслонкой. Так в семье Клепиковых теперь делалось почти каждый вечер: перед сном выпивали по кружке топлёного молока с золотисто-жирной пенкой. Больше и самим не было – всё сдавали для фронта. Свежая картошка будет не скоро, овощи только-только пустили ботву. В эту, самую голодную для бесхлебной деревни военного времени пору, корова становилась единственной спасительницей. На Катьку жаловаться не приходилось. Доилась она хорошо, была умницей и любимицей.

Меньше установленной нормы ни разу по заготовкам в колхоз не сдавали. Корову берегли и жалели, и в пору весенней пахоты рука не поднималась накинуть на неё верёвочную упряжь. Впрягались в плуг сами. Когда по решению правления Антонина Васильевна привела Катьку на колхозную пашню, свободолюбивая корова улучила-таки момент и, дико взмыкнув, вырвалась на волю. Хозяйка с видимой строгостью прокричала ей несколько раз вслед,

но, увидев, что та уже добежала до ближайшего осинника, шепнула сама себе: «Ну и с богом...».

В кухне вдруг совсем потемнело. Засветили новую лучину. Выставили на стол дымно-горячие чашки готового молока.

– Полинку будить? – тут же спросила у матери Вера.

– погоди, обожжётся спросонок, – предостерегла Антонина Васильевна и поставила Полинкино молоко студить на подоконник, рядом с такой же чашкой, где отмокала в тёплой воде марлевая цедилка.

Управившись со своим паем, Вера пошла будить сестрёнку. На этот раз её удалось растолкать. А Полинке так не хотелось просыпаться. На чудесной грядке оставалось ещё несколько конфетных хвостиков. Когда она, полусонная, подошла к окошку, во рту было всё так же ароматно-сладко. Молоко от этого показалось каким-то невкусным, а пенка слишком жёсткой. Пересилив себя, Поинка всё же допила его и только пенку оставила в покое, почувствовав, что её не прожуёшь. Когда же вернулась в постель, перед глазами вновь замерцали-поплыли зелёные манящие фантики...

Утром её разбудило нестерпимо разгоревшееся ощущение голода. Она скоро поняла, что нет никаких конфет, что всё это ей лишь приснилось. Рядом заворочалась Вера, открыла глаза. Увидев, что сестрёнка уже не спит, она шустро встрепенулась, хитро заулыбалась и, пересиливая подступающий смех, успела спросить:

– Ты молоко-то вчера пила?

– Пила-а-а... – заподозрив что-то неладное робко протянула Поинка.

– С пенкой? – выдавила из себя совсем уже заливающаяся смехом Вера.

– С пе-е-енкой... – ещё тише и боязливее прозвучал ответ.

Больше Вера спрашивать не могла – хохот не давал произнести ей ни слова. Поинка, окончательно сбита с толку, закатилась, наконец, громким рёвом.

Антонина Васильевна, не показываясь из кухни, прикрикнула на старшую:

– Да ну хватит тебе там над девчонкой измываться!

И тут же прибавила:

– Беги-ка, Полина, сюда быстреей...

Девочка соскочила с кровати, прошла босиком на кухню. Тоже сдерживая улыбку, мать подтолкнула её к столу, на котором стояла чашка топлёного молока, перепутанная вчера с той, где была замочена марля. С помощью матери Поинка вспомнила, кажется, всё вчерашнее. Ей и самой теперь стало немножко смешно.

Александр Каштанов

«РАЗОБЛАЧЕНИЕ»

Я не виделся и не разговаривал с ней несколько недель, а может быть, месяцев. В тот день мы случайно (случайно ли?) встретились в кафе, где раньше часто бывали вместе. Я предложил выпить вина, она согласилась. Через пару часов я настоял на том, чтобы вместе поехать в ближайший отель. Она сдержала своё слово: это была последняя наша встреча. Наверное, поэтому я запомнил разговор дословно.

– Ты был здесь с кем-нибудь раньше?

– Какая разница?

– Большая разница.

– Я здесь первый раз.

– Врёшь! Ты всегда врёшь!

– Зачем же ты со мной поехала, если я всегда вру?

– Для того, чтобы убедиться, что ты такой же, как все.

– Мы же расстались! Вернее, ты сказала, что нам нужно расстаться. Тогда к чему это всё?

– Ты очень настойчиво звал меня поехать в отель!

– Я всего лишь предложил, ты могла отказаться.

– Я поехала, чтобы развеять миф о тебе.

– Какой ещё миф?

– Миф, что ты – лучший из мужчин. Я так долгое время искренне считала.

– А сейчас уже так не считаешь?

– Сейчас ты перспишь со мной, с пьяной. Некрасиво и грубо. Утром у меня будет болеть голова. Возникнет чувство вины. Я буду жалеть, что так поступила: согласилась поехать с тобой. И после всего этого я перестану тебя считать идеальным мужчиной.

– Почему?

– Потому что ты воспользуешься моей слабостью, не проявишь благородство. То есть будешь как все. Как все другие мужчины. Что и следовало доказать. Я тебя разоблачу.

– А раньше я был каким?

– Раньше ты был необыкновенным. Я думала, что у тебя нет недостатков. Ты был умён, внимателен. Ты был чувствителен и нежен. Ты был мужественным.

– Если я был действительно таким, как ты говоришь, зачем ты со мной порвала?

– Помнишь, как это было? Помнишь тот вечер, когда я всё узнала про тебя? Я присела перед тобой на колени, взяла тебя за руку и сказала: «Я не собираюсь облегчать тебе жизнь». Я не говорила, что со мной будет легко.

– А я тебе говорил, что со мной будет интересно.

– Я это помню. Мы были с тобой вдвоём, ты наклонился ко мне близко-близко, прошептал на ушко: «А ты готова быть рядом со мной?». У тебя были жаркие, горячие губы. А потом, тоже шёпотом, добавил: «Всегда?». Моё сердце так стучало в тот момент! Я сказала: «Да, я готова». И ты сказал, что с тобой мне может быть плохо, а может, хорошо, но точно знаешь, что будет интересно.

– Я помню, у меня тогда была высокая температура.

– Ты не сдержал своё слово! Да, с тобой всегда интересно, но я оказалась тебе не нужна навсегда.

– Я не идеален. Я говорил тебе, что, когда человек влюблён, он делает всё, чтобы быть лучше, чем он есть на самом деле. Я тоже тебя идеализировал.

– Пока ты меня идеализировал, я тебя просто любила. Как только может женщина любить мужчину. Я мечтала, что если ты будешь рядом со мной, вместе мы преодолеем все невзгоды, пройдем через все препятствия. И вместе нам никогда не будет страшно.

– Не всё так просто.

– Нет, просто! Помимо слов есть ещё поступки. Но с поступками у тебя оказалось сложнее.

– Ты всё обо мне знаешь. Мы полюбили друг друга не сразу, не вдруг, и, возможно, только потому, что мы очень разные.

– Я говорила маме: «Ты посмотри, посмотри на него, посмотри, какой он! У него нет недостатков! Он такой один на белом свете. Его нельзя не любить!». А какие цветы ты мне дарил! Помнишь, как-то зимой мы шли по улице? Ты остановился и попросил подождать минуту, перешёл через дорогу и скрылся в стеклянном киоске. Через минуту я увидела, как ты выходишь с огромным букетом белых роз. Сколько их было?

– Одиннадцать.

– Ты долго не мог перейти дорогу. Тебе мешал транспорт. Это происходило, как в иностранном кино. Падал хлопьями снег, а ты шёл ко мне с огромным букетом белых роз. Я очень боялась, что тебя собьёт троллейбус.

– Помнишь, как мы поехали к моему другу Косте на Рождество? Они постелили нам матрас на полу рядом с ёлкой. Второй кровати у них не было.

– Ёлка стояла в какой-то кастрюле. Или это было ведро с водой. Мы её постоянно задевали, и она противно гремела. Ты шептал мне той ночью на Рождество: «Ты должна принадлежать только мне!».

– А ты говорила: «Это невозможно!». А помнишь наш первый поцелуй?

– Конечно. Ты взял мою руку. Так нежно! Я сразу испугалась. Ты поцеловал мою ладошку, и ладошка от волнения сразу вспотела, стала мокрой. Я сказала: «Я буду сопротивляться». Но я не устояла.

– Я первый сказал, что я тебя люблю.

– Нет! Нет! Нет! О любви первой сказала я. Ты уже уходил, стоял в прихожей, надел пальто, я подошла к тебе, обняла твою голову и сказала: «Сначала это была интересная игра, но опомнилась я, когда поняла, что влюбилась в тебя по уши». Так и сказала: «По уши». Я не знаю, как надо выразить, если любви очень много.

– Я долго боялся тебе сказать, что я люблю тебя. Я думал, если скажу тебе

это быстро, я могу испортить то, что у нас происходит. И я боялся, что стану беззащитным перед тобой.

– Я помню, в тот вечер ты много выпил, а потом плакал и говорил, что любишь меня. Это была почти истерика.

– Наверное, я не хотел в этом признаваться.

– Помнишь, ты пришёл ко мне с маленькими бутылочками мартини в кармане пальто. Мы пили с тобой мартини прямо в подъезде моего дома. У нас не было рюмок, и мы пили прямо из маленького горлышка.

– Ты сказала, что раньше никогда не пила мартини в подъезде.

– А ты ответил, что я, наверное, ещё много чего не делала в своей жизни, и всё надо попробовать. И мне нужно было уйти, но я осталась.

– Ещё ты часто плакала. А я тебе говорил, что мне нравятся люди жизнерадостные и весёлые.

– После этих слов я сразу разрыдалась.

– Женские слёзы – недорогой товар.

– Не говори так! Или сейчас я тоже заплачу!

– Не надо, я прошу тебя.

– Не бойся, я слишком много выпила, чтобы плакать сегодня. Я поехала с тобой, чтобы переспать с тобой и понять, что ты неидеальный, что ты обычный. И после этого я разлюблю тебя.

– Ты всё ещё любишь меня?

– Я этого не говорила.

– Почему ты захотела, чтобы мы расстались?

– Я думала, что расставаться нам нужно сейчас, пусть даже мы ещё любим друг друга. Что так будет лучше, хотя и больно. И я смогу жить без тебя, смогу найти другого. Пусть другой будет не таким, как ты. Но он тоже сможет мне стать со временем близким. Пусть я не буду любить его так, как тебя, но он всегда будет рядом. И мне будет с ним легко и просто.

– Я всегда считал, что, пока любишь, расставаться нельзя.

– Ты был нужен мне ежедневно, ежечасно, ежесекундно! А тебя не было очень часто рядом. Мне было очень больно. Поэтому я часто плакала.

– Говорят, что любить всегда больно.

– Пожалуйста, не говори фразами из книг! Иногда мне кажется, что всё, что ты говоришь, это не твои слова, а слова из прочитанных тобой книг. В этих книгах всегда плохой конец. А я не люблю, когда что-то плохо заканчивается.

– Тем не менее, ты захотела, чтобы наш роман закончился преждевременно.

– Разве он закончился?

– Я не знаю.

– Наша сегодняшняя встреча скоро закончится. Она будет последней, но роман наш может продолжаться. Помнишь, как в стихах твоего любимого Дилана Томаса: «Они сойдут с ума, оставив разум свой, в пучину погрузятся, чтоб воспрянуть вновь. Любовники погибнут, но не сама любовь». Да, это так: любовники гибнут, но не любовь.

Однажды ты принёс мне одну из своих книг. Я подумала, что ты выбрал

её не случайно. Я считала, что ты приносил книги и просил меня прочесть их, чтобы я находила какой-то тайный смысл, который существует между романом и нашими отношениями. Я проводила параллели между героиней и собой, лихорадочно пыталась увидеть в книжке то, что ждёт нас с тобой.

Если всё заканчивалось трагически, мне становилась страшно. Я боялась, что ты намекаешь мне на то, что нас ждёт похожий финал. И в одной из книг я прочитала фразу и запомнила её. Звучит она так: «Любовь либо долго-долго тает и сходит на нет, либо умирает молодой и навечно остаётся в памяти». Я сначала подумала, что такое мог написать только мужчина, пусть умный известный писатель, но мужчина. Женщина бы придумать такого не смогла. Женщина знает, что любовь никогда не умирает. А потом я приняла вывод этого писателя, смогла его понять и даже решила, что его формулировку стоит применить на практике. Я пыталась тебя забыть. Но это плохо получалось. Я случайно сталкивалась с тобой. Ты продолжал быть моей навязчивой идеей. Я хотела быть с тобой! Но я посчитала, что, если не могу быть с тобой «всегда», мне не нужно и «иногда».

Ты же знаешь, я многое пробовала, чтобы ты принадлежал только мне. Ставила ультиматумы, вела с тобой длинные разговоры. Но ты продолжал делать так, как считал нужным. Ты вставал ночью, поднимался из моей постели и шёл в свою семью, о которой я узнала слишком поздно. А я сворачивалась калачиком и оставалась одна. Я так и лежала с открытыми глазами до утра. Постель ещё пахла тобой, но тебя уже не было. Я обнимала мокрую от слёз подушку и ждала, пока ты мне позвонишь. Больше всего на свете я хотела, чтобы ты остался, но ты уходил. Я на что-то надеялась, мечтала о совместном будущем, как всегда мечтают обычные влюблённые девушки. Но потом поняла, что так может продолжаться вечно. И тогда моя участь – плакать и ждать. Я решила порвать первой, потому что ты на это не был способен. По сути, тебя всё устраивало. Ничего не менять, ничего не терять, не принимать никаких решений. Но как окончательно порвать с тобой? Ты живёшь в этом же городе, ходишь по этим же улицам, бываешь в тех же местах, где бываю я. Моя квартира заставлена твоими игрушечными зайцами, которых ты всегда мне дарил. Они укоризненно смотрят на меня изо всех углов и полок. Может быть, было бы лучше, если бы я никогда не встретила тебя. Ты целуешь меня? Господи, ты такой же, как все! Такой же, как все!

Ефим Гаммер

«ВКУС СМЕРТИ»

Рой Корнер, тщедушный маленький человек с коровьей влажности глазами, увеличенными стёклами очков, сладостно потирал руки. Перед ним на массивном дубовом столе лежала выправленная корректура его новой книги. Рядом почтительно ожидал курьер из типографии.

Автор не мог отказать себе в удовольствии напутствовать шустрого юнца такими словами: «Мой литературный труд, который вы имеете честь доставить издателю Вильяму Кроусби, таит в себе революционное преобразование взгляда на жизнь и на смерть. Он потрясёт умы и романтиков, и рядовых обывателей. Мне необходимо пребывать в уверенности, что книга будет доставлена в типографию в срок».

Рой Корнер был известен в литературных кругах как маньяк, поставивший себе целью уничтожить весь мир. Ввиду слабой научной подготовки он не мог претендовать на роль изобретателя нового смертоносного оружия, и потому решил идти иным путём – воздействовать на человечество словом. В своей первой книге, разошедшейся в миллионных тиражах, он разработал новые способы убийства и рекомендовал читателю гангстерскую практику нападения и уничтожения противника.

Книга «Последнее слово об убийстве» стала пособием для новичков, вступивших на преступную стезю. Ограбления и убийства приняли настолько массовый характер, что вся полиция в стране была поднята на ноги. Сыщикам пришлось срочно переучиваться, на ходу открывать неведомые способы сыска, основанные на рецептах насилия из бестселлера Роя Корнера. А для этого им надо было изучить его литературный труд, что называется, от корки до корки. Но книга уже стала библиографической редкостью. И тогда полицейскому ведомству пришлось заказать издателю Кроусби дополнительный тираж Корнерова «Последнего слова».

Издатель Вильям Кроусби оказался гораздо предусмотрительнее, чем того ожидали полицейские чины. Он окружил Роя Корнера штатом частных агентов и предпринял все возможные меры, чтобы не потерять миллионные доходы от издания и распродажи убийственной книги. И его совершенно не интересовало, как у автора возникла маниакальная идея уничтожения мира.

Рой Корнер не был оригинален: маниакальная идея возникла от уязвленного честолюбия. Двадцать лет жизни он потратил на литературный труд, и каждое новое произведение удостаивалось той же участи, что и предыдущее – его браковали редакторы газет, журналов, а позже и многочисленные издательства. Наконец, измученный донельзя бесплодной борьбой с фортуной, он вскрыл себе вены, в которых всё ещё бились живые пульсики тщеславия. Лишь почуяв пьянящий запах смерти и узрев над собой её оголённую косу рядом с оскаленным в ухмылке черепом, Корнер понял, что не хочет уходить из

жизни в гордом одиночестве. А хочет уйти из жизни в сопровождении всего мира.

Врачи, спасавшие неудачника, и не подозревали, что сами себе подписывают смертный приговор. Рой Корнер приступил к изучению всех известных и скрываемых способов умерщвления человека. И достиг в этом небывалых успехов, что было доказано добавочными тиражами его первой книги. Вкусив сладость славы, обоняя золотой дым, он уже не сомневался, что жизнь – стоящая штука. Но это не изменило его отношения к окружающим. Прошедший через адавы муки близкой кончины, он мечтал заставить агонизировать всех своих почитателей и прихлебателей. А также тех, кто его никогда не читал, несмотря на громкий успех «Последнего слова об убийстве».

Пусть то, что выпало на долю мне, достанется и всем остальным, – решил Рой Корнер. И в своей новой книге «Вкус смерти» он поведал о тщетности бытия, о скучном и никчёмном прозябании в бытовой грязи на катящейся в бездну планете. Сложил гимн избавлению от мук, гимн смерти, облагораживающей и чарующей, сопроводив его практическими рекомендациями.

Когда первый тираж «Вкуса смерти» поступил в книжные магазины, Рой Корнер стал покупать газеты, печатавшие городские происшествия. В них не было ничего особенного – отдельные аварии и несчастные случаи. Потом стали появляться рецензии на его книгу, и все похвальные. Но рецензии уже не интересовали автора. Каждое утро он спешил выйти из дому, надеясь узреть вымершие улицы и площади. Однако по улицам двигались люди, кто в машинах, а кто и пешком. Корнер гневно размышлял о слабости духа всех этих обывателей, с восторгом раскупавших «Вкус смерти», но не затем, чтобы следовать его наставлениям.

– Рой Корнер! – возликовал издатель Кроусби, услышав в трубке знакомый голос. – Полный успех! Распродан весь тираж! На чёрном рынке продают «Вкус смерти» втридорога! Необходим срочный повторный выпуск. Согласны?

- Согласен, но при одном условии.
- Иду на все условия. Выкладываете своё.
- Есть у меня планчик, – ответил автор...

Вскоре вышел в свет повторный тираж «Вкуса смерти». Он разошёлся с космической скоростью. И тут началось невообразимое.

Незамолкающие клаксоны автомобилей вывели Роя Корнера из тяжёлого сна. Он выглянул в окно – площадь перед домом была запружена народом, и у всех в руках были одинаковые книги в ярком переплёте. Его «Вкус смерти», это он хорошо разглядел. Почитатели требовали к себе автора. Он вышел на улицу, представляя себе, как вознесут его в облака руки этих людей, сжимающие «Вкус смерти». Но как только в толпе заметили автора, в него полетели тяжёлые, словно ядра, тома собственного сочинения.

Рой Корнер прикрывал лицо растопыренными пальцами, пятился к дому, но путь был отрезан. Он был по грудь засыпан «Вкусом смерти», кровь стекала из рассечённых губ и бровей. Он закричал истощным голосом: «Господи, спасите!!! Я пошутил! Это была только шутка!! Я жить хочу, жить!!!». Меткий бросок прервал его последнее слово. Твёрдый лаковый переплёт тяжёлой кни-

ги рассёк висок её автору. Книга упала на землю, раскрывшись на послесловии, которое гласило:

«Дорогие сограждане! Видя вашу безысходность и нерешительность, я понял, как помочь вам свести счёты с жизнью, измучившей вас до смерти. Согласно тому, как раскупался первый тираж «Вкуса смерти», я пришёл к выводу, что мои мысли и доводы достигли вашего сердца. Но у вас не хватает решимости свести счёты с жизнью раз и навсегда. И вот я прихожу вам на помощь. В краску типографского шрифта, которой печатался новый тираж книги, добавлен специальный сильнодействующий яд. Вдыхая благородный запах свежей типографской краски, вы вдыхаете свою смерть».

Минуя бездыханное тело недавнего кумира, толпа стремительно рассеивалась, спешила в аптеки на поиски противоядия.

ДЕСАНТИРОВАНИЕ

Шеф был настроен благодушно. Мягко поглаживая подбородок, он вёл неторопливый разговор. Так паук легко и незаметно налаживает смертную сеть.

Патрик Смит не был глупой мухой, готовой угодить в смертоносную паутину. Он понимал: вот оно, начинается.

Шеф перешёл к делу.

– Патрик, ты просматривал сегодняшние газеты. Наверняка тебе бросился в глаза собственный портрет. Он помещён в недурной компании. Конечно, Бил и Нил не так образованны, как ты, и не настолько умны, но кольцом владеют не хуже. К тому же, сопроводительный к фотографиям текст не превозносит твои научные изыскания, а говорит совсем о другом. Взгляни на газетный заголовок: «Нападение на банк». Красивый заголовок! А под ним чуть ли не детективный сюжет с перестрелкой и убитыми. Заканчивается он радующей строкой: «Преступникам удалось скрыться». Но могу заверить, они знают, где тебя искать. Найдут – и на электрический стул. У Била и Нила те же шансы.

– К чему это всё, шеф? Я знал, на что шёл. Теперь надо думать о другом – как смотреть удочки.

– К этому и веду. Остаться в городе нельзя. Если власти не доберутся, достанет Грубер. Он и донёс о предполагаемом нападении на банк. Такова она, здоровая конкуренция. Конкурировать с Грубером нам не по карману. Он покупает наших людей, а у нас нет осведомителей в его аппарате. Ты спросишь, что же делать?

Энли Шир замолк, выжидающе уставился на Патрика. Тот ещё не уловил, куда клонит шеф, и поэтому не вступал в разговор. Но понимал, что в городе оставаться небезопасно, а выбраться из него вряд ли удастся. Сидеть на скамье подсудимых? Нет, не для того он оканчивал университет, участвовал в археологических экспедициях, публиковал научные труды. Он и по сей день вёл бы кафедру, но резко выступил в печати после выхода в свет книги научных фальсификаций профессора Корна. А у того связи в высшей администрации, достаточные для того, чтобы закрыть научную карьеру своего оппонента.

Патрик был не трусливого десятка, но так бездарно кончить? Он не казнил

себя за то, что влез в грязную историю с ограблением банка. После ухода из университета ему не хотелось бросать научную работу. Но на какие средства существовать? Тут на помощь пришёл Энли Шир – нынешний шеф. Объявил себя меценатом. Выделил деньги для окончания работы. И потребовал ответных услуг. Одна за другой услуги привели к ограблению банка.

В лабораториях Шира кипела жизнь, появлялись новые изобретения, которые до поры держались в секрете. Люди науки сражались за науку всеми доступными средствами. Всё же, как бы мастерски ни обращались с оружием научные сотрудники, им было далеко до профессионалов Грубера. И когда их настигала пуля, никто, кроме Шира, не знал, каких Эйнштейнов и Ньютонов терял мир.

Шеф снисходительно улыбнулся:

– Не отчаивайся, Патрик. Выход есть, простой и удобный. Уйдёшь в небытие.

– Не понимаю, что за шутки.

– Это не шутки. Уйдёшь в прошлое. Тебе как историку лучшей командировки не придумаешь. Необозримое поле деятельности. Изучай уклад, диалекты, мёртвые языки. И главное – перед тобой несчитанные богатства. В любую сокровищницу проведёт новый прибор, созданный в моей лаборатории. Из командировки вернёшься миллионером. Деньги пойдут на новые научные открытия.

На золото, доставленное из глубин веков, организуем новые экспедиции в прошлое, построим сотни машин времени. Каждую машину оснастим современными системами реагирования и вооружения. Древние земли станут нашими колониями, аборигены – рабами. Мы завоюем мир. Сидя здесь, я буду руководить жизнью земного шара в разных исторических эпохах. Вдумайся в идею, Патрик Смит!

– Перспективы грандиозные. Только я ведь бандит поневоле, не профессионал. Уничтожать народы и страны – не моё амплуа. Так что уволь от такого задания.

– Ты не так понял, – напряжённо сказал шеф. – Программа рассчитана на долгие годы. От тебя требуется просто разведка. А если ограбишь какого-нибудь допотопного царька, ничего страшного не случится. Царёк наверняка притеснитель рабочего люда. Его и проучить не грех.

– К чему ирония, шеф? Если разведка – согласен.

Шир поднялся из-за стола, довольно улыбаясь:

– Ну, дорогой, пойдём в лабораторию.

Коридор упёрся в массивную дверь, и они вошли в небольшой зал. Посередине стоял громоздкий бронированный автомобиль, украшенный башенкой со скорострельной пушкой.

– И это машина времени? – удивился Патрик. – Если бы не пушка, напоминает «форд» последних выпусков.

– Сейчас убедишься, – ответил Энли Шир. – Садись за руль. Видишь рычаг? Передвигая его по шкале, очутишься в прошлом или в будущем. Но грядущее для нас ничем не примечательно – сейфы там совершенно неприступные. То ли дело стародавние времена.

Вот тебе архивный план местности из N-ного века. В нём крестиком обозначено место, где ныне стоит злополучный банк, куда тебе так и не удалось попасть. На сей раз им придётся пожертвовать золотым запасом ради научных изысканий. Сориентируйся по схеме, останови машину на отмеченной точке и переместись в сегодняшний день. Ты очутишься в подвалах банка. Не теряй зря ни секунды, помни о сигнализации. Загрузись золотом и тем же путём возвращайся сюда. Наш особняк на схеме обозначен цветным крестиком. Всё понял?

– Всё!

Патрик влез в автомобиль, захлопнул дверцу. Рука его легла на рычаг. Мгновение – и он исчез вместе с тяжеловесной машиной времени. Шеф оставался в зале, ждал. Прошло несколько минут, и машина возникла на том же месте, где была прежде. Шир рванулся к ней и стремительно открыл дверцу.

– Как прошла операция?!

– Нормально.

Патрик Смит вылез из машины. Заднее сидение было усыпано золотыми слитками.

– Инцидентов не было?

– Нет, за исключением нескольких задавленных кур на улочках, располагавшихся здесь в N-ном веке.

– Значит, игра стоила свеч. Золота хватит на окончание лабораторных работ по усовершенствованию аппарата.

– По-моему, – заметил Патрик, – он и так совершенен.

– Для моих целей – недостаточно. Аппарат должен, углубляясь в былое, уничтожать наших нынешних врагов. Наш враг не только Грубер – не будем замыкаться в корпоративных интересах. Смотри шире. Если хочешь стать властелином мира, будет драка – ещё какая! И посему, – заключил свою мысль Энли Шир, – всяких нытиков и трусов я терпеть не стану. Они хуже врагов!

Патрик искал решение и не находил его. Он был за науку, но сейчас наука означала смерть для многих.

– Мне не нравится твоё настроение, – заметил шеф. – Отдохни.

– Я и так как после сна, – пробормотал Патрик Смит.

– Вот именно, – обрадовался шеф. – Ты принял всерьёз и машину времени, и мировое господство. Всё это бред. Если хочешь знать, сон.

– Как так?

– Очень просто. Я проверял на тебе, как на подопытной свинке, действие нового препарата сна, разработанного в моей лаборатории. Автомобиль – не машина времени, а усыпальница. Всё, что с тобой случилось, – сон.

– И золото, привезённое мною, тоже из сновидений? Так, значит, сон?

Патрик понял – с шефом оставалось только хитрить, игра на игру.

– Сон. Отдохни, проспись.

– Приму к сведению. Спокойной ночи.

Патрик Смит пошёл по коридору, ощущая меж лопаток цепкий и точный взгляд Шири. Надо было что-то предпринять. Но что?

Поздно вечером к нему в комнату ввалился Нил – один из соучастников неудачного нападения на банк. Он был пьян. Широко разводя руками, пытал-

ся что-то объяснить. Патрик налил ему виски. Нил хлопнул стакан и обрёл дар речи.

– Знаешь, где я был?

– Наверное, не там, где надо.

– А где надо?

– За решёткой.

– Не остри. Я был в гостях у Спартака. Удивлён? Именно там и нализался.

Ты, помню, писал в своей книге, будто корсары предложили переправить на кораблях его войска. Так?

– Так.

– Но дальше ты пишешь, что до сих пор не известно, правдив этот слух или нет. Я перед заданием твою книгу всю прочёл, до конца.

– И что?

– Теперь можешь написать в новой книге, что такой факт действительно был. И тот корсар, который обманул Спартака, – перед тобой. Сокровища армии рабов теперь в закромах у Шира.

Патрик не принял услышанное за пьяный бред. Значит, Шир производил опыты на двух подопытных свинках, второй оказался Нил. А может, «свинок» больше. И кто знает, как они смогут ещё насвинячить? Всю историю, терпеливо разложенную учёными по хронологическим схемам, они перевернут вверх тормашками. Но наследят не только в прошлом. И сегодняшний день изгадят так, что никто в будущем не разберётся в событиях нашего века.

– Слушай, Нил, – обратился он к гостю, – ты совершаешь большую глупость. Зачем вернулся назад? Здесь тебя ждёт электрический стул, а там спокойно мог сесть на трон. Стал бы королём, или, на худой конец, принцем. Я, так и быть, буду твоим министром. Ты вооружён до зубов, а сила – превыше всего. Ясно?

– Куда ясней! Но ведь можно исправить ошибку. Давай организуем, как говорит шеф, десант в небытие. Машина стоит в ангаре и вроде никем не охраняется.

– Десант – это дело. Надо так сбежать, чтобы не поймали. А то здесь соорудят очередной аппарат и устремятся в погоню. Но выход есть. Автомобиль оснащён не только скорострельной пушкой, есть и несколько тотальных бомб. Подорвём шефа к чёртовой бабушке с его лабораториями – и ходу.

– Голова у тебя варит. Только действовать следует немедленно.

Нил с Патриком подготовили тотальную бомбу к взрыву и забрались в машину времени.

– С Богом, – сказал Патрик Смит и взялся за рычаг.

Взрыва они не услышали.

Владимир КРЮКОВ

РУКОПОЖАТИЕ

«Иной раз кажется, – пишет Ираклий Андроников, – что от пушкинской эпохи нас отделяют горы, громада лет. И вдруг видишь, что это – необычайно близко: Пушкин пожимал руку Перцову-дяде, а я – Перцову-племяннику».

Замечательный историк и литератор Натан Яковлевич Эйдельман тоже любил, как вспоминают, игру в рукопожатия. В частности, он весело и убедительно мог доказать, что через несколько рукопожатий вы можете поздороваться с Пушкиным.

Это вспомнилось мне во время нашей поездки в Петербург. Мы были там с моим сыном в 2018 году. После родного Томска Питер – второй любимый город. Бывал я в нём при каждом удобном случае. Здесь есть места, которые непременно нужно посетить всякий раз. Среди них и Фонтанный Дом, куда мы отправились на другой же день.

Не буду отвлекаться на подробности. Об этом Доме можно много прочитать в Интернете. Ограничусь справкой из Википедии.

Фонтанный Дом – один из дворцов графов Шереметьевых в Петербурге, получивший своё название от реки Фонтанки, на берегу которой он стоит. До 1917 года Шереметьевский дворец и усадьба принадлежали пяти поколениям старшей (графской) ветви рода Шереметьевых. В настоящее время в главном здании дворца расположен Музей музыки, включающий в себя отреставрированную анфиладу парадных залов второго этажа.

В одном из флигелей музей Анны Ахматовой.

В Фонтанном Доме, в квартире известного искусствоведа, теоретика авангарда Николая Пунина Анна Ахматова прожила почти 30 лет.

Именно в дни нашего проживания в Питере здесь работала выставка «Русские опять в моде...». Это строка из письма Николая Пунина. Выставка была посвящена истории девяностолетней давности – экспозиции русских художников в Японии летом 1927 года.

Та выставка называлась «Искусство новой России» и включала работы более 70 художников, среди которых Серебрякова, Петров-Водкин, Кустодиев, Фаворский, Фальк, Грабарь, Тышлер, Лебедев и другие.

В экспозиции Фонтанного Дома были представлены избранные работы, побывавшие в Японии. По уникальным документам и неопубликованным фотографиям прослеживалась история создания выставки 1927 года. Можно было оценить масштаб личности искусствоведа Николая Пунина, проделавшего эту большую работу.

Николай Николаевич Пунин погиб в ГУЛАГе. Учёный был реабилитирован в 1957 году с формулировкой «недоказанность вины». Но его не только убили, но сделали так, что статьи и книги Пунина по истории искусства, его

размышления о природе авангарда остались в прошлом. Лишь в конце 1968 года, в связи с 80-летием со дня рождения Пунина, было разрешено вернуть его имя в современную культуру. Полная реабилитация Пунина состоялась недавно, в конце 2001 года.

И вот мы с Глебом внимательно читаем тексты и осматриваем вещи, привезённые Пуниным из поездки. Чем-то мы привлекли внимание одной из сотрудниц музея. Она к нам подошла, мы познакомились. Я рассказал немного о себе, о своей неиссякаемой любви к городу на Неве, к Фонтанному Дому.

И вот эта сотрудница тихо сказала:

– А у нас сейчас в гостях Анна Генриховна Каминская. Она отдыхает вон в том кабинете.

– То есть та самая Аня Каминская? – спросил я. – Правильно я вас понял?

– Да, та самая, – кивнула Ольга Владимировна, теперь уже не безымянная сотрудница.

Внучка Николая Николаевича Анна Каминская четверть века прожила в одной квартире с Анной Андреевной, заменившей ей бабушку, и стала историком искусства, как её мать и дед.

В Фонтанном Доме Ахматова жила рядом с семьёй Николая Пунина (своего третьего мужа). С ним Ахматова развелась, но съезжать ей было некуда.

Арест сына Ахматовой Льва Гумилёва и самого Николая Пунина, жуткое постановление ЦК КПСС «О журналах «Звезда» и «Ленинград» сблизил женщин. Ахматова совсем не умела быть одна. А Пунины давали ей ощущение дома. Она была по-своему привязана к этой семье. Отношения не были простыми, она обижалась, ссорилась с ними, мирилась.

Но Аню Каминскую любила. Называла Акумцем (известно домашнее прозвище самой Ахматовой Акума). Анна Андреевна находила в ней сходство с собой. Уговорила сделать чёлку, как сама носила в молодости. Взяла её с собой за границу, в Лондон и Париж. Хорошенькая девушка в элегантном костюме сопровождала Ахматову в Оксфорд получать докторскую мантию.

– Невероятно, – сказал я нашей знакомой. Хотя что уж тут было совсем невероятного. Просто совпало, что мы оказались здесь одновременно.

– Хотите познакомиться с ней? – спросила Ольга Владимировна.

– Да, если это возможно.

Мы прошли в небольшой светлый кабинет. В кресле у стола сидела сухонькая симпатичная старушка. На столике стоял большой фарфоровый чайник и ближе к ней – чашка.

Анна Генриховна ответила на наше приветствие. Смотрела вполне доброжелательно.

О чём говорить? Я знал, что выставка состоялась при её участии, сказал несколько благодарных слов. Смолк. Две девушки, бывшие тут при ней, предложили:

– Анна Генриховна может вам автограф оставить.

Девушки подали ей ручку, подвинули лист бумаги. Я назвал наши имена, и она написала летящим разборчивым почерком: «Владимиру Михайловичу

и Глебу Владимировичу Крюковым 15 августа 2018 года в Фонтанном доме. Музей Ахматовой, кв. Н. Н. Пунина. А. Каминская».

– Спасибо, – сказал я и напомнил историю с рукопожатием. – Андроников и Эйдельман добирались даже до Пушкина, а Анна Андреевна к нам всё-таки ближе.

Анна Генриховна улыбнулась и протянула руку.

P. S.

Сергей Николаевич*

Сегодня со смертью Анны Генриховны Каминской (22 мая 1939 г. – 13 января 2022 г.) обрывается последняя нить, связывающая нас с подлинной Ахматовой. Последние года она, усталая, почти слепая женщина, не оставит свои попытки объясниться с потомками, будет искать доказательства собственной правоты, когда уже никого не будет в живых. А она всё продолжала ходить по нотариусам, сидела в архивах, слыхала опечатки и оригиналы ахматовского завещания.

Когда после смерти Ахматовой дело дошло до суда, выяснилось, что при составлении бумаг были допущены формальные ошибки, на основании которых иск сына был отклонён. Очевидно, что власть сделала ставку на правоверных и благонадёжных Пуниных, а не на импульсивного бывшего зэка Гумилёва. И даже его искреннее желание передать архив Ахматовой безвозмездно Пушкинскому дому в день её рождения 23 июня 1966 года доверия не вызывало. Зато планы Ирины Николаевны продать архив тем, кто дороже заплатит, в обход воли главного наследника, получили неожиданную поддержку в суде.

Похоже, этот вопрос волновал Анну Каминскую до самых последних дней. В тех редких интервью, на которые она время от времени решалась, слышалась обида. Все эти годы она, последняя из рода Пуниных, чувствовала себя в ответе за свою родню. И защищала её, как умела, выбирая неизменно спокойный, рассудительный и примирительный тон. Не скрывала, что её задевают и досужие разговоры о суде, и ревнивые наветы на Пунина ахматовских поклонников, и, как она была убеждена, несправедливые обвинения, выдвинутые против матери. Оправдываться она не считала нужным. Своим тихим, шелестящим голосом приводила доказательства, находила цитаты, и вспоминала, вспоминала...

По мнению Анатолия Наймана, она незаконно присвоила наследство Анны Ахматовой в обход её сына, Льва Гумилёва. Каминская и Найман вели непримиримую вражду, приводя свои доводы на эту историю, свидетелей которой, кроме них, почти уже никого не осталось. Символично, что и умерли они с разницей в неделю, унеся это дело с собой.

При участии Анны Генриховны вышла книга дневников Николая Пунина «Мир светел любовью». Она помогла открыть ахматовский музей в Фонтанном Доме, передав туда безвозмездно множество памятных вещей. Часто

* Сергей Игоревич Николаевич – российский журналист, медиаменеджер и телеведущий. Главный редактор журнала «Сноб». С мая 2013 по июль 2021 года был ведущим передачи «Культурный обмен» на ОРТ.

приходила туда со своими сыновьями Петром и Николаем, сотрудниками Государственного Эрмитажа.

Она посвятит немало сил и времени поиску места захоронения своего отца. Долгое время считалось, что Генрих Каминский пропал без вести на войне. И только в 1990 году выяснилось, что он был арестован и закончил свою жизнь в лагере на востоке страны. Анна Генриховна поехала туда, но никаких следов могилы отца не нашла. Привезла с собой кусочек колючей проволоки.

Специально летала она и в далёкую Инту, чтобы почтить память деда Николая Николаевича Пунина, похороненного на кладбище ГУЛАГа в Абези. И была бесконечно признательна организаторам акции «Последний адрес», благодаря которым на Фонтанном Доме появились имена Николая Пунина и Генриха Каминского.

ВИССАРИОН

1

Летом 1992 года я вновь оказался в моём любимом городе. Проходя по Невскому, увидел скопление людей у Казанского собора. Время было такое, что всякое массовое мероприятие заслуживало внимания: обнародовались какие-то разоблачения, вспыхивали митинги «за» и «против». В этот раз ничего протестного не было. Народ с интересом слушал молодого человека, который стоял возле одной из колонн собора. Приблизившись, я разобрал слова. Он говорил о том, что пережить это смутное, почти апокалиптическое время (так называемый «Конец Света») смогут хорошие, искренне верующие люди, вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Нужно стать единой духовной семьёй, и это поможет отбросить страхи, освободиться от обид, и ты, естественно, почувствуешь себя увереннее, свободнее, радостнее.

И ещё этот юноша с грустным лицом объявил себя вторым пришествием Христа по имени Виссарион. «Там, где двое или трое соберутся во имя Моё, там и Я среди них».

Я не дослушал проповедника, а между тем оказалось, что он уже вполне конкретно призывал стать членами его Единой духовной семьи. Он признавал, что Истинную Церковь невозможно специально создать. Но, говорил он, Истинная Церковь призвана сама проявляться при стечении соответствующих обстоятельств.

Вчерашний милиционер из города Минусинска Красноярского края Сергей Тороп пережил «духовное пробуждение», и в 1991–1992 годах объехал с выступлениями половину России. Он объявил о создании коммун в Курагинском районе Красноярского края. Общине удалось наладить связи с администрацией края, что позволило получить в 1994 году большой участок тайги для устройства поселения, этакое Города Солнца.

В октябре 1994 года его общину официально зарегистрировал Минюст под названием «Община Единой Веры». В 2000-м году религиозную организацию перерегистрировали, она получила название «Церковь последнего завета». Новый год там празднуют в день рождения Учителя – 14 января. А его вероучение называется «Новый завет».

Информация о тех, кто уверовал, кто обустроивается в тайге, появлялась на страницах СМИ и на телеэкране. Новообращённые прибывали к местам поселения через райцентр Курагино. А одна из деревень, облюбованных ими, называлась Петропавловка.

Боже мой, да я же знаю эти места! В Курагино жили родители моего друга и сокурсника Володи Лосева, куда мы приехали однажды летом. Его отец на лодке со стационарным мотором завёз нас в верховья красивой реки Казыр. Он уехал домой, а мы прожили в тайге замечательные десять дней. А когда сплавлялись вниз по реке, то наш плот проносился мимо забытой, разорённой и брошенной деревни Петропавловки. Оживили и возродили её виссарионовцы.

И количество приехавших сюда со всей России, из стран СНГ и зарубежья превысило пять тысяч человек! Это были те, кто услышали Слово нового Христа, поверили, обратились к нему всем сердцем и присоединились к Церкви последнего завета.

2

В гости к брату моей жены приезжала его тёща из Минусинска. Само собой, как-то за обеденным столом, я спросил её, что говорят минусинцы про основателя этой знаменитой теперь общины. И Альбина Павловна довольно спокойно рассказала, что Сергей Тороп был студентом в техникуме, где она учила ребят электроделу. Никак и ничем он не выделялся. Потом служил в милиции. После его обращения в Виссариона кто-то называет его авантюристом. А кто-то поверил, что на него сошла благодать Господня, то есть ниспосылаемая Богом милость. Да, есть те, кто считает, что он *призванный*, тот, кто принял приглашение и откликнулся послушанием, облекся во Христа.

Шли годы. Поселение в тайге продолжало жить. И опять писали разное. Уверовавшие в Христа-Виссариона поселились в десяти деревнях на юге Красноярского края. Живут верующие общиной, то есть работают друг на друга, без денег. Зато те, кто продал свою недвижимую «в миру», передают деньги на общую пользу. Рассказывают, что Виссарион распределял, где кому жить: в деревнях Черемшанка и Петропавловка (86 км от райцентра, «столица» виссарионовцев) селил певцов и знаменитостей, а работяг – на периферии. Конечно, с явным неодобрением писали о неких законах, по которым живёт община. Якобы Виссарион учит не есть «убиенную пищу» (всё мясное), утверждает, что «болезнь есть наказание за неспособность удержать плоть в гармонии с природой», так что «ныне плоть должна сама себя излечивать» (в результате поселенцы по возможности избегают роддомов, реанимаций, прививок и осмотров).

И вот зимой в середине 2010-х мой товарищ Борис Былин предложил съездить к Виссариону и самим разобраться, что правда, а что – наговоры.

Борис живо интересовался человеческими объединениями, возникающими в стране. Одно время содействовал обустройству так называемых анастасийцев (Анастасия – героиня историй Владимира Мегре, не испорченная цивилизацией, выросшая в тайге, в согласии с природой). Он – мастер на все руки – помог ставить дома, сложил в них печи. Сам Борис не стал сторонником уединения, напротив, он был в гуще культурной жизни – рассказывал школьникам о язычестве Древней Руси, громко и выразительно читал Маяковского, играл в самодеятельном театре. Но, повторяю, на слово не верил и пожелал всё увидеть сам. Предложил мне составить ему компанию. Я, вполне свободный пенсионер, охотно согласился.

Но прямо-таки накануне нашего отъезда произошло следующее. Некий Николай пообещал мне спилить сухую сосну в моём огороде, аккуратно положить её вдоль забора без ущерба для построек. Мы оттоптали в снегу тропу – в направлении предполагаемого падения сухостойного дерева. Именно с этой стороны Николай сделал запил, завёл бензопилу и врубил её на полную мощь. Струя опилок рванула из-под пилы. И тут всё пошло не по плану. Сосна повернулась по оси и в падении направилась чётко на кухонную стену нашего дома. Метра-другого не хватило, чтобы протаранить окно, но по стене сухие ветки, обламываясь, проскребли. Николай был смущён поворотом дела, не понял, как он ошибся в расчётах. Расстались мы мирно, но ствол перегородил тропинку во дворе. Я решил распилить дерево, однако череда неудач продолжилась. Пила резко тормознула в распиле. От неожиданной отдачи я кувыркнулся наземь и ударился так сильно, что даже и наутро дышать было больно. Потащился в больницу, отправили на рентген, ребро не сломалось, но получило серьёзную трещину.

Уже настроенный на поездку, Борис отправился один. Возвратившись, он рассказал, что аудиенцию у Виссариона получить не удалось. Но он наблюдал жизнь и быт поселенцев, подробно беседовал с человеком из ближнего круга, это был Вадим Редькин. Разумеется, за несколько дней тебе не откроются все нюансы этой новой человеческой организации. Но главное, что Борис вынес из общения, – это то, что живут здесь по своей воле, насильно их никто не удерживает и не принуждает к исполнению каких-то казарменных порядков.

3

И потому меня как громом поразила спецоперация в сентябре 2020 года: вертолёты, спецназ, арест лидера общины с двумя помощниками и десяток уголовных дел, включая главное: «Создание религиозной организации, деятельность которой сопряжена с насилием над гражданами».

30 лет в красноярской тайге строилось что-то наподобие религиозного государства, теперь оно было «обезглавлено» ФСБ. Сообщалось, что в «Обители Рассвета» (так называли дом основателя общины) изымаются оружие и литература, в округе глушится мобильная связь.

Теперь объединение людей величали не иначе как «секта» и писали, что её религиозная концепция реакционна, что людей держал вместе страх перед предсказанным апокалипсисом и надежда на перерождение после смерти.

Стиль СМИ и телесюжетов становился агрессивнее:

«Вероучение Виссариона, объединившее «идеи Елены Блаватской и Николая Рериха, а также других мистиков», глубоко чуждо христианству».

«Что творилось в самом «городе Солнца», как обращались с его обитателями, некоторые из которых добровольно уходили из жизни, не знал никто за пределами общины. Адепты придерживались строгой диеты, из-за которой некоторые страдали дистрофией, а кто-то умирал. Обращаться к врачам, даже если начинались серьёзные проблемы со здоровьем, было нельзя. Виссарион запрещал лечиться у мирских медиков».

После ареста и заключения под стражу Виссариона (сейчас он Сергей Тороп, лидер деструктивной секты) и его соратников Владимира Ведерникова и Вадима Редькина было обнародовано обвинение: «создание *незаконной* религиозной организации и психологическое насилие над людьми». Обвинители будто забыли, что община официально зарегистрирована и перерегистрирована Минюстом РФ.

И вот наконец: «Процесс над самозванцем, который сумел обмануть и повести за собой 5 тысяч человек, начался в Новосибирске». Это – отдельная история. Уже дают показания родители, потерявшие ребёнка, которому не оказали медицинской помощи. Уже Виссарион предстаёт вымогателем, который «заставлял адептов отказаться от всех благ – квартир, машин, сбережений, чтобы очиститься перед уходом. Апокалипсис, правда, всё время откладывался, но веру учеников в учителя это не подрывало». И это последнее невольное признание, кстати, объясняет, почему судебный процесс проходит на таком отдалении.

Суд арестовал все земельные участки, дома и транспорт самого Виссариона. И, конечно, обвинительный приговор неизбежен.

Нарушена государственная монополия на создание общественного объединения. Коллектив – это всегда нечто, контролируемое сверху. И когда возникает что-то самостоятельное, какие-то горизонтальные связи, когда работает умение взаимодействовать без контроля и указаний – это не может не встревожить власть. И эти «несистемные дела» вызывают сначала настороженность, а потом и активное противодействие, подавление.

2022

ВСТРЕЧА НА ПРОСПЕКТЕ

Летом 2006 года я шёл главным проспектом города и был остановлен возгласом: «Господин Крюков!». Я узнал этот характерный голос с раскатистым «р» и остановился. Да, это был он – ректор медицинского университета Вячеслав Викторович Новицкий. Мы поздоровались. И затем последовал вполне неожиданный вопрос: «А знает ли Крюков, что я поклонник его поэтического творчества?». Я перешёл на некий шуточный тон: да что вы, да откуда? А он продолжил вполне серьёзно и деловито: «Вот что. Если у вас есть рукопись чего-то нового, я готов помочь в издании. Я хочу это сделать».

Я был смущён этим неожиданным предложением Как-то всё внезапно, на улице, без какого-то предварительного разговора. Ну разумеется, благодарил, обещал подумать. «Хорошо, думайте, решайте, только не откладывайте надолго. Мой телефон не затерялся?».

Нет, телефон, конечно, не затерялся. Два года назад я дважды являлся в кабинет ректора медуниверситета с блокнотом и диктофоном. В то время я был участником интересного проекта, который придумал поэт и издатель Андрей Олеар. К 400-летию Томска мы готовили книгу «Между прошлым и будущим». В неё должны были войти 50 монологов известных томичей – учёные, предприниматели, люди искусства... Вячеслав Викторович был в их числе. Понятно, что я о нём знал, видел его на экране телевизора. Теперь вот и познакомились.

Беседы эти остались в памяти на всю жизнь. Не буду здесь их пересказывать. Книга вышла, и монолог Новицкого при желании можно прочесть. Тогда, помню, меня сразу расположила к собеседнику его убеждённости в том, что вуз должен дать молодому человеку не только сумму знаний, но определённый уровень культуры, без которого получивший диплом не вправе называться человеком с высшим образованием.

– Моя задача как ректора – привести это в какое-то соответствие, – говорил Новицкий. – Это чрезвычайно сложно. Но для меня очень важно. Медик должен быть культурным человеком.

В наших разговорах он так или иначе возвращался к любимой им теме культуры, к умному кино, к хорошей музыке. Я узнавал и о его пристрастиях. Он не боялся отступать от общепринятого и общепризнанного. Среди любимых авторов называл Бунина, Куприна и... Бориса Лавренёва, известного (и то далеко не всем) рассказом «Сорок первый», по которому снят прекрасный фильм Чухрая. Любимые его вокально-инструментальные группы: «Битлз», «Червоны гитары» и... «Звуки». Последняя – это наша, томская, существовавшая при Доме учёных. Кто сейчас её вспомнит? А вот в благодарной памяти Вячеслава Викторовича они, «Звуки», остались.

С какой любовью вспоминал он о клубе отдыха молодых учёных (КОМУ), с какой законной гордостью говорил о том, что сохранил школьных друзей.

Какие-то его рассуждения тотчас отзывались во мне. Я тоже об этом думал, и наши выводы были схожи. Например, он сказал, что мнение окружающих может тебя совсем не интересовать, если ты либо полный идиот, либо твоё самолюбие не имеет предела. Но в защите своих взглядов ты должен идти до конца и высказывать их где угодно. Только не надо их навязывать тем, кого они абсолютно не интересуют. Ну как тут было не согласиться!

Разумеется, мы говорили о Томске, ведь книга была о том, какое место занимает он в жизни собеседника. Вячеслав Викторович сказал, что возникали варианты с выездом из Томска, но никогда ему не хотелось покинуть родной город. И дальше то, под чем я готов подписаться:

– Вообще считаю Томск оптимальным городом для нормальной творческой жизни.

Через несколько дней мы сверили текст, что-то поправили, кое-чем дополнили. И, казалось бы, попрощались. Книга была напечатана, имела успех.

И вот эта необычная встреча на летнем проспекте. Необычная не в том смысле, что здесь трудно встретиться. Напротив, город наш небольшой, и такая вероятность велика. Необычная тем неожиданным предложением. Значит, за эти годы он счёл нужным что-то узнать обо мне, прочесть стихи. И они ему понравились. Мне было приятно это слышать.

Через несколько дней я был в ректорском кабинете. Вячеслав Викторович предложил напечатать книгу в издательстве Томского университета. Я радостно согласился – это был мой университет. В книгу вошли дневниковые записи разных лет, мне хотелось проверить, насколько они будут интересны читателю (оказались интересны). Однако мой меценат настоял, чтобы и стихи тоже были здесь представлены.

Началась работа. Деловую часть взяла на себя помощница депутата Новицкого. В январе 2007-го книга под названием «Жизнь пунктиром» вышла в свет.

На титульном листе там значится:

«Благодарю за поддержку ректора Сибирского медицинского университета, депутата Государственной Думы Томской области В. В. Новицкого. Вячеслав Викторович выразил желание помочь мне в издании новой книги и сделал это».

1 сентября мы встретились на линейке в Тимирязевской школе, куда я привёл сына-первоклассника. Новицкий сказал школьникам и учителям несколько добрых приветственных слов. В последующие годы мы раскланивались, встречаясь на разных культурных акциях.

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ

Мне повезло. Никак не расположенный к философии, не понимающий её содержания, её языка, я слушал курс истории философии в исполнении Константина Петровича Ярошевского. Кто-то сказал мне, что такого шанса упустить нельзя, и я внял этому голосу.

Мне помнятся лекции в 120-й аудитории главного корпуса, выстроенной амфитеатром. После звонка в аудиторию неторопливо входил человек среднего роста, в строгом костюме, при галстукке, дружелюбно осматривал собравшихся и начинал говорить. Просто, но ничуть не профанируя, он *рассказывал* (да, это то самое слово!) историю философского освоения мира.

Лекции его отличали эрудиция и умение донести до неискущённых людей (думаю, не один я был такой) серьёзность материала. И всё это в лёгкой, можно сказать, изящной форме. Это, вероятно, и есть культура умственной деятельности. Он умел излагать ясно, чётко и доходчиво. Сегодня я понимаю, что это – высокое искусство.

Мы подмечали его речевые особенности. Он произносил со своим ударением слова «политэконом», «чайник», «шофёр», добавлял лишний слог – у него получалось экзистенциализм. Кстати, повествуя об этом направлении, он припоминал встречи с Сартром и Симоной де Бовуар. «Сартра не очень помню внешне, но Симона была дама вполне себе импозантная».

Он свободно и уместно обращался к запасу своих жизненных наблюдений. Вот как наглядно излагал он воздействие философии Эдуарда фон Гартмана на человека:

– Одна дама пожаловалась, что сын её – юноша во цвете лет – стал часто хандрить, как-то отдалился от общества ровесников – молодых людей, на глазах чахнет. И она не может понять, в чём дело. Никаких видимых причин. Разговор происходил на квартире этой дамы. Я поинтересовался, что её сын читает. Прошли в его комнату (юноши дома не было). На полках – много разных книг. Но я знаю, что самое дорогое держишь ближе. Подошёл к его кровати, пошарил под подушкой. Есть книга! Вытаскиваю. Гартман, «Философия бессознательного».

– Ага, – говорю я этой даме, – чего же вы хотели. Вот объяснение и разгадка. Как же тут не зачахнешь и не захиреешь!

Много позже я услышал про некоторые его «причуды». Кто-то при нём с обидой рассказывал, как его идеи были похищены коллегой, выданы за свои. И Константин Петрович по этому поводу высказался: «А я радуюсь, когда у меня «похищают» идеи, это означает, что твоя идея хоть что-нибудь да стоит».

Лекции профессора Ярошевского – одно из самых ярких впечатлений студенческих лет. И само общение с ним в коридоре, уже после звонка с лекции, тоже. Нет, я не обратился к философским текстам, не стал перемогать себя и осваивать высокие материи. Всё-таки это было решительно не моё. Однако простота Константина Петровича, его уважение и доброе расположение к собеседнику, конечно, не забывались.

Потому именно к нему мы с моим сокурсником Виктором решили отправиться весной 1974 года. Я работал тогда в деревенской школе учителем русского языка и литературы. Там услышал о высылке А. И. Солженицына. Почему-то я совсем не был готов к таким решительным действиям власти. Всё-таки, казалось мне, великими писателями не разбрасываются. Но именно так и случилось – автора «Одного дня Ивана Денисовича» выбросили из страны. Не было у меня в деревне транзистора, который ловил бы заграничные голоса. Не было человека, с которым можно было обсудить произошедшее.

Только выбравшись на весенние каникулы в город, я смог поговорить об этом с другом Виктором. И сошлись мы на том, что ситуацию поможет разъяснить нам умудрённый старший товарищ. И вспомнили Константина Петровича. Найти его телефон оказалось несложно. В разговоре с Виктором он назначил нам встречу не где-нибудь в казённом месте, а у себя дома. В назначенный час мы явились на тихую улочку Дзержинского. Не запечатлелся в памяти интерьер профессорской квартиры. Он жил тогда один. Жена его ушла из жизни года два назад. Константин Петрович провёл нас в комнату, усадил за стол, налил чаю. Комнату, в которой он нас принимал, лучше запомнил Виктор. Могу только сказать: вокруг были книги. На письменном столе они лежали стопками, захватив почти всё пространство.

Для начала мы затеяли разговор о «Мастере и Маргарите», недоумевая, почему такой маленький тираж у недавнего издания романа. Нельзя ли было

как-нибудь посодействовать его увеличению? Мы тогда были почти убеждены, что он имел какое-то влияние в ЦК. Косвенно это подтверждало его знакомство с Сартром. То, что он был консультантом в местном обкоме, – абсолютная правда. И нам казалось, что он как-то может повлиять на булгаковские тиражи. В разговоре эту нашу надежду он не опроверг.

Мы задали ему свой вопрос: «Не слишком ли жестокое и непродуманное решение по Солженицыну приняли наверху?». Не помню разговор в подробностях, а придумывать не хочу. Вспоминаю в общих чертах, что профессор предложил взглянуть на то, что произошло, учитывая общественно-политический контекст. Вполне убедительно он обрисовал линию поведения партийных идеологов, их аргументы в пользу расправы с писателем. Он хорошо понимал этот политический режим. Хорошо чувствовал время, которое показывали кремлёвские часы. Становилось понятным, что ничего другого и ждать не приходилось, всё логично, последовательно, определённо. Нечего и говорить о какой-то опрометчивости такого шага. Сомнения вроде «не пришлось бы сожалеть», конечно, там не возникало.

С той поры меня уже не удивляли, казалось бы, невообразимые с человеческой точки зрения решения и поступки этой братии. Человеческая точка зрения исключалась.

Я благодарен Константину Петровичу за то, что он помог окончательному крушению моей иллюзорной надежды, что власть хоть как-то прозреет и одумается. Профессор так наглядно представил позицию этих деятелей, что мы, к сожалению, уверились в том, что и он целиком и полностью интегрирован в эту систему. И как-то при этом он оставил впечатление симпатичного и порядочного человека.

P. S.

Ярошевский Константин Петрович (16/29/ июля 1902, Киев – 22 января 1979, Томск) – философ, профессор кафедры научного коммунизма Томского государственного университета.

23 мая 1973 года на учёном совете университета отметили 70-летие Ярошевского и 50-летие научной деятельности. К. П. Ярошевский неоднократно принимал участие в разработке программ по общественным наукам для вузов и научно-исследовательских институтов в масштабе России и Союза.

Был членом Коллегии Министерства высшего образования РСФСР, членом Головного совета Министерства высшего образования по философии, научному коммунизму, членом Президиума Советского философского общества.

Виктор Свинин

«ВЕЙ, ВЕЙ, ВЕТЕРОК...»

...пение, особенно хоровое, совместное – это верный показатель здоровья нации. Народ, воспитанный на одухотворённой песне, благороден и велик.

Георгий Струве, композитор,
хормейстер, просветитель

Когда-то, ещё на заре перестройки, в одной из новых газет попался на глаза рассказ молодой русской художницы, побывавшей в Риге на праздновании Дня свободы. На площади, выложенной красными и белыми цветами, она услышала, как громадная толпа пела незнакомую пронзительно грустную песню. Как выяснилось, это была латышская народная песня «Вей, ветерок». Художница заплакала, почувствовав себя «чужой в сфере чувств любви и единения». В России, пояснила она, гражданская патетика тогда считалась унижительной, а в кодексе чести российского гражданина обязательным было чувство неловкости за Родину.

Молодую женщину было искренне жаль. И за незнание знаменитой песни народа, история которого значительное время была частью общей истории единой страны. И за то, что в силу культурной отчуждённости она почувствовала себя чужой, приехав, вообще-то говоря, к друзьям. И, наконец, за то, что в своей душе она не нашла ни сил, ни способности противостоять предписанному новоявленным «кодексом чести» российского гражданина чувству неловкости за Родину.

Упоминание латышской песни вызвало воспоминания о моей родной школе. Сразу же представилось, что многие из выпускников той, 43-й, обычной томской школы, вряд ли почувствовали бы себя чужими на национальном празднике латышей. И одна из причин этого – та же самая, что стала «моментом истины» для художницы – песня «Вей, ветерок». Пожалуй, мало кто из учеников школы так или иначе не был бы знаком с песней о парне из Курземе, плывущем к своей любимой, как, впрочем, и со многими другими песнями народов СССР.

А всё благодаря Александру Трофимовичу Ерохину. Лишь теперь, по прошествии многих лет, в контексте нынешней жизни, в контексте нынешних проблем в образовании и воспитании, понимаешь, какую титаническую, по сути своей, работу проделал в то время он, казалось бы, скромный школьный учитель пения.

На его уроках пения ученики не только пели, но и изучали нотную грамоту. Многие ли из нынешних выпускников обычных школ смогут назвать создателя нотного стана Гвидо из итальянского городка Аррецо? Учащиеся

43-й это знали. На уроках он знакомил учеников с историей русской музыкальной культуры. Большинству учащихся – а это всё были выходцы из обычных рабочих семей – впервые открылись имена русских композиторов: А. Алябьева, М. Глинки, П. Чайковского, А. Варламова, А. Гурилёва, П. Булахова, композиторов «Могучей кучки»: М. Балакирева, Ц. Кюи, Н. Римского-Корсакова, М. Мусоргского, А. Бородина.

В своём крошечном кабинетике, увешанном портретами прославивших Россию композиторов, он ставил пластинку с отрывком из оперы и предметно рассказывал ученикам, что такое музыкальная тема: вот, мол, тема Белочки или царя Гвидона, если это была опера «Сказка о царе Салтане», или же тема Руслана или Людмилы – в случае «Руслана и Людмилы».

Вспоминается его яркий рассказ об истории первого оркестра русских народных инструментов, созданного Василием Андреевым, о триумфальных гастролях этого оркестра во Франции.

Но, как хорошо известно, теория без практики мертва. Была в 43-й и своя музыкальная практика: школьный хор и оркестр народных инструментов. Оркестр – это для добровольцев. В хоре добровольцы были не все. Голоса для хора Александр Трофимович отбирал на уроках пения. О демократии тогда не слыхивали, и учитель пения не воспринимал аргументы типа «хочу – не хочу». В среду на лестничной площадке второго этажа (местных Фермопилах) вывешивалось объявление: «Сегодня хор». Улизнуть было трудно. Случалось, что учитель пения и сам хватал бегуна за «фалды».

Впрочем, сейчас понимаю: строгость эта была показная, скорее – игра в строгость. Никто не обижался. За Александром Трофимовичем была слава человека, умевшего управляться с парнями ещё старой, мужской школы... Результат «насильного» приобщения к прекрасному проявлялся весной на городском смотре школьной художественной самодеятельности, на котором 43-я, как правило, занимала первые места.

Программа хора и оркестра была стандартной: какая-нибудь песня из официоза (обязательная дань времени), русская народная песня (чтобы не забывали своих корней), песня народов СССР (чтобы понимали душу других народов) и отрывок из оперы (чтобы чувствовали «высокое» искусство). Да, да, именно из оперы. Один раз, вспоминается, хор исполнил «Славься» из «Сусанина» М. Глинки, в другой раз – «Застонало сине море» из «Рогнеды» А. Серова. А однажды учитель замахнулся на немислимое – поставил большой отрывок из «Руслана и Людмилы» М. Глинки. Это сцена с Головой: ария Руслана, буря (вещь технически очень сложная; стоит заметить, что А. Ерохин ещё и сам расписывал партии для инструментов) и рассказ Головы. Впечатление, по словам тех, кто видел это со стороны, было потрясающим. Отрывок в костюмах был исполнен и по местному телевидению. Партию Руслана исполнял ученик Виктор Сябор, обладатель красивого, сильного, не по возрасту густого голоса.

Хор и оркестр были душой школы. (Кстати, хотелось бы напомнить, что не в последнюю очередь культура хорового пения способствовала сплочению балтийских народов...) И на традиционных вечерах встречи с выпускниками школы роль Александра Трофимовича вновь была не из последних. «Ветера-

ны» оркестра собирались загодя, репетировали, вспоминая былой репертуар. И уже на самих вечерах показывали класс молодым...

Глядя сегодня на старые фотографии, на которых запечатлены хор и оркестр, создаётся впечатление, что там была половина школы. Александр Трофимович не был демократом в смысле приверженности демократическим процедурам, а скорее, как сказали бы сейчас, был приверженцем авторитарных методов управления. Но он понимал подростков. Любил их. И понимал главное: прежде, чем дать человеку возможность выбора, надо ему эту возможность сначала обеспечить знанием. Теперь я понимаю, что это было главным принципом и всего педагогического коллектива школы.

А. Ерохин не имел обыкновения жаловаться на «объективные трудности». От него никто никогда не слышал угроз «пожаловаться директору» (а это действительно была бы угроза: в школу пришёл новый директор – из колонии, в сталинском мундире, галифе; одно время он заставлял мальчишек стричься наголо – непокорных стриг сам в своём кабинете). Для Александра Трофимовича, судя по всему, учебные планы были минимумом. Да если говорить всерьёз, какие у учителя пеня могли быть особые планы? Он сам ставил себе задачи, как правило, высокие. И сам их разрешал, как правило, успешно.

Внешне бравый вид учителя (при небольшом росте он ходил с задорно поднятой головой с красивым пробором) совсем никак не располагал к мыслям об его трудной судьбе. О том, что он прошёл войну, свидетельствовали награды. А о другой, довоенной его истории, я узнал от него самого через много лет после окончания школы. Оказывается, и ему, как и многим соотечественникам в известные годы, пришлось пройти через лагеря. В колонии пришлось поднимать мукомольное производство, что оказалось смертельно опасным делом, поскольку затрагивало интересы лагерной «элиты». Но неукротимый дух и умение «поставить себя» позволили ему преодолеть всё. Новое производство он всё-таки поднял. И остался жив.

Конечно, стимулом к его подвижнической деятельности (в то время она таковой не воспринималась), естественно, не были те дополнительные крохи, которые он получал. Повторяю, он любил учеников. Но вряд ли бы ему удалось сделать то, что он сделал, если бы не сильный, по-настоящему высокопрофессиональный педагогический коллектив, одним из членов которого он был.

Упомяну пару деталей. Весь наш класс – все до единого – после окончания школы поступил в вузы. А один из одноклассников вспоминал: «С какой радостью я вырвался из школы на свободу! А через несколько лет стал вспоминать школу с ностальгической теплотой, и чем больше живу, тем с большей теплотой. Мне, ленивому троечнику, школа, оказывается, дала столь основательные знания, что они помогли мне и при поступлении в университет, и помогают практически всю жизнь. И, ты знаешь, не побоюсь высоких слов, школа научила меня любить Родину».

Ариадна Цимбалист

МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ

Я родилась и до отъезда в Томск, на учёбу в Томском политехническом институте, жила со своими родителями в посёлке Яя, на реке тоже Яе, в Кемеровской области. Свои воспоминания о прошлом я сосредоточу на главном, что помнится особенно ярко.

22 июня 1941 года в нашем посёлке раздался долгий тревожный гудок лесозавода. Его мощный звук достиг даже соседних деревень. Но быстрее гудка пронеслась, как и по всей нашей стране, весть: «Началась война!». Великая Отечественная...

Это было воскресенье, но наш отец, Владимир Александрович Кузнецов, сходил к себе на работу (он работал начальником нашей поселковой сберкассы), пришёл взволнованный, но решительный. Он был военнообязанный.

Горестно застонала его мать, наша бабушка, и наша с сестрой Ритой мама. (Мне было два года, Рите четыре). «Да не стоните вы, – сказал отец. – Мне надо торопиться на призывной пункт. Помогите собраться...»

Затем выдал точные наставления жене: «Соня, слушай меня внимательно, нам надо решить много вопросов. Ты много лет работала в райфинотделе, опыт у тебя по этой части большой. Поэтому именно тебе я оставляю свой пост – начальника нашей сберкассы. Приказ о твоём назначении я уже подписал, и твою кандидатуру утвердило областное управление». Затем отец вынул из кармана ключи от сберкассы и полагающийся ему по должности револьвер. «Второй револьвер ты получишь в милиции. Носи их с собою днём и ночью. Не оставайся без них никогда. В экстремальных условиях – а война к ним относится в первую очередь – даже хорошие люди могут меняться в худшую сторону. Я знаю это по опыту – и ты знай. Всю документацию проверяй по десять, по сто раз, никому не доверяй, не верь просто на слово – это непреложное условие работы с финансами. Ну, успешной тебе работы... Соня, береги детей и не горюй лишнего – некогда».

Отец обратился к остальным: «Мама, не болей. Шура (это младшая сестра мамы Сони, которая жила с нами), помогай Соне по дому – дети-то маленькие...».

«Меня не провожайте», – сказал отец уже на пороге. Оглянулся на нас – и ушёл. На все долгие годы войны.

Его зачислили в десантные войска и направили на обучение сперва в Новосибирск, потом в Красноярск. Некоторое время от отца не было известий. А потом пришло письмо уже с дороги на фронт: «Мы едем на фронт. Проезжаем Омск. Куда пошлют потом – пока не знаю».

А у нас началась трудная тыловая жизнь. Особенно тяжело приходилось

матери. На сотрудников сберкасс и других финансовых учреждений навалилась трудная работа по реализации государственного займа. Дело в том, что для финансового обеспечения армии и госпиталей правительство выпустило облигации специального, военного займа у народа. Это обернулось для уполномоченных по проведению такой работы огромными трудностями. Они ходили по деревням и посёлкам, носили с собой мешки с облигациями, проводили разъяснительную работу с людьми и уносили с собой мешки с деньгами.

Забегая далеко вперёд, надо сказать, что государство народ не обмануло: в течение нескольких послевоенных лет всё до копейки вернуло...

Вот и наша мама при выполнении этой работы с облигациями и деньгами иногда запрягала нашу лошадку, а чаще ходила пешком из посёлка в посёлок. И не всегда в этих походах всё обходилось благополучно.

Вот однажды зимой она уже потемну возвращалась домой на лошади. Оставалось переехать по льду нашу небольшую, но и не очень маленькую речку Яю, но вдруг лёд треснул и лошадь с повозкой провалились в воду. Прибежав домой, мама схватила лом и побежала к реке спасти застрявшую во льду лошадь и повозку. В тот год лёд на Яе был крепкий, долго не поддавался ни топору, ни лому. Мама уже выбилась из сил, а лошадь, по горло в воде, ржёт – словно зовёт свою хозяйку на помощь...

Наконец маме удалось прорубить узкий канал во льду и по нему вывезти на берег повозку. Распрягла лошадь и ввела в избу.

Дома, несмотря на то, что вымокла и промёрзла сама, нагрела воды, насобираала тряпок и этими горячими тряпками обернула лошадь. Бабушка и Шура помогали маме, саму её отпаивали кипятком. Утром лошадь отвели на конюшню, постелили побольше сена, накормили двойной порцией овса.

Но мама всё-таки сильно простудилась, тяжело заболела, несколько недель не вставала на ноги. Нужны были лекарства и усиленное питание. А где их было взять?.. И пришлось пожертвовать единственной в тогдашнем нашем хозяйстве козой. Коза эта долго жила у нас, её молоко хватало детям на кашу, взрослым – чай забелить. Пришлось от всего этого отказаться.

Мясные козьи бульоны вылечили маму, и она снова вышла на работу.

В другой раз маме нужно было поехать в дальнее село отвезти облигации уполномоченным агентам. Она запрягла спасённую ею лошадь и отправилась в путь. Дорога шла через лес, а кругом сосны, ели. Дело было во второй половине дня. До ближайшей деревни оставалось совсем немного.

Но вдруг из леса выскочила стая волков, что в наших краях случалось нередко. Волки набросились на лошадь, пытались вцепиться в бока. Лошадь бежала изо всех сил, но волки не отставали. Набросились они на кошёвку, в которой сидела мама. Она хлестала их бичом, но толку от этого не было. Тогда она достала револьвер и сделала два выстрела, попала в одного волка. Остальные оторопели и на время прекратили погоню.

Люди в деревне услышали, побежали в лес. Волков разогнали. В деревне заварили зверобой, промыли лошади раны от волчьих зубов, забинтовали проутюженными тряпками. На другой день мама по свету вернулась домой. Раны у лошади быстро зажили. Мама снова вышла на работу.

Всю войну мы жили трудно. Наш дом был небольшой: кухня и одна ком-

ната такого же размера. Нас и самих (после ухода отца на фронт) было пятеро. Но потом мама пригласила в наш дом троих беженцев из Мордовии: Ньюру Князеву, её сынишку Витьку пяти лет и её мать старушку. Убегая от немцев, они ничего из вещей с собой не взяли. У этого Витьки вообще были только одни штаны, и он сидел на печке голый, пока мать стирала и сушила эти штаны. А нам было нечем поделиться с ним в этом плане...

Может быть, кому-то и не верится во всё это сегодня, но всё было именно так. И, помнится, жили все в этой нашей тесноте, но не в обиде. Жили дружно, помогая друг другу чем могли.

Со снабжением необходимым для жизни дело обстояло так. Хлеб, соль, керосин, мыло во время войны выдавали по карточкам – строго нормированно, с учётом степени участия человека в общественно полезном труде. Для детей были особые нормы.

И вот по вечерам мы наливали в керосиновую лампу тоже строго нормированный керосин, надевали на неё стеклянный колпак, подкручивали фитиль – и это было наше освещение. Электричества до войны в нашей Яе не было.

Скучное оно было, то наше керосиновое освещение, но всё же лучше, чем непроглядная ночная тьма, особенно в зимнее время. А когда керосина не было, зажигали лучину. Гореть-то она горела, но за зиму потолок в доме становился чёрным от сажи...

Мыла тоже не хватало, стирали бельё щёлоком. Что это такое? А вот что: из поддувала выгребали золу, насыпали её в мешочек и кипятили в ведре с водой до тех пор, пока в мешочке оставалась жидкая субстанция, похожая на мыло – щёлок. Вот его выливали в воду с замоченным бельём. Оно постоит в этом щелочном растворе – и можно его стирать. Полоскали бельё летом в речке, нашей Яе. Летом забредёшь в воду по колено и полощешь бельё. Или на мостках вальком отбивали. Ну, зимой с этим было сложнее: ждали денёк потеплее, чтобы прополоскать бельё в проруби.

Как мы питались в войну? А так: варили супчик то с крапивой, то – для разнообразия – с лебедой. Крапиву и лебеду заготавливали впрок, на зиму. Варили горох. Бабушка делала из него соус и приговаривала: «Мяса нет, а белок организму нужен. Вот – вместо мяса горох...».

И всегда мы, дети, долгими зимами ждали весну! Тогда прорастала трава, прилетали скворцы... Мы за ними наблюдали. Вот только покормить их было нечем... А как только согреется земля, мы до новых холодов ходили босиком...

Ну а зимой на улицу с сестрой Ритой ходили по очереди – в сапогах отца... Никакой детской обуви не было.

И каждую зиму мы ждали весну! Тогда прорастала трава, земля была тёплой...

Вокруг нашего посёлка был густой сосновый лес. Летом там, на полянках, было много клубники, земляники. Мы и сами поедем – отведём душу, и домой принесём в кружках...

Но если отвлечься от трудностей, пережитых нами в годы войны, то у нас с Ритой было вполне счастливое детство. Родители и бабушка нас любили. Летом мы сколько хотели купались в нашей Яе, ныряли, устраивали морской

бой: кто кого перевернёт вниз головой. Когда на реке сплавляли лес, мы ходили по брёвнам – а это требовало умения. На большой поляне возле нашего дома (по улице Набережной, № 8) мы играли в городки, в лапту.

А вечерами кто-нибудь из соседей выносил на улицу баян или гармошку – звучали вальсы и фокстрот, начинались танцы. Начинали танцевать и мы с сестрой, но наш отец, вернувшийся к тому времени домой, разумно сокращал нам это удовольствие: «Рита, Ада – домой!».

Ну а в войну мы, дети, не только играли и купались, но и много работали: пропалывали грядки в огороде, окучивали картошку, носили из колодца воду на наши хозяйственные нужды... Рубили и пилили дрова, складывали их в поленницу... Прошли годы, но и эту часть нашей тогдашней жизни я вспоминаю как прекрасную.

Вот ещё помнится. Рядом с нашим домом была конюшня (в которой жила и та лошадь, мамина помощница в её делах). И вот мама приняла на работу в должности конюха Петю Зубова. Ему было тринадцать лет, но он получал настоящую зарплату. И был он очень хороший конюх. И лошадь – ту самую, мамину помощницу – скребком почистит, и в конюшне у него всегда была чистота. И кому что надо – подвезёт, и огород старушкам старым плугом вспашет... Когда Пётр стал взрослым, он в своём хозяйстве всегда держал лошадь.

От отца с фронта мы получали письма, которые всегда начинались так: «Здравствуйте, мама, Соня, Шура, Риточка и Ада!». А однажды он прислал нам переписанный от руки текст замечательной теперь песни на стихи Константина Симонова «Жди меня» и текст песни «В землянке». «Эти песни знают на всех фронтах», – писал отец.

Иногда в письмах были хозяйственные наказания жене: «Соня, продай моё ружьё и кожаный портфель – на питание детям».

Мама тоже писала отцу в письме стихи «Мечта», где говорилось, что она тоже ждёт отца, мечтает о встрече с ним.

Но в какой-то момент связь с отцом прервалась. Он был десантником, и однажды его отряд забросили куда-то глубоко в тыл врага. Многие его товарищи тогда погибли, но он с оставшимися в живых вернулся через линию фронта в свою часть. Но до этого мы успели получить чёрную бумагу – извещение: «Ваш муж пропал без вести при выполнении задания».

Мама начала разыскивать отца, писала письма его командованию. Несколько раз пришёл ответ: «Не вернулся с боевого задания». Бабушка и мама тайком от нас плакали, в газетах искали каких-то сведений об отце. Потом к нам в дом пришла эвакуированная цыганка (тогдашний психотерапевт!). Она возьмёт газетку, сомнёт и бросил в печку: «Смотри, Софочка, смотри! Вот где газета горит, там твой муж живой бежит. Он немного хромает, но вернётся домой»...

Так и вышло. Однажды Шура пришла с работы на обед поесть картошки. Заглянула в почтовый ящик, а там письмо, треугольник. Почерк показался ей знакомым, а обратный адрес был «Кузнецову В. А.» – и номер полевой почты. Шура от радости упала прямо в сених на колени и закричала: «Он живой, живой!». Мы с Ритой и бабушкой (мама была на работе) вышли из избы в сени и тоже кричали и плакали от радости. Потом Шура побежала к маме на работу,

крича на всю улицу: «Соня, Володя жив, жив!». Прохожие вслед ей улыбались – радовались вместе с нами. Тогда люди делили между собой и радость, и беду. Но вообще-то радостей в войну было мало...

Возобновилась наша переписка с отцом – жить стало сразу как-то легче. А тут и победный сорок пятый год подоспел. В последнем фронтовом письме отец написал: «Мы на марше день за днём, идём домой – на Родину. Соня, ты не выкуривай весь табачок, приеду – и покурим вместе...». Мама как закурила в войну, так и курила до старости.

Ну, демобилизация солдат шла последовательно, по возрастам – сперва демобилизовали самых пожилых. И только в ноябре сорок пятого года наш отец вернулся домой. А всё лето сорок пятого года он работал поваром в их части, кормил тех, кто воевал в последних боях. Он был ранен в ногу, и в этих последних боях участвовать не мог. И его 25 июня сорок пятого года назначили главным поваром дивизии. Дело в том, что кашеварить наш отец умел со своего одесского детства, его научил сосед Ибрагим – повар...

И вот наконец в нашу дверь раздался всем нам памятный характерный стук: отец! Мама в это время стояла у лежанки, стирала. Стук повторился. «Да, да, войдите», – сказала мама. Дверь отворилась, вошёл отец – и мама упала в обморок, но отец успел её подхватить...

Вот так оно всё было...

Потом потекло послевоенное время. Родился наш с Ритой брат – Юрочка, наша с ней опора и надежда в будущем.

И потекло это наше будущее, послевоенные годы.

Правительство наградило нашу маму медалью «За доблестный труд в Великую Отечественную войну 1941–1945 года».

А отцу по круглым датам Дня Победы вручали юбилейные медали. Но самой дорогой наградой отец считал благодарности командования. Одну из них я привожу целиком:

«За верность Родине, за мужество, за стойкость, за русскую смекалку – Благодарю!

Маршал Советского Союза

Георгий Жуков (подпись).

Начальник политотдела гвардии полковник

В. Яровой (подпись).

Начальник штаба дивизии полковник Н. Соколов (подпись).

Печать».

Жизнь нашей семьи постепенно возвращалась в довоенное русло. Мама уволилась с работы, занималась огородом, воспитывала нас, теперь уже троих детей. Бабушка стала больше отдыхать, но продолжала своё трудное дело – варила еду на всю семью.

Отец вернулся на свою прежнюю работу начальника поселковой сберкассы. К сожалению, как и предсказала когда-то цыганка Ася, отец всю жизнь после войны ходил с батожком...

Заступил отец и ещё на один пост: 25 лет он был депутатом райсовета. Вместе с председателем нашего поселкового совета депутатов Некрасовым он

много сделал для нашего посёлка. Яя преобразилась. Вначале были выстроены добротные бараки, разделённые на отдельные комнаты с буржуйками. В них переселяли оставшихся у нас беженцев из землянок.

Затем в каждый дом было проведено электричество. По улицам вдоль домов были проложены тротуары. Всё это существенно улучшило жизнь наших односельчан.

Но и это ещё не всё. Отец организовал и открыл в посёлке так называемое инвентарь-бюро. Теперь нашим сельчанам не надо было каждый раз ездить за разными товарами в Анжерку: товары доставлялись прямо в посёлок.

Под руководством нашего отца была проделана большая работа по составлению карты посёлка Яя и города Мариинска, даны названия прежде безымянным улицам посёлка. Так, недалеко от нашего дома появилась улица Красноярская: отец назвал её в память о Красноярске – городе, где они познакомились с мамой и поженились, где похоронены мамины родители и где он сам проходил военную подготовку в 1941 году.

Добился отец и того, что в нашем посёлке была построена новая школа, открыта нотариальная контора – у посёлка появился свой нотариус.

Таким вот был наш отец – Кузнецов Владимир Александрович, уроженец города Одессы (но патриот и нашей Яя!), десантник, гвардии сержант.

Мы, его дети – Маргарита, Ариадна и Юрий Кузнецовы – окончили нашу яинскую школу, получили высшее образование, обзавелись своими семьями. И чем дальше уходит от нас то время, тем с большей благодарностью за всё, данное нам, мы вспоминаем наших родителей. И бабушку...

*Литературная редакция
Галины КЛИМОВСКОЙ*

Галина БОГОСЛОВСКАЯ

(настоящее имя Газалеева Галина Ивановна)

Родилась в 1954 году в Свердловске. Окончила Свердловский горный институт, горный инженер-технолог. Доктор технических наук.

Автор более 100 публикаций в научных журналах и сборниках, двух монографий. Работала на обогатительных предприятиях горнодобывающей промышленности.

Скончалась в 2024 году в Екатеринбурге.

Сергей БОГОСЛОВСКИЙ

(настоящее имя Иван Иванович Нестеров)

Родился в 1964 году в Тюмени. Окончил Тюменский индустриальный институт, горный инженер-геолог. Автор монографии и более 80 публикаций в научных журналах и сборниках. Работал в научных организациях геологической направленности. Публиковался в литературных журналах «Врата Сибири», «Тобол».

Живёт в Тюмени.

Ефим Аронович ГАММЕР

Родился в 1945 году в Оренбурге. Окончил отделение журналистики ЛГУ в Риге. Автор 25 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству.

Член правления Международного союза писателей Иерусалима, главный редактор литературного радиожурнала «Вечерний калейдоскоп» на радио «Голос Израиля», член редколлегий израильских и российских журналов.

Живёт в Иерусалиме.

Никита Владимирович ЗОНОВ

Родился в 1968 году в Томске. Учился в Томском государственном университете на физическом и философском факультетах. Работал на руководящих должностях на томских промышленных предприятиях.

Публиковался в советских и российских литературных сборниках и журналах.

Лауреат Губернаторской премии в номинации «Поэзия» 2024 года.

Живёт в Томске.

Александр Николаевич

КАШТАНОВ

Родился в 1978 году в Стерлитамаке (Башкирия). Окончил Уральский государственный университет. Работает бизнес-аналитиком.

Публиковался в журналах «Слово», «Современная драматургия», «Перископ», «Нижний Новгород», «Бельские просторы», «Пролеткульт», «Литературга», на интернет-порталах «Год литературы», «Прочтение». Сценарий «Никакого смешного» завоевал первое место на международном конкурсе киносценариев ВГИК «Новый взгляд».

Живёт в Екатеринбурге.

Виктор Степанович

КЛИМЕНКО (1934–2019)

Родился в Омской области. Окончил с отличием историко-филологический факультет ТГУ как литератор. Работал в школах и районе Томской области. С переездом на Кубань трудился в системе Госстраха.

Автор романов, стихов, пьесы, рассказов, повестей. Публиковался в газетах, коллективных сборниках, журнале «Южная звезда» (Ставрополь) и т. д. Печатался и в журнале «Начало века».

Степан Михайлович

КЛИМОВ

Родился в Латвии в 1926 году. В 1941 году депортирован в Нарымский край. Автор замечательно написанных воспоминаний о годах ссылки. Их фрагменты неоднократно печатались в журнале «Начало века». Здесь же публиковались его рассказы.

Сейчас житель города Тарту (Эстония).

Николай Анатольевич

КОНИНИН

Родился в 1953 году в пос. Эльдикан Усть-Майского района (Якутия). Отец – топограф-геодезист, мать – библиотекарь. Образование среднее. Служил в армии, работал каменщиком, электриком, грузчиком, формовщиком. С 1998 года живёт в Томске.

Книги стихов «Давай нарисуем», «Гусину равняюсь косяку». Проза – «Достойное время застоя». Его стихи и прозу представлял журнал «Начало века».

Живёт в Томске.

АВТОРЫ НОМЕРА

Ольга Михайловна КОРТУСОВА

Родилась в 1958 году в Томске. Окончила факультет прикладной математики и кибернетики Томского государственного университета.

Печаталась в различных литературных альманахах. Автор поэтических книг: «Приглашение» (1999), «Шкатулка Клеопатры» (2003), «Колыбельная для эпохи» (2007), «Книга для птиц и людей» (2007), «Простая песня» (2010), «Новорождённая душа» (2013), «Ясынька» (2015), «Когда уходит снег во тьму» (2017).

Член Союза российских писателей.

Живёт в Томске.

Владимир Михайлович КРЮКОВ

Родился в 1949 году в селе Пудино на севере Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. Работал учителем в сельских школах, в школе колонии строгого режима, сторожем, механиком телевизионного ретранслятора в райцентре, в газете Западно-Сибирского речного пароходства и в газетах Томска.

Автор нескольких сборников стихотворений, книг прозы, книги воспоминаний «Заметки о нашем времени».

Печатался в журналах «Звезда», «Знамя», «Москва», «Урал», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «День и ночь», в русскоязычных альманахах Германии «Пилигрим» и «Эдита», в польском альманахе «Aspekty».

Член Союза российских писателей.

Живёт в селе Тимирязевском под Томском.

Сергей Александрович КУКЛИН

Родился в Томске в 1959 году. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Работал геологом на пространствах от Казахстана до Арктики. Печатался в журналах: «Сибирские огни», «Начало века», в альманахе «Каменный мост». Автор трёх книг прозы: «Там реки вместо улиц», «Время собирать камни», «Воля».

Сейчас работает в Томске главным геологом изыскательской экспедиции.

Евгений Владимирович МИРМОВИЧ

Родился в Ленинграде в 1973 году. В прошлом офицер, подполковник, с 2012 года

предприниматель, с 2019 года один из редакторов литературного портала «Изда читальня». Выпускник литературных курсов при Литинституте им. Горького.

Публиковался в сборнике «Писатель года 2021», альманахах «Дороги жизни» и «Притяжение», в «Литературной газете», в журналах России, в том числе и в «Начале века».

В 2021 году вышел сборник короткой прозы Евгения Мирмовича «Бессмертие».

Александр Иванович МУЛЕНКО

В прошлом – огнеупорщик. Был участником Чернобыльской кампании 1986 года, во время которой работал в Лукьяновке на строительстве домов для переселенцев из зоны аварии. Последние пятнадцать лет своей трудовой деятельности обучал строительным специальностям осуждённых в колонии строгого режима. В настоящее время – инвалид, пенсионер.

Автор книг «Волшебное озеро», «Остров Иванушкина Миши», «Счастье в яме», «В преддверии праздника».

Член Союза писателей России.

Живёт в городе Новотроицке Оренбургской области.

Татьяна Сергеевна НАРАЕВА

Родилась в 1972 году в Новокузнецке. Отрочество и юность провела во Фрунзе, столице Киргизской ССР. С 1989 по 1994 годы училась на философском факультете ТГУ. Пишет стихи, рассказы и новостные заметки со школьных лет.

В своём журнале «Реальный сектор» регулярно публиковала материалы краеведческого и историко-культурного характера. Автор ряда книг об истории томских предприятий.

Книга «Малиновка поёт даже в сумерках» посвящена истории семьи вынужденных эстонских переселенцев, репрессированных в 1941 году.

В настоящее время является главным редактором официального издания департамента труда и занятости населения Томской области – газеты «Кадры решают всё в Томской области».

Николай Николаевич ПОПОВ

Родился в 1962 году в посёлке Батурино Асиновского района Томской области. Окон-

АВТОРЫ НОМЕРА

чил Томский топографический техникум. Работал топографом изыскательской партии, мастером лесозаготовки и технологом деревообработки леспромхоза, рабочим лесопитомника, слесарем механосборочных работ на машиностроительном производстве, сварщиком, прорабом строительной компании, отделочником.

Публиковался в многотиражной печати.

В настоящее время – пенсионер. Живёт в Томске.

Виктор Александрович СВИНИН

Родился в 1945 году в Томске. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. Работал преподавателем в вузе, в пресс-службе СХК.

В качестве журналиста работал в «Томском вестнике», сборком «Независимой газеты», журнала «Финансы в Сибири». Автор книги «В эпоху перемен».

Живёт в Томске.

Геннадий Кузьмич СКАРЛЫГИН

Родился в Кемеровской области. Окончил Томский государственный университет.

Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Московский вестник», «Сибирские огни», «Российский колокол», «День и Ночь», «Огни Кузбасса», «Барнаул», «Начало века», в альманахе Академии поэзии и других изданиях. Вошли в «Антологию русской сибирской поэзии. XX век».

Книги – «Всё унесёт река», «У заветного камня», «Родной человек» и другие.

Секретарь правления Союза писателей России. Председатель Томской областной писательской организации.

Павел Петрович СУХАЧЁВ (1930–1993)

Плавал мотористом по Чулыму, работал автомехаником, монтажником, слесарем, мастером и главным инженером ПМК. Трудился и на Севере, осваивал нефтяные месторождения. Стоял у истоков создания в городе Асино отделения общества «Мемориал» и был его сопредседателем.

В 2010 году в Асино вышел седьмой вы-

пуск «Творческого Причулымья», в котором опубликован полный библиографический список работ Сухачёва. Он называется «Времена не выбирают» и содержит ссылки на 222 публикации. Павел Петрович Сухачёв удостоен звания Почётного гражданина города Асино (посмертно).

Рассказы и стихи П. Сухачёва печатались в журнале «Начало века» (№ 4 2023).

Александр Сергеевич ТАРАЗАНОВ

Родился в 1954 году в Томске. Служил в рядах СА (стройбат). Окончил Томский коммунально-строительный техникум и был рабочим, электриком, кочегаром и т. д.

В 2001 году со своей женой Ириной Киселёвой выпустил совместный сборник стихов «Прикосновение». Прозу публиковал в интернет-журнале «Наша улица» в 2015 году (рассказ «Игнат и попугай»).

Постоянный автор журнала «Начало века». Автор книг прозы: «Ангел Наташа» (2018), «Кирины истории» (2023). Лауреат Международного литературного фестиваля «Балтийский Гамаюн».

Ариадна Владимировна ЦИМБАЛИСТ

Родилась в 1940 году.

Физик. Специалист по ускорителям заряженных частиц, а именно по сильноточным бетатронам. Автор и соавтор многочисленных научных статей.

Имеет авторские свидетельства и патенты на изобретения. Награждена нагрудным знаком почёта «Изобретатель СССР», а также медалями ВДНХ за научные разработки.

Живёт в Томске.

Сергей Константинович ЯКОВЛЕВ

Родился в 1950 году в селе Воронина Пашня Асиновского района Томской области. Окончил Литературный институт имени М. Горького, где учился в семинаре Владимира Кострова.

Автор книг стихов «Краснопогодье», «Дикая роза шиповник», «Берестень» и других.

Член Союза писателей России.

Живёт в Томске.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В. Крюков

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: kryukov-49@mail.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2025 г.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 4.03.2025 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1